

Pavel Beloglinsky

ЗОВ ПЛОТИ

Pavel Beloglinsky

ЗОВ ПЛОТИ

POST SCRIPTUM: ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРВОЕ (ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ), или КАК МОГЛА БЫ ЗАВЕРШИТЬСЯ ИСТОРИЯ, ЕСЛИ Б ЗВЁЗДЫ СОШЛИСЬ ПО-ДРУГОМУ. «Криминальные новости. / Как нам стало известно из официальных источников, завершено расследование уголовного дела в отношении педофила, который летом прошлого года на территории дачного кооператива «Весна» в течение месяца неоднократно насильовал четырнадцатилетнего подростка. / Коротко напомним историю этого вопиющего случая. / Летом прошлого года на одном из дачных участков бригада гастарбайтеров возводила коттедж. Там же гостил четырнадцатилетний мальчик, внук хозяйки участка. Пользуясь малолетним возрастом жертвы, а также тем, что ребёнок в силу своего возраста не мог в полной мере осознавать происходящее, один из работников регулярно насильовал мальчика, нарушая тем самым его половую неприкосновенность. Разоблачить педофила помог случай: соседка по даче стала невольной свидетельницей совершаемого в отношении малолетнего мальчика преступления в извращенной форме, после чего женщина без промедления позвонила в полицию. В тот же день педофил был арестован. / На сегодняшний день расследование преступных деяний в отношении несовершеннолетнего подростка завершено, уголовное дело передано в суд. Преступнику грозит до 25 лет тюремного заключения».

Лето стоит жаркое, так что работать можно только утром, с первыми лучами солнца, и потом вечером, когда солнце начинает клониться к закату, – днём воздух наполняется обжигающим зноем, всё накаляется, пот заливает глаза – днём бригада прячется в сарае, оборудованном под временное жильё. Бригада – это неразговорчивый пятидесятилетний Богдан, у которого официально нет отчества, однако Нина Васильевна, ещё в прошлом году выяснив, что отца Богдана звали Петру, называет бригадира исключительно Богданом Петровичем; мотивируя это тем, что «у нас не принято взрослых чужих людей называть только по именам, поскольку это выглядит неуважительно»; помимо Богдана Петровича в бригаде ещё два человека – сын Богдана Петровича по имени Драгош, такой же малоразговорчивый, как и отец, и племянник Богдана Петровича по имени Марку, которого Нина Васильевна называет Марком. Драгошу лет под тридцать или все тридцать, выглядит он угрюмо, а Марку, как выяснила Нина Васильевна, двадцать два года, и Марк прямая противоположность Драгошу: в отличие от своих неразговорчивых родственников, Марк весёлый, общительный, за словом в карман не лезет, – Марк Кириллу понравился сразу.

Летом прошлого года бригада Богдана Петровича, точно так же состоявшая из трёх человек, работала на участке приятельницы Нины Васильевны, – за два месяца они возвели на дачном участке небольшой коттедж, помимо этого выполнили все отделочные работы, и Нина Васильевна, периодически заходя к приятельнице, видела, как споро движется работа, как всё в результате получается качественно и доброту, – вот тогда-то Нина Васильевна и договорилась с Богданом Петровичем, что на следующее лето работой бригаду обеспечит она. Весной Нина Васильевна созвонилась с Богданом Петровичем – подтвердила, что договор их остаётся в силе, она оформила все документы на подведение коммуникаций, завезла кирпич и другие

строительные материалы, так что когда в конце мая бригада прибыла для строительства коттеджа, всё было готово и можно было приступить к работе. Вот только вместо Василия, другого сына Богдана Петровича, который работал в бригаде в прошлом году, был Марку – племянник Богдана Петровича, и Нине Васильевне этот Марку поначалу не понравился, точнее, показался каким-то несерьёзным для предстоящей работы: Марку был симпатичный, белозубый, во взгляде его и даже в его движениях было какое-то нахальство, он много разговаривал и много смеялся... ну, и какой это работник? «Цыган», – подумала Нина Васильевна, беспокоясь о том, что объём работы предстоит большой, бригада и так маленькая, да ещё в бригаде этот Марку, не производивший впечатление серьёзного работника. Однако буквально через несколько дней Нина Васильевна, понаблюдав за работой бригады, своё мнение о деловых качествах «цыгана» изменила: молодой веселый Марку в работе ничуть не уступал работающему угрюмому Драгошу.

К тому времени, когда на дачу к Нине Васильевне приехал внук Кирилл, точнее, Нина Васильевна привезла Кирилла, чтобы, как высокопарно она выразилась, «Кирюша хотя бы немного побыл на лоне природы», первый этаж полутораэтажного коттеджа уже был почти готов, и Нина Васильевна не без гордости за себя, деловую женщину, устроила для Кирилла небольшую экскурсию – показала, где что будет; котельная, кухня, гостиная, санузел, небольшая сауна – всё было спланировано самой Ниной Васильевной без всяких покупных проектов, и всё было максимально компактно и удобно; кроме того, частью коттеджа должен был стать гараж для машины; на втором этаже, как объяснила Кириллу Нина Васильевна, будет кабинет, две спальни и еще один сантехнический узел, но это будет не полноценный этаж, а этаж мансардный, или мансарда под двускатной крышей с небольшой террасой над гаражом. Кириллу всё это было не очень интересно, но он сказал «отлично!», глядя, как симпатичный парень, подавшись вверх по лестнице,

подаёт в ведре раствор Богдану Петровичу, – на парне были короткие светло-синие шорты, туго обтягивающие его круглую, похожую на два футбольных мяча попу...

Вечером, сидя с Ниной Ивановной в беседке за лёгким ужином, Кирилл узнал, что бригада, которая возводит коттедж, отличная, что бригаду эту Нина Васильевна присмотрела еще в прошлом году, что кладку делает только старший, то есть бригадир, которого зовут Богдан Петрович, а «мальчики у него на подхвате, они выполняют всю вспомогательную работу» и они «тоже молодцы – работают на совесть, не ленятся»; еще Нина Васильевна рассказала Кириллу, что Богдан Иванович вдовец, что у него два сына, и Драгош, который сейчас здесь, это старший сын; у Драгоша дома жена и семилетняя дочка; а Марку – это племянник Богдана Ивановича, ему двадцать два года, и поначалу Марку ей, Нине Васильевне, показался каким-то несерьёзным, неспособным для серьёзной физической работы, но потом оказалось, что это первое впечатление было обманчивым; Марк попросился в бригаду к Богдану Петровичу вместо сломавшего руку Василия, чтоб заработать деньги на свадьбу: дома у Марку есть невеста, и по осени они планируют сыграть свадьбу. Кирилл спросил, почему Нина Васильевна говорит то «Марку», то «Марк», и Нина Васильевна объяснила Кириллу, что Марку – это по паспорту, и так называют Марка Богдан Николаевич и Драгош, а она, Нина Васильевна, называет Марку Марком, потому что ей так сподручнее, – в самом начале она спросила у Марку, можно ли называть его Марком, и Марку сказал, что можно, что так его называют часто. Еще Кирилл узнал, что обитает бригада в сарае, который они немного отремонтировали и приспособили под своё временное жильё, – Богдан Петрович провёл туда электричество, есть там электроплитка, есть холодильник, который Нина Петровна перевезла из своей городской квартиры лет семь тому назад и который все эти годы стоял в сарае без дела.

Поселился Кирилл в одной из двух комнат старого дачного домика, который Нина Васильевна предполагала осенью, когда будет готов коттедж, снести, чтобы на освободившемся месте посадить плодовые деревья, – домик был допотопный, маленький, деревянный, совершенно непригодный для жизни зимой; внутри было две изолированные комнаты, и еще была, чуть побольше, комната-веранда, которая служила одновременно и кухней, и столовой, в комнате, которую занял Кирилл, была деревянная кровать, был небольшой прикроватный столик и еще был один стул – комнатка была крохотная, больше в ней просто-напросто ничего бы не поместилось, да больше ничего и не требовалось, если не жить на даче постоянно, а приезжать время от времени отдохнуть на природе. Нина Васильевна была уже на пенсии, но ещё работала в одной известной адвокатской конторе, так что в это лето она «просто разрывалась» между городом, где были всякие дела по работе, и дачей, где тоже требовалось её хозяйское присутствие...

В ту первую ночь своего пребывания на даче Кирилл думал о Марке... После ужина Нина Васильевна сказала, что она устала и идёт спать, Кирилл посидел еще немного в беседке, спать совсем не хотелось, но ему требовалось уединение, и он, выждав какое-то время, чтобы уснула Нина Васильевна, прошел в свою комнату; в комнате Кирилла было большое, на полстены, окно, которое днём закрывалось плотной шторой, чтоб сохранять в комнате прохладу, – Кирилл, не включая свет, тихо отодвинул штору в сторону, и комната вмиг наполнилась лунным светом; окно открывалось – Кирилл, тихо приподняв шпингалет вниз и так же бесшумно опустив шпингалет вверх, открыл окно, – воздух за окном был ничуть не прохладнее, чем в комнате, и всё равно из окна повеяло лёгкой ночной свежестью; какое-то время Кирилл стоял неподвижно, чутко прислушиваясь к тишине и в домике, и за распахнутым окном, потом бесшумно стянул с себя шорты-карго и, оставшись в белых трусах, тихо опустился на постель – лёг

на спину, вытянувшись в полный рост; а еще через минуту, приспустив трусы, Кирилл обхватил ладонью твёрдый, горячий, сладостно зудящий у основания головки член, и... он, Кирилл, думал о Марке: у загорелого Марка были сильные ноги и сильные руки, – поднявшись по прислоненной к стене лестнице вверх, Марк без видимого труда поднимает над головой ведро с раствором, подаёт ведро Богдану Петровичу, что-то весело говорит при этом на непонятном языке... короткие синие шорты туго обтягивают круглую, похожую на два футбольных мяча попу Марка, и когда он, поднимая вверх ведро, тянется вверх всем телом, ягодицы у Марка непроизвольно сжимаются, и на футбольных мячиках, на обтянутых шортами булочках, появляются маленькие ямочки-впадины... потом эти ямочки исчезают, и кажется, что играет; загорелая потная спина Марка блестит на солнце, и блестят на солнце его мускулистые потные ляжки, – бесшумно дыша приоткрытым ртом, Кирилл ритмично двигал правой рукой, скользя мысленным взором вверх-вниз по мускулистой, плотно сбитой и вместе с тем стройной фигуре Марка... ничего такого Марк в воображении Кирилла не делал, Кирилл даже не стягивал с Марка шорты, чтобы представить Марка совсем голым, а только задерживал свой мысленный взгляд на обтянутой шортами попе, и этого... этого было вполне достаточно, – кровать под Кириллом ритмично поскрипывала, но этот ритмичный характерный скрип был едва различим, так что можно было не беспокоиться, что, к примеру, этот скрип может услышать спавшая за стенкой Нина Васильевна...

Утром Кирилл первым делом отнёс и выбросил в туалет использованные – спермой пропитанные, но за ночь успевшие высохнуть – скомканные салфетки, – удобства, как принято говорить в таких случаях, были на улице; бригада уже работала, и когда Кирилл, возвращаясь назад, проходил мимо Марка и Драгоша, Марк, мимолётно глянув на Кирилла, весело сказал «Привет!». «Доброе утро!» – громко, подчеркнуто бодро проговорил Кирилл,

поздоровавшись таким образом сразу со всеми тремя работавшими строителями одновременно – никак при этом не выделяя Марка. После завтрака Нина Васильевна показала Кириллу в холодильнике, что и как он разогреет себе на обед, – у Нины Васильевны предстоял трудный день, было итоговое судебное заседание по делу о крупном хищении, и она, пообещав Кириллу привезти на ужин «что-нибудь вкусненькое», укатила в город, а Кирилл, поставив шезлонг в беседке так, чтобы в просветах между листьями винограда можно было видеть работавших, уткнулся в свой телефон, – Кирилл был зарегистрирован в нескольких соцсетях, ещё в телефоне были разные игры, так что сидеть с телефоном в руках было для Кирилла делом повседневным и обычным, но в этот раз Кирилл то и дело отрывал взгляд от телефона, чтоб посмотреть на Макса...

Изначально Кирилл вообще не хотел ехать на дачу, искренне не понимая, что там, на даче, можно делать, потом, чтобы дома от него отстали, согласился поехать, но только на два дня, не больше, а по прошествии двух дней вечером, за ужином, он сказал Нине Васильевне, что хочет еще побыть какое-то время «на лоне природы», чем несказанно Нину Васильевну обрадовал: «Вот, Кирюша! Я же тебе говорила, что тебе понравится! Столько здесь воздуха, столько солнца... рай!» – хотя Нина Васильевна и проработала всю жизнь в той системе, где приходилось постоянно сталкиваться с человеческими трагедиями, с человеческой низостью и подлостью, к своим шестидесяти годам она, тем не менее, не утратила некоторого романтизма в восприятии жизни.

Кирилл сказал Нине Васильевне, что он хочет остаться на даче еще на какое-то время, и... на что он, Кирилл, надеялся? За два прошедших дня Марк лишь два раза сказал Кириллу одно и то же слово «привет!» и больше не обращал на Кирилла никакого внимания; Нина Васильевна после завтрака уезжала по своим делам в город; Кирилл усаживался в беседке с телефоном в руках –

Кирилл смотрел на Марка, на его атлетически сложенное и вместе с тем стройное, гибкое, в работе подвижное тело, смотрел на короткие светлосиние шорты Марка, плотно обтягивающие его круглую попу... нередко Марк, стоя к Кириллу спиной, наклонялся, чтобы что-то поднять с земли, и тогда футбольные мячики Марка чуть раздвигались в стороны, шорты, и без того тесные, врезались в образовавшуюся при наклонах ложбинку, отчего сами футбольные мячики становились еще рельефнее... Кирилл, сидя в беседке, в которой он был невидим со стороны, сквозь небольшую прореху в листьях виноградника то и дело, отрываясь от телефона, смотрел на Марка, любовался Марком, ласкал загорелое тело Марка взглядом, и это невинное созерцание наполняло Кирилла томительной сладостью – член у Кирилла твердел, напрягался, наполнялся щекотливым зудом, сидящий в шезлонге Кирилл, в одной руке держа телефон, другую руку запускал в трусы, и... разряжался Кирилл, освобождаясь от спрессованного за день напряжения, перед сном, – так прошел третий день, четвёртый... а на пятый день случилось э т о – именно с л у ч и л о с ь, потому что всё случившееся произошло спонтанно и непреднамеренно, и весь следующий день, наблюдая из своего укрытия за Марком, Кирилл вновь и вновь прокручивал в своей голове то, что случилось, что произошло накануне... между тем, Марк вёл себя, как обычно – вёл себя так, как и все предыдущие дни: энергично работал, говорил о чём-то на непонятном Кириллу языке то с молчаливым Драгошем, то с Богданом Петровичем, смеялся, легко поднимался вверх по лестнице, подавая Богдану Петровичу вёдра с раствором, и как Кирилл ни всматривался в Марка, как ни старался увидеть что-то такое, что изменилось бы в Марке после случившегося, всё было то же самое... всё было так, словно не было накануне ничего, – перед сном, приспустив трусы, сжимая пальцами твёрдый, жаром пламенеющий член, Кирилл сладострастно двигал рукой – бесшумно дробил, снова и снова прокручивая перед мысленным взором с л у ч и в ш е е с я, смутно желая, чтобы всё то, что было

вчерашним вечером наяву, повторилось снова... тёплая летняя ночь при открытом окне, когда спится особенно безмятежно и счастливо; прошла, и наступило утро – утро седьмого дня, – шесть предыдущих дней пролетели для Кирилла как один миг...

Дома, в городе, Кирилл живёт с матерью, отца у Кирилла нет... мать познакомилась с хорошим человеком, иностранцем, замаячило что-то серьёзное, и бабушка Кирилла, Нина Васильевна, уговорила Кирилла поехать на дачу, чтобы дать дочери «оперативный простор» для принятия окончательного решения, стоит или не стоит продолжать отношения, – Кирилл про друга матери ничего не знает, и потому он понятия не имеет, почему Нина Васильевна вдруг загорелась желанием показать внуку новый коттедж, но, уступая Нине Васильевне, он согласился поехать на дачу «на два дня, не больше», а вот уже пролетело шесть дней, вот уже наступил день седьмой, и у Кирилла даже мысли не возникает о том, чтоб возвращаться с дачи домой, – все мысли Кирилла с самого первого дня его пребывания на даче были заняты Марком, а после того, что случилось на пятый день, точнее, на переходе пятого дня в шестой... и вот – день седьмой: проснувшись, Кирилл выходит из старого дачного домика на улицу с единственным желанием – побыстрее увидеть Марка, но первое, что бросается Кириллу в глаза, это отсутствие работы на строительстве коттеджа: нет ни Марка, ни Драгоша, ни Богдана Петровича... нет никого! Солнце ещё не поднялось высоко, ещё не опалает безжалостным зноем – бригада должна бы ещё работать, а нигде никого не видно, – Кирилл растерянно вертит головой вправо-влево, пытаясь понять, в чём дело; Нина Васильевна ещё вечером сказала, что утром она уедет в город, вечером она проинструктировала Кирилла, что он должен разогреть себе на завтрак... но где все остальные? Ну, то есть... где Марк?!

- Эй! – слышит Кирилл голос Марка и, быстро повернув голову в ту сторону, откуда раздаётся голос, видит Марка, сидящего на траве в тени за штабелем сложенных деревянных брусьев. – Только встал?

- Да... только что! – отзывается Кирилл, он смотрит на Марка, Марк смотрит на него, и Кирилл чувствует, как сердце в него в груди начинает биться, стучать сильнее. – А где все? – спрашивает Кирилл, изо всех сил стараясь придать своему голосу будничную обыденность, словно они, Марк и Кирилл, знакомы уже сто лет... словно день назад совсем ничего не было.

- Хочешь приколы посмотреть? – не отвечая Кириллу на вопрос про всех, спрашивает Марк: он опускает взгляд вниз – смотрит на монитор телефона, и у Кирилла тут же возникает мысль, что Марк к нему, к Кириллу, потерял всякий интерес.

- Хочу! А что за приколы? – Кирилл, говоря это, не двигается с места.

- Так иди сюда! – Марк, оторвав взгляд от телефона, смотрит на Кирилла с лёгким недоумением, не понимая, почему Кирилл до сих пор стоит, как истукан, в отдалении – почему он не подходит.

- Сейчас! Подожди секунду! – торопливо, радостно говорит Кирилл и, развернувшись, быстро скрывается в домике – подскакивает к зеркалу, секунду-другую смотрит в зеркало на симпатичного миловидного пацана... впрочем, в том возрасте, в каком пребывает Кирилл, пацаны все миловидные, даже если они не очень симпатичные, а он, Кирилл, очень даже симпатичный, при этом никаких девчачьих черт в его лице нет – просто симпатный пацанчик с едва заметным пушком над верхней губой... и тот пацан, который смотрит на Кирилла из зеркала, ему, Кириллу, нравится.

Метнувшись в свою комнату, Кирилл одним движением вместе с трусами сдёргивает с себя удлинённые шорты-карго, суёт трусы под подушку, достаёт

из своей сумки, с которой приехал он на дачу, тесные трусы-плавки, надевает их, поправляет в трусах не эрегированный и потому податливо мягкий, но всё равно заметно утолстившийся член, снова натягивает шорты... член у Кирилла уже пару лет живёт своей собственной жизнью – стояки случаются порой в самые неподходящие моменты, и тогда тесные плавки-трусы отлично помогают нивелировать возможную неловкость, – стояки происходят спонтанно, иной раз стремительно, так что у Кирилла нет никакой уверенности в том, что член его не подскочит, не вытянется твёрдым нестигаемым колом во время общения с Марком или даже в тот момент, когда он, Кирилл, будет к Марку подходить; а с другой стороны... разве Кирилл не хочет, чтобы Марк увидел его стояк и чтобы Марк понял, отчего Кирилл возбуждён и что он от Марка хочет? Он, Кирилл, хочет... а если Марк еще раз не хочет, если Марк ни о чём таком вообще не думает – и как тогда он, Кирилл, будет выглядеть в глазах Марка со своим стояком? Мысли Кирилла горячи, и вместе с тем всё смутно и зыбко, всё непонятно, неопределённо, всё лишено четкой конкретики: одно дело – воображать всякое-разное наедине с собой, сладко двигая при этом рукой, содрогаясь от оргазма, и совсем другое дело, когда всё возможно в реале...

Проходит не больше пары минут, – Кирилл, стараясь всем своим видом продемонстрировать Марку олимпийское спокойствие, снова выходит из дачного домика – выходит неторопливо, даже как бы лениво; Марк сидит на том же месте в той же позе – смотрит с улыбкой на монитор телефона.

- Ну, ты чего тормозишь? Прикольные ролики... иди, вместе поржем! – Марк, оторвав взгляд от телефона, с улыбкой смотрит на Кирилла; у Марка короткая стрижка, смуглое лицо, чуть припухшие, красиво очерченные губы, которые – Кирилл уже знает! – могут быть горячими-прегорячими... – Или ты боишься чего-то? – Марк смотрит на Кирилла с чувством лёгкого недоумения; Марку двадцать два года, он симпатичен, в его мужском облике

все соразмерно и гармонично... Кириллу Марк кажется настоящим красавчиком.

- Ничего я не боюсь! – пожимая плечами, Кирилл старается произнести эти слова как можно небрежнее... конечно, он не боится! Или боится? А если боится, то чего он боится? Все предшествующие дни из своего укрытия Кирилл наблюдал за Марком, хотел быть рядом с Марком, и вот, когда Марк его зовет... сердце у Кирилла учащенно бьётся, и так тихо кругом... где все?

Кирилл, преодолевая два десятка метров, неспешно подходит к Марку. Шорты на Марке другие – не те светло-синие, в которых Марк всё время работал, а светло-красные, но тоже короткие, плотно обтягивающие, – ноги Марка согнуты в коленях и чуть расставлены в стороны; в руке, положенной на коленку, Марк держит телефон, из которого доносится смех; Кирилл непроизвольно скользит взглядом по оголённым ляжкам Марка, невольно смотрит Марку между ног, благо ноги раздвинуты: шов шорт врезался Марку в мошонку, так что между расставленными ногами Марка выпукло, рельефно бугрится его стиснутое шортами «хозяйство».

- Садись! – Марк кивком головы показывает Кириллу на место рядом с собой, и Кирилл, не раздумывая, послушно опускается на траву рядом с Марком. – Смотри, какая рыбалка...

Здоровенный черный котяра, опираясь одной лапой на край аквариума, в котором мечутся маленькие золотистые рыбки, другую лапу раз за разом запускает в воду – в надежде полакомиться-попировать, но у кота не хватает ловкости, рыбки ускользают, мечутся по аквариуму, и котяра, полагая, видимо, что для успешной рыбалки ему необходимо сесть на край аквариума, совершает смертельный прыжок: он чуть приседает, рывком отрывает от стола задние лапы, стремительно подаётся вверх, и... в следующее мгновение, перевернувшись через борт аквариума, котяра, как заправский

водолаз, погружается в воду до самого дна, – обезумевшие рыбки в ужасе мечутся по аквариуму, но рыбаку уже не до них – рыбак в ужасе сам...

Кирилл и Марк смеются; это ТикТок, где море всяких прикольных видосов, и Кирилл сам иной раз, увлѣкшись, может и час, и больше смотреть короткие забавные сюжеты, – время, когда сидишь в Интернете, летит незаметно.

- Смотри, вот тоже ржачно! – говорит Марк; он держит телефон посередине, между собой и Кириллом, чтобы смотреть им было удобно обоим, и Кирилл, вместе с Марком просматривая ролики, смеясь над разными приколами, отпуская короткие, ничего не значащие реплики, то и дело косится на Марка: они сидят так близко... они так близко сидят друг от друга, что если кто-то из них чуть подастся в сторону другого, то они, Марк и Кирилл, соприкоснутся плечами...

Грудь у Марка рельефно разделена на два чуть приподнятых эластичных диска – не как у качков, когда большая грудная мышца накачана, а просто красивая, сильная грудь, как у атлетов: два диска-панциря, на коорых большие тѣмно-коричневые соски... у Кирилла соски маленькие, бледные, словно две кнопки, а у Марка соски кажутся сочными, словно они налиты молодой силой; волос на груди у Марка нет – грудь чистая, загорелая, так что кожа кажется атласной; волосы у Марка растут сразу ниже пупка – черные волосы дорожкой спускаются вниз, под резинку светло-красных шорт, туго обтягивающих бѣдра, – Кирилл то и дело смотрит на округлый, плотно обтянутый шортами и оттого рельефно выпирающий бугорок между раздвинутыми ногами Марка... член у Кирилла стоит, но, во-первых, на Кирилле узкие плавки, вдавливающие напряженный член в мошонку, а во-вторых, свободные шорты морщатся складками, так что стояк Кирилла совершенно незаметен, – Кириллу хочется прикоснуться к своему сладко

зудящему члену, но он сдерживает себя – не делает этого, чтобы Марк не увидел и не догадался, что у него, у Кирилла, стоит...

- Так я не понял... я спросил тебя, а ты не ответил... где все? – спрашивает Кирилл, глядя, как Марк, держа телефон в ладони, водит пальцем по дисплею, пропуская в ТикТоке рекламу.

- Дядя Богдан с Ниной Васильевной поехали выбрать и заказать доски для перекрытия между этажами... доски для потолка-пола. Драгош с ними поехал – у него шорты сносились, нужно новые купить... ну, и запас продуктов нужно сделать – у нас холодильник уже пустой... – говорит Марк, не глядя на Кирилла.

- А ты почему не поехал? – Кирилл вопросительно смотрит на Марка.

- Не захотел, – Марк, глянув на Кирилла, снова переводит взгляд на дисплей телефона. – Покупать мне в городе ничего не надо... ну, и фиг я там буду делать по такой жаре? Лучше здесь посидеть, в тенёчке... правильно я говорю?

- Правильно, – соглашается Кирилл, кивая головой; Марк смотрит на дисплей телефона; Кирилл, наклонив голову, искоса – чтобы Марк не видел, куда направлен его взгляд – смотрит на рельефный, округло обтянутый шортами бугорок между распахнутыми, разведёнными в стороны ногами Марка; член у Кирилла сладостно напряжен – член стоит...

Кириллу четырнадцать, даже больше – четырнадцать с половиной, и он, как принято говорить в таких случаях, «сексуально озабочен», что совершенно понятно и объяснимо для любого нормального парня в таком возрасте; впрочем, вся сексуальная озабоченность у Кирилла, как у многих его ровесников, пока сводится лишь к ежедневной мастурбации, к разным сладким фантазиям, и не более того, причём, Кирилл сам не знает, с кем бы

он хотел воплотить свои жаркие фантазии в жизнь, – дрожит Кирилл и «на девчонок», и «на парней» с одинаковым успехом; иногда он дрожит, представляя одноклассника Владика, о чём Владик, понятное дело, даже не подозревает; ничего т а к о г о у Кирилла с Владиком никогда не было, и вообще они даже не друзья, а просто приятели-одноклассники, но Владик этот Кириллу нравится – время от времени Кириллу кажется, что он во Владика немного влюблен, и тогда Кирилл дрожит «на Владика»... а иногда он дрожит, мысленно представляя Вику, с которой он в школе во время занятий сидит за одним столом, – Вика, естественно, тоже ничего не подозревает о том, что она служит для Кирилла объектом его жарких фантазий, и когда Кирилл дрожит «на Вику», ему кажется, что влюблен он в Вику... словом, в этом вопросе Кирилл ещё сексуально индифферентный, «стоящий посередине»: у него в его сексуальных позовах нет какой-то четко осознаваемой определённости – нет однозначного выбора между девчонками и парнями, – Кирилл с одинаковым кайфом дрожит и «на девчонок», и «на парней», и в этом он не какой-то особенный или необычный – такая амбивалентность, природная двойственность, характеризующаяся одновременным существованием разноплановых предпочтений, связана с юным возрастом, когда секс еще не социализирован, не втиснут в прокрустово ложе табу и шаблонов, а значит ещё не детерминирован какой-то одной «ориентацией», – многие подростки, и Кирилл здесь не исключение, какое-то время пребывают в таком состоянии внешне не видимой сексуальной неопределённости, зависают «посередине», или, как ещё говорят, «играют за обе команды», будь то в мыслях-фантазиях или в реальности, что обусловлено, опять-таки, всё той же нормальной бисексуальностью подросткового возраста, – внешне такая «сексуальная озабоченность» Кирилла никак не проявляется, она никому не заметна и не видна – свою виртуальную «половую жизнь», как это часто бывает у подростков, Кирилл ведёт втайне от всех, наедине с самим собой, воображая

разные сладостные ситуации, которые могли бы случиться, но пока еще не случились.

Сейчас Кирилл тайно влюблён в Марка... ну, то есть, влюблён уже седьмой день – с первого дня своего пребывания на даче, с той минуты, как он увидел Марка впервые, – за всё это время он, Кирилл, приспуская с себя трусы перед сном, сладострастно двигая рукой, чтоб насладиться и сбросить напряжение, ни разу не вспомнил ни про спортивного Владика с круглой попой, ни про смешливую Вику, ни про кого-либо другого – все его чувства и мысли наполнены только Марком... даже имя Марка – Марк – кажется Кириллу необыкновенно красивым: Марку, Марк... что-то в имени этом есть, как кажется Кириллу, античное, древнеримское: «молодой император Марк»...

Они сидят рядом на траве под стеной строящегося коттеджа – смотрят ролики в ТикТоке, и... Кирилл думает, что на даче нет никого, и если сейчас Марк его, Кирилла, обнимет, властно притянет к себе... или, допустим, просто положит руку ему, Кириллу, на плечо и тоже... тоже притянет его к себе – у Марка сильные руки, и он это сможет сделать без особого труда, то... как ему, Кириллу, в таком случае быть – как ему нужно реагировать?

- А когда они приедут? – спрашивает Кирилл, глядя на Марка.

- Кто? – Марк, оторвавшись от телефона, вопросительно смотрит на Кирилла.

- Ну, бабушка... и Драгош, и Богдан Петрович – всё! Они надолго поехали?

- А фиг его знает! Может, сейчас приедут... – Марк, отвечая Кириллу, вновь смотрит на дисплей телефона. – Или через час... или, может, вообще приедут к вечеру. Дядя Богдан дотошный, въедливый – если ему не понравятся доски на одном складе, они на другой склад поедут... на третий... – Марк говорит медленно, с паузами, словно он не с Кириллом разговаривает, а говорит всё это сам себе; большой палец Марка скользит снизу вверх по дисплею

телефона – Марк пролистывает, крутит ленту Тик-Тока в поисках прикольных роликов. – Смотри!

Кирилл, чуть наклоняясь в сторону Марка, смотрит на дисплей... у Марка длинные пальцы с чуть продолговатыми, коротко подстриженными ногтями; у Кирилла тоже длинные тонкие пальцы, и однажды Кириллу сказали, что у него, у Кирилла, «музыкальные пальцы», хотя Кирилл ни на каком музыкальном инструменте не играет – у него, у Кирилла, нет музыкального слуха... а Марк, возможно, играет, если у Марка слух есть, – Кирилл смотрит на пальцы Марка, и взгляд Кирилла снова непроизвольно опускается вниз – туда, где у Марка между ногами крупно, сочно выпирает обтянутый шортами бугорок... Кириллу кажется, что Марк к нему совершенно равнодушен: они уже минут сорок сидят рядом, смотрят этот долбаный Тик-Ток, на даче нет никого, они одни, и за всё это время Марк никак даже не намекнул, что у него, у Марка, есть какие-то чувства... или что он, Марк, хочет ещё... ну, то есть, что он, то есть Марк, хотел бы повторить... вообще ни малейшего намёка! И это после того, что было в душе... что случилось, что было в душевой кабинке поздним вечером позавчера...

Член у Кирилла, сидящего рядом с Марком, негибаемо стоит, и хотя стояк этот совершенно не виден и даже не замечен, Кирилл чувствует, что уже не только окаменевший член, сдавленный тесными плавками, но и промежность, и внутренние стороны ног, и низ живота, и вокруг девственно стиснутого ануса, и сам анус – всё-всё полыхает от неизбывной жгучей сладости, – Кирилл косится на Марка, сидящего близко-близко, и Кириллу кажется странным и даже невероятным, что Марк ничего не чувствует, ни о чём не догадывается, ничего, совсем ничего не подозревает... в жгучей горячей сладости уже ощущается боль – от напряжения ломит в яйцах, член изнутри распирается, и у Кирилла мелькает мысль, что, может, сейчас ему нужно под каким-нибудь благовидным предлогом встать, уйти от Марка,

скрыться в дачном домике и там, благо бабушки нет, безотлагательно приспустить с себя шорты с плавками, выпустить раскалённый член на свободу – и разрядиться, сладко-сладко сдрочить, освобождаясь от напряжения...

А с другой стороны... почему он, Кирилл, должен ждать инициативы от Марка? Ну, то есть, ждать каких-то намёков, каких-то сигналов... почему он должен ждать, что Марк первым – или словом, или жестом, или хотя бы каким-нибудь значимым взглядом – как-то обозначит своё желание? Потому что Марк старше – и ему, как говорится, все карты в руки? Да, именно потому! Ну, а как по-другому – как иначе? Марк старше Кирилла, и он, Марк, должен быть ведущим, а Кирилл младше Марка – он, Кирилл, ведомый... разве Марк этого не понимает? Говорящий взгляд, или дружеский жест, или просто какое-то намекающее слово... да что угодно, что бы свидетельствовало о желании Марка повторить то, что было позавчера! То, что было позавчера в душевой кабинке... или Марк не желает повторения – он совсем не испытывает к нему, Кириллу, никаких чувств? В это – в то, что у Марка нет никаких чувств – влюблённый Кирилл поверить не может... все влюбленные одинаковы, и Кирилл здесь не исключение, хотя словом «любовь» Кирилл свои чувства не называет, и вообще он ни разу не думал о своих чувствах к Марку как о любви – просто нравится ему Марк, очень сильно нравится... понятно, что у Марка есть невеста и что осенью, как говорила бабушка, Марк планирует жениться, ему уже двадцать два года, но ведь сейчас невесты здесь нет – сейчас они, Марк и Кирилл, на даче одни, никого на даче больше нет, и... при чём здесь невеста? Позавчера в душевой кабинке Марк о невесте не думал – невеста помехой ему не была, когда он жарко тискал Кирилла в своих горячих объятиях...

Они сидят рядом, и у Кирилла такое чувство, что сейчас ему даже не нужно дрочить, – возбуждение у него, у Кирилла, такое сильное, что достаточно

просто прикоснуться к члену, чуть сильнее натянуть уздечку, и из члена незамедлительно вылетит, брызнет струя горячей спермы... там, в душевой кабинке, они были оба голые... оба были возбуждены... и Марк, который сейчас сидит рядом...

- Если хочешь, можно ещё... – неожиданно для себя говорит Кирилл; он произносит эти четыре слова, не глядя на Марка, произносит негромко, невыразительно, без какой-либо интонации, и оттого слова эти, невольно сорвавшиеся с его губ, звучат бесцветно, буднично, словно они, эти слова, не имеют адресата – словно он, Кирилл, всё это сказал-проговорил в пустоту, произнёс машинально, просто так, не ожидая ни ответа, ни вообще какой-либо реакции на то, что он сказал; и вообще: он то ли сказал, то ли просто подумал – подумал вслух... но какая теперь, блин, разница? Слова эти с губ Кирилла сорвались, они прозвучали – мысль, до того Кириллом скрываемая, Марку не видимая, словами озвучена, и... что теперь? Кирилл, не глядя на Марка, внутренне сжимается, сердце у Кирилла снова бьётся учащенно, и в голове мелькает мысль, что зря... зря он это сказал! Что он думал, то и сказал... разве так можно? Кирилл, растерявшийся от собственной откровенности, внимательно смотрит на вальяжно идущую мимо рыжую кошку Мусю, которая, как кажется Кириллу, всем своим видом демонстрирует мимолетность, неважность, даже никчёмность того, о чём он, Кирилл, только что проговорил вслух... зачем он, Кирилл, это сказал?!

Марк, оторвав взгляд от дисплея телефона, смотрит на Кирилла с нескрываемым любопытством – Марк хочет встретиться с Кириллом взглядом, но Кирилл не смотрит на Марка, Кирилл смотрит на неспешно удаляющуюся кошку Мусю.

- Можно ч т о? – произносит Марк, он спрашивает это таким тоном, словно он не понял, о чём Кирилл только что сказал... или он действительно не понял?

У Кирилла мелькает мысль, что он сам... он сам только что поставил себя в совершенно дурацкое положение! Ну, вот кто, кто тянул его за язык?! Марку двадцать два года, Марк взрослый... он, скорее всего, не придавал никакого значения тому, что случилось в душе, – всё, что было в душе, случилось спонтанно, мимолётно... было – и не было! Он, Марк, поиграл с Кириллом... просто п о и г р а л и уже забыл про это, – он взрослый, у него невеста... а Кирилл, как последний дурак, вообразил, что Марк тоже об этом думает – тоже хочет еще... а он, Марк, даже не помнит! Или не хочет помнить, что ещё хуже. «Дебил!» – мысленно обзывает Кирилл сам себя, и в душе Кирилла закипает гремучая смесь из непонимания, недоумения, злости, обиды, стыда, досады... это ж надо так проколоться – так лопухнуться и перед Марком, и вообще...

- Можно ч т о? – повторяет Марк, словно он, Кирилл, на допросе... словно он, Кирилл, малолетний задрот, и Марк его э т и м вопросом ставит на место.

- А ты что – не помнишь? – Кирилл с отчаянием смотрит Марку в глаза, и во взгляде его, устремлённом на Марка, сквозит та же гремучая смесь, что и в душе: недоумение, злость, досада, обида... и в голосе Кирилла тоже отчётливо слышится та же смесь из досады, злости, обиды, недоумения. – Не помнишь? – повторяет Кирилл с напором, вызывающе глядя Марку в глаза... ну, а что ему, Кириллу, теперь терять? Пусть этот Марк теперь думает про него, про Кирилла, всё, что хочет... подросток смотрит на взрослого парня, и у него, у подростка, такое чувство, что рушится мир.

Марк не отводит взгляд в сторону, не пытается взглядом юлить – он смотрит в глаза Кирилла с нескрываемым любопытством... конечно, он, Марк, ничего не забыл, да и сложно забыть то, что было позавчера... невозможно так быстро забыть т а к о е, – просто он, Марк, совершенно не ожидал, что Кирилл, ставший его невольной «жертвой» его возбуждения, п е р в ы м поднимет эту тему, что он п е р в ы м на эту тему заговорит... да еще как заговорит!

- Напомни! – с лёгким нажимом произносит Марк; голос Марка звучит спокойно, даже как бы приободряюще; во взгляде Марка сквозит вопрошающее любопытство.

- Напомнить? – Кирилл говорит, выдыхает с напором и в то же мгновение чувствует, как та гремучая смесь из самых разных чувств, что внезапно возникла в нём, так же быстро проходит, иссякает, вконец испаряется, уступая место какой-то опустошенности... конечно, Марк всё прекрасно помнит, и взгляд у него нахальный, насмешливый, словно он теперь дразнит Кирилла, словно он над ним, над Кириллом, смеётся... ну, и пусть смеётся! Пусть! Он, Кирилл, сам виноват... сегодня вечером он скажет бабушке, что всё, он надышался свежим воздухом «на лоне природы» и он хочет домой! Завтра же... завтра он отсюда уедет – Марк исчезнет из его жизни, и... пустота в душе Кирилла медленно заполняется обидой и досадой – обидой на Марка и досадой на себя, но эти чувства не полыхают, не пеняются, они сливаются в какое-то равнодушие и к себе, и к Марку, так что Кирилл словно не сам испытывает эти чувства, а смотрит на эти чувства со стороны; член у Кирилла уже не стоит как каменный, он ослаб, и от горячего, сладко распирающего наслаждения осталось лишь чувство давящей тяжести в низу живота; Кирилл думает, что сейчас он пойдёт в дачный домик, снимет шорты, снимет тесные давящие плавки, которые уже и нах не нужны, ляжет

на свою кровать, закрывает глаза и просто сдрочит – освободится от тупо давящей тяжести в яйцах и в животе...

Марк смотрит на Кирилла по-прежнему ожидающе, и во взгляде Марка Кирилл видит всё то же любопытство... неужели Марк всерьёз думает, что Кирилл ему станет сейчас «напоминать» – будет рассказывать, что и как было позавчера? Как же, разбежался... нашел дурака! Если бы Марк хотел... если бы хотел он ещё, он бы не стал прикидываться беспамятным... а он прикинулся ничего не помнящим, и получилось всё глупо – он, Кирилл, теперь выглядит в глазах Марка как малолетний придурок с его предложением «можно ещё»... глупо! глупо!! глупо!!! Кирилл, закусив нижнюю губу, отводит взгляд в сторону – он смотрит на рыжую кошку Мусю, куда-то сходящую по своим кошачьим делам и теперь неторопливо идущую назад, – Муся, вихляя лохматыми бёдрами, важно проходит мимо сидящих на траве Кирилла и Марка, не обращая на них никакого внимания, словно их нет – словно их вообще не существует в этот жаром наполненный июньский день... Кирилл смотрит на Мусю, и ему, Кириллу, хочется плакать... как глупо всё получилось! Зачем он вообще сюда приехал...

Лето стоит знойное, и бригада, состоящая из Марка, Богдана Петровича и Драгоша, работает только в начале дня, до того часа, как воздух накаляется, начинает плавиться от зноя, и потом строители продолжают работать уже ближе к вечеру и работают до самого темна – по-другому никак не получается, днём работать просто невозможно из-за безжалостно палящего солнца; завершается работа вечером, когда начинает темнеть; потом, всё подготовив к следующему дню, строители по очереди идут в летний душ, предварительно разбавив горячую воду холодной, потому что вода в большом баке, расположенном на двух перекладинах, за день разогревается почти до кипятка, – они моются, потом ужинают в сарайчике, оборудованном под временное жильё, после ужина в темноте перекуривают, о чём-то

переговариваясь на непонятном языке, причем говорит больше всех Марк, потом практически сразу ложатся спать, и это тоже понятно: встают они рано-рано, ещё до восхода солнца, а летние ночи короткие, и нужно и выспаться, и отдохнуть, и набраться сил; Кирилл, четыре дня наблюдая за Марком, без особого труда понял нехитрый алгоритм жизнедеятельности строительной бригады... пятый день ничем не отличался от предыдущих – позавчера всё было то же самое, что и до этого: после ужина Богдан Петрович, Драгош и Марк вышли покурить, ночи установились лунные, светлые, и Кириллу в лунном свете были хорошо видны три фигуры – Кирилл сидел в беседке, в темноте, лунный свет беседку не захватывал, и его, Кирилла, видно со стороны не было, – Кирилл, сидя в кресле, смотрел из своей «засады» на атлетически сложенную, омываемую лунным светом фигуру Марка в плавках-трусах, тискал пальцами полустоячий член, предвкушая, как он пойдёт сейчас в свою комнату, снимет шорты, ляжет на кровать, приспустит с себя трусы и, продолжая думать о Марке, мысленно скользя взглядом по его стройной фигуре, лаская взглядом скульптурную попу, сильные руки и ноги, будет, наслаждаясь, сладко-сладко двигать рукой... он, Кирилл, просто сходил от Марка с ума!.. Был конец пятого дня: они, то есть Марк, Богдан Петрович и Драгош, докурили свои сигареты и друг за другом исчезли в тёмном проёме сарайчика; за цветастой простынёй, служившей дверью, вспыхнул свет – погорел минуту и погас, – всё, день закончился... кто-то изнутри откинул в сторону простыню, чтоб ночной воздух свободно проникал во временное жилище, – Кирилл не знал, кто и где там спит, он ни разу в сарайчик не заглядывал, и потому он представил Марка лежащим на точно такой же кровати, какая была у него, у Кирилла, в его комнате в дачном домике: Марк лежит на животе, обнимая подушку, чуть раскинув, разведя в стороны ноги... именно так – в такой позе – Кирилл часто засыпал сам, – день закончился, и Кирилл уже поднялся с кресла, чтоб уходить – чтобы идти кайфовать и потом тоже спать, когда в тёмном дверном

проёме сарайчика возник-появился Марк; вспыхнул дисплей телефона, осветив Марку лицо, – Марк сел на ящик, служивший стулом, и вслед за Марком бесшумно опустился в своё кресло Кирилл... прошло, может быть, полчаса или даже больше, – лицо Марка было освещено, и Кирилл хорошо видел, как Марк, глядя на телефон, то улыбался, то хмурился, смешно шевелил губами, пальцы Марка скользили по клавиатуре, потом замирали, снова скользили, несколько раз дисплей отключался, гас, но тут же вспыхивал снова – Марк явно с кем-то переписывался в социальной сети, и Кирилл, всматриваясь в лицо Марка, тискал-мял пальцами свой полустоячий член... а дальше всё было так: Марк, закончив общение, отключил телефон, упруго поднялся с ящика, на котором сидел, быстро шагнул в тёмный проём сарайчика, где Драгош и Богдан Петрович давно и крепко спали, и тут же, буквально через пару секунд, появился снова – через плечо Марка было перекинута банное полотенце, – омываемый лунным светом, Марк быстро зашагал к расположенной в углу дачного участка кабинке летнего душа, и Кирилл... не задумываясь, зачем он это делает, Кирилл быстро встал с кресла, на цыпочках, чтоб не разбудить спавшую в своей комнате Нину Васильевну, быстро, но бесшумно прошёл в комнату свою, сдёрнул с крючка большое махровое полотенце, так же, как Марк, перекинул полотенце через плечо, и...

Всё это было позавчера... так же бесшумно выйдя из дачного домика, не потревожив бабушкин сон, Кирилл на какой-то миг замер, прислушиваясь, сердце у Кирилла стучало, колотилось в груди, он сделал глубокий вдох, сделал выдох, сделал снова вдох – и, не раздумывая, зашагал по направлению к душевой кабинке... что он, Кирилл, хотел? Если бы в тот момент кто-то спросил его об этом, он бы не смог внятно ответить – он сам не знал, чего именно он хотел... просто увидеть Марка голого, стоящего в полумраке под струями льющейся сверху воды? Да, конечно! Увидеть Марка обнаженного,

совершенно голого! Увидеть прекрасного Марка обнаженным, и ещё... а что еще? За всё время пребывания Кирилла на даче Марк сказал Кириллу лишь одно слово «привет», и больше они даже не сталкивались лицом к лицу, Марк работал, жил своей жизнью, и до него, до Кирилла, ему не было никакого дела – Марку было двадцать два года, Кириллу было четырнадцать, и для Марка Кирилл был просто малолетком, хозяйским внуком... они даже ни разу не разговаривали! В порыве, подхватившим Кирилла, не было ничего продуманного, чётко осознаваемого, да даже просто разумного: у Кирилла не было ни опыта для всяких таких ситуаций, ни хотя бы каких-то минимальных знаний о возможной п р а к т и ч е с к о й стороне таких ситуаций, ни малейшего представления о том, как такие ситуации создавать и как потом их раскручивать... всё, абсолютно всё было иррационально, а потому было по-детски тупо и глупо! Это с одной стороны. А с другой стороны... под лежащий камень вода не течет, и «кто смотрит на облака, тому не жать», – прекрасного Марка, с которого он, Кирилл, из своей «засады» днями не сводил глаз, о котором он, мастурбируя, сладостно грезил перед сном, наконец-то увидеть голым, абсолютно голым – разве этого было мало? План у Кирилла, пока он шел к душевой кабинке: созрел такой: он, Кирилл, с перекинутым через плечо махровым полотенцем войдёт в душевую кабинку, увидит там г о л о г о Марка, скажет «ой! а я думал, что вы уже спите – что в душе нет никого», произнесёт слова эти так, как будто он извиняется, при этом скажет именно «вы», подразумевая любого из строителей и, таким образом, не делая акцент на Марке, чтобы Марк не подумал, что он, Кирилл, за ним следит, после чего из кабинки выйдёт... план получился вполне нормальный, даже отличный, то есть всё по этому плану должно было выглядеть правдоподобно! Так оно и случилось... так, да не так! Сердце у Кирилла колотилось, на секунду он замер перед дверью душевой кабинки, сделал глубокий вдох-выдох, затем резко открыл дверь и, ни секунды не медля, энергично, стремительно шагнул в кабинку, тем самым наглядно

показывая Марку, что увидеть кого-то в кабинке он совершенно не предполагал... «ой!» – сказал Кирилл, и на этом план его, вполне нормальный и даже отличный, был завершён. Потому что...

У кабинки летнего душа крыша отсутствовала изначально, её не было никогда, бак для воды установлен на двух брусках, и потому кабинка была сверху освещена лунным светом, плюс лунный свет хлынул в открытую дверь, так что голый Марк, как говорится, предстал перед Кириллом весь и сразу во всей красе, – Марк, стоя к Кириллу лицом, мастурбировал... откуда Кириллу было знать, что Марк, ещё десять минут тому назад, сидя на ящике с телефоном в руке, общался в ватсапе со своей невестой, что они писали друг другу всякие шалости, что Марк возбуждился, и когда разговор по ватсапу закончился, Марк без всяких раздумий решил самым доступным, простым и естественным образом возникшее возбуждение сбросить, побыстрому утолить, или, как ещё говорят, слить, – ничего такого в плане Кирилла не было, ни о чём таком Кирилл даже не предполагал, и потому он замер, застыл при виде открывшейся перед ним картины: ноги голого Марки были сдвинуты, сведены вместе, ладонь левой руки лежала на животе, чуть повыше лобка, заросшего черными волосами, а кулаком руки правой Марк, сжимая напряженный член, делал э т о... откуда Кириллу было знать, что дробчат не только подростки, как он, но и вполне взрослые парни – такие, как Марк – дробчат тоже? Кирилл замер, застыл неподвижно, не зная, что ему делать, как быть... на т а к о й случай у Кирилла никакого плана не было; конечно, нужно было бы так же решительно, так же быстро сделать шаг назад, то есть исчезнуть, испариться, закрыть-захлопнуть за собой дверь с другой стороны, но завораживающая картина, открывшаяся перед глазами Кирилла, его словно парализовала: тот самый Марк, за которым он, Кирилл, наблюдал из своей «засады», изнемогая от невозможности быть рядом, на которого он, Кирилл, уже несколько вечеров подряд перед сном сладко-

сладко дрович, дрович и кончал в подставленную салфетку, теперь стоял перед ним, перед Кириллом, голый, возбуждённый, и... он тоже дрович! Тоже дрович, сжимая в кулаке свой напряженный и, как в первое мгновение показалось Кириллу, огромный член, – была уже ночь, все спали, и Марк, никак не ожидавший в эти минуты своего уединённого, не для чьих глаз не предназначенного наслаждения, кого-либо увидеть, при внезапном появлении Кирилла невольно вздрогнул, рука его замерла, остановилась, и в глазах Марка отразилось удивление... он, Марк, не стушевался, не смутился, не испугался – он совершенно не растерялся, а только сильно удивился: была уже ночь, все должны были спать, и вдруг, как снег в знойный летний день, этот пацан, хозяйский внук, с перекинутым через плечо махровым полотенцем... откуда он взялся?! Внезапное, совершенно ненужное появление Кирилла на какой-то миг вызвало у Марка не растерянность, а досаду, как вызывает досаду какая-нибудь помеха, возникающая на пути идущего к уже видимой цели, но в следующее мгновение Марк увидел в глазах Кирилла растерянность, испуг, даже смятение, и ему, Марку, стало смешно... чего он, этот пацан, так испугался? У Марка не было ни малейшего предубеждения к занятию мастурбацией, Марк относился к мастурбации так же, как ко всем прочим проявлениям человеческих потребностей, будь то потребность в еде или потребность опорожнять мочевой пузырь... разве человек не испытывает удовольствие, утоляя свой голод пищей? Или разве, утоляя свой голод пищей, человек это скрывает, этого стыдится? У Марка было здоровое, разумное, совершенно рациональное отношение к собственной мастурбации: он никак не акцентировал на этом занятии внимание, ни с кем об этом не разговаривал, не задавался глупыми вопросами «быть или не быть», а просто, когда возникала потребность и других вариантов не было, он, Марк, уединялся и дрович – избавлялся от возникшего напряжения, гасил возбуждение, получал от занятий мастурбацией, помимо разрядки, вполне объяснимое сексуальное

наслаждение, удовольствие и удовлетворение... вот как сейчас: он пообщался по ватсапу с Аурикой, своей невестой, и возникло, вспыхнуло естественное желание, Марк почувствовал возбуждение, и возбуждение это можно было удовлетворить только так... ничего в таком вынужденно одиночном сексе он, Марк, не видел ни зазорного, ни постыдного, ни, тем более, неестественного – оттого-то и стало ему смешно при виде того, как застыл, остолбенел Кирилл, словно он, этот вполне уже взрослый пацан, который наверняка дробит сам по три раза в день, вдруг внезапно для себя увидел что-то совсем-совсем необычное, сверхъестественное, уму непостижимое, – смятение, неподдельный испуг во взгляде Кирилла невольно развеселили Марка... конечно, Марк предпочёл бы заниматься всем этим без соглядатаев, без всяких-разных посторонних, не имеющих никакого отношения к его удовольствию, и, конечно же, было бы хорошо, если б этот пацан, хозяйкин внук, не вломился бы к Марку в душевую кабинку в такую минуту – не стал бы свидетелем того, как Марк, кайфуя, занимается сексом с самим собой, а с другой стороны... ну, увидел этот пацан, как он, то есть Марк, дробит, стал свидетелем этого, узнал об этом – и что? Случилось что-то запредельное, что потрясло основы мироздания? Можно подумать! Пусть в него, в Марка, бросит камень тот, кто никогда в своей жизни не дробил или не дробит, – Марк, всё так же сжимая член в кулаке, без какого-либо смущения смотрел на стоящего перед ним Кирилла, и в глазах Марка было весёлое нахальство...

«Ну, ты чего застыл, как истукан? Никогда не видел, как парни дробят? Или, может быть, ты не дроишь? Заходи смелее, раз пришел... потрёшь мне спину!», – весело произнёс Марк, поражая Кирилла своим полным пофигизмом к тому факту, что Кирилл его, взрослого парня, застал, застукал за т а к и м занятием. Сердце у Кирилла стучало, билось, колотилось в груди, словно оно пыталось, как птица из клетки, выскочить наружу. «Я...» –

Кирилл хотел сказать, что он лучше пойдёт... ну, то есть, он просто уйдёт, испарится-исчезнет – он ничего не видел, ни о чём не знает, но сказать это он то ли не успел, то ли замешкался, сказать так он не очень поторопился, – Марк, весело глядя Кириллу в глаза, с лёгким нажимом в голове проговорил ещё раз: «Заходи!», и Кирилл, словно загипнотизированный, подчиняясь какой-то неотвратимой силе, качнулся вперёд – сделал второй шаг, оказавшись в душевой кабинке. «Дверь прикрой!» – спокойно проговорил Марк, убирая с члена своего кулак, отчего член его, напряженно торчащий, действительно крупный, тут же дёрнулся, подскочил, упруго подпрыгнул, задираясь вверх маслянисто блестящей в лунном свете головкой... только тут Кирилл ощутил-почувствовал, что у него самого, упираясь в трусы, член стоит как каменный; Марк повернулся к Кириллу спиной, поднял вверх руку, открывая кран, дверь за собой Кирилл закрыл – он это сделал машинально, не задумываясь, подчиняясь команде Марка, и в кабинке стало темнее, но всё равно за счет отсутствия крыши было достаточно светло, чтобы видеть друга и вообще видеть всё-всё, – душевая кабинка была не квадратной, как на садовых участках это встречается сплошь и рядом, а продолговатой, прямоугольной, с дверью в торце, и у самой двери были вкручены крючки, чтобы вешать на них одежду и полотенца, а уже дальше, чуть в глубине, был собственно душ, – Марк, подняв вверх голову, подставив лицо тёплым, упруго бившим струйкам воды, стоял в полутора метрах от Кирилла, стоял к Кириллу задом, чуть разведя в стороны руки, и Кирилл, затаив дыхание, боясь шевельнуться, жадно рассматривал Марка, скользил взглядом по его стройной, атлетически сложенной фигуре... Марк был еще прекраснее, чем в тех сладостных грёзах, каким Кирилл предавался перед сном! Скрытые днём под тесными шортами полусферы футбольных мячиков были обнажены – голая попа Марка на фоне спины и ног, темных от загара, в лунным свете была матово-белой, и этот контраст между бронзой и молоком делал попу ещё более выпуклой, сочно-упругой, маняще-соблазнительной... к такой попе

хотелось прижаться щекой, ощутить бархатистость её кожи, – Кирилл понятия не имел, что может быть через секунду, через минуту, он вообще об этом не думал – он, пользуясь случаем, жадным, запоминающим взглядом смотрел на стоящего задом Марка, он любовался Марком, чувствуя сладкий зуд в напряженном члене, рвущемся из трусов... «Ты чего, блин, трусы не снимаешь? В трусах собираешься мыться? – засмеялся Марк, поворачиваясь к Кириллу лицом; член у Марка уже не стоял твердокаменно, не вздымался, подобно ракете, вверх, а чуть опустился, утратил твёрдость, но не утратил при этом своих внушительных размеров – теперь член Марка, слегка поникший и чуть потемневший, выглядел как сарделька, мясисто и сочно наклонённая вниз; Марк скользнул по Кириллу взглядом и только тут заметил, что трусы на Кирилле оттопырены, трусы у Кирилла дыбятся колом, и этот торчащий кол Кирилл безуспешно пытается спрятать, прикрыть ладонью правой руки. – У тебя что... тоже стояк? – Марк проговорил это весело, без одобрения и осуждения, без всякого удивления, и потому прозвучали его слова не как вопрос или восклицание, а как констатация факта. – Какой ты, однако, шалун! – глядя Кириллу в глаза, Марк снова засмеялся, но в этом слове «шалун» не было ни какого-то скрытого намёка, ни игривого приглашения к какой-либо шалости. – Снимай трусы, не стесняйся – здесь одни мужики! А то как-то смешно получается: я без трусов, а ты в трусах... или, ты думаешь, что я стояки не видел – боишься меня напугать? – Марк, весело глядя Кириллу в глаза, снова рассмеялся. – Снимай!» – с лёгким напором проговорил он еще раз, но в его голосе не было ни приказа, ни принуждения, ни просьбы, ни требования, а было одно лишь нормальное, вполне объяснимое желание подвести ситуацию под общий знаменатель, ну, то есть: если они в душевой кабинке вдруг оказались случайно вдвоём, то теперь они здесь должны были быть либо оба в трусах, либо оба голые, без трусов... а иначе действительно было глупо: один без трусов, другой в трусах... как-то всё это было не так – вопреки и логике, и

здравому смыслу! Да и потом... чего он, этот пацан, стесняется? Ну, встал у него, стоит... и что здесь такого? Нормальная ситуация!

Кирилл понимал, что Марк прав, что рядом с ним, с голым Марком, он в трусах выглядит как последний лох, как комплексующий малолетний придурок... Кирилл понимал, что ему сейчас нужно было либо срочно трусы снимать – открывать перед Марком своё подростковое возбуждение, либо, развернувшись, немедленно уходить, исчезать из душевой кабинки... ещё какого-то варианта просто-напросто не было! Кирилл это всё понимал... понимал – и медлил, не зная, что ему выбрать, как ему быть, – уже взявшись пальцами за резинку трусов, чтобы спустить трусы с себя вниз, Кирилл нерешительно замер... он, Кирилл, еще никогда никому не показывал свой стояк, и потому для него это сделать сейчас, в т а к о й ситуации, было не так-то просто, а с другой стороны... прекрасный Марк стоял перед ним, и Марк нисколько не тушевался, когда у него, у Марка, был стояк и Кирилл на этот стояк смотрел, – не раздумывая, Кирилл решительно дёрнул трусы вниз, деловито приподнял одну ногу, освобождаясь от спущенных ниже колен трусов, затем приподнял вторую ногу, и, держа трусы в руке, выпрямился – предстал перед Марком беззащитно голым... полотенце, которое было перекинуто через плечо, Кирилл машинально повесил, когда Марк стоял к нему спиной, и теперь только белые трусы Кирилл держал в руке, словно не зная, что с ними делать, – он стоял перед Марком, опустил руки вниз, его напряженный член, полуоткрытой головкой задравшись вверх, торчал, у основания члена, на лобке прямоугольный кустик густых черных волос контрастировал с незагорелым низом плоского живота, причем кустик этот не расползлся по сторонам, не наползал на живот, устремляясь дорожкой к пупку, а был чётко очерчен, словно Кирилл специально подбрил края, чего Кирилл, понятное дело, не делал; яйца в мошонке вслед за членом поднялись, подтянулись вверх, так что было не видно, крупные яйца мошонке или нет;

никакой особой мускулатуры у Кирилла не было, и в то же время в его подростковой фигуре всё было соразмерно, плечи не торчали острыми углами, а по-мальчишески округлые узкие бёдра придавали в меру худощавому Кириллу изящную стройность, – Кирилл стоял перед Марком нагим, возбуждённым, снятые белые плавки-трусы, которые он держал в опущенной руке, словно подчеркивали беспомощность, растерянность Кирилла, впервые оказавшегося в такой ситуации... взгляд Кирилла, устремленный на Марка, одновременно был и беспомощным, и вопрошающим – словно он, Кирилл, говорил: ну, вот, я т о ж е без трусов... и что теперь дальше? Дальше, видимо, нужно было просто поочередно, уж если они оказались здесь вдвоём, становиться под душ, под летящие сверху струи воды, мылиться, ополаскиваться, вытираться, то есть делать всё то, для чего, собственно, и предназначена была кабинка летнего душа, но ведь он, Кирилл, не за этим сюда шел, и у него, у Кирилла, был стояк, красноречиво свидетельствующий о его сексуальном возбуждении... и он, Кирилл, все предыдущие дни лишь наблюдавший за работающим Марком из своей «засады», совершенно не знавший р е а л ь н о г о Марка, а только прочитавший «на Марка», воображая его в своих грёзах-фантазиях, на самом деле не знал, что может быть или что будет дальше, – голый Кирилл, стоя перед голым Марком, смотрел на Марка вопрошающе... смотрел как ведомый на ведущего – как младший на старшего. «А ты неплохо оснащён!» – улыбнулся Марк, скользнув по Кириллу взглядом, на секунду-другую остановившись, задержавшись на возбуждённо торчащем члене Кирилла; прозвучало это легко и мимолётно, без какого-либо особого выделения или подчеркивания, без всякого акцентирования на том, о чём он, Марк, сказал, но в интонации его голоса было весёлое одобрение, и Кирилл, восприняв эти слова как похвалу, невольно улыбнулся, одновременно с этим чувствуя, как уходит, испаряется сковывавшее его все эти минуты нахождения в душевой кабинке смятение... действительно, он, Кирилл, оснащён был неплохо!

Конечно, член у него был чуть меньше, чем у Марка, член Кирилла – по сравнению с членом Марка – был чуть короче и чуть тоньше, но ведь Марк был старше Кирилла, он, то есть Марк, был уже взрослым, и потому небольшая разница в размерах была вполне объяснима... а что касается стояка, то Марк на стояк Кирилла отреагировал совершенно нормально – он, Марк, нисколько не удивился, не стал Кирилла подкалывать или как-то над ним, над Кириллом, иронизировать, отпуская в адрес Кирилла обидные шуточки... да и как бы он стал над Кириллом прикалываться, если у него самого был стояк, и в тот момент, когда Кирилл внезапно возник в душевой кабинке, он свой стояк надрачивал, полировал, и Кирилл это всё видел – успел увидеть... член у Кирилла, налитый сладостной тяжестью, просился в руку, и если б сейчас Кирилл был один, он бы уже не хуже Марка наяривал кулаком, но Марк стоял рядом, стоял напротив, и хотя Кирилл уже не испытывал ни смущения, ни неудобства, ни какого-либо дискомфорта от собственной наготы, он, Кирилл, себя удерживал – к члену своему, неприкрыто торчащему, руками не прикасался; снятые трусы Кирилл повесил на крючок – рядом с трусами Марка.

«Давай! – произнёс Марк, делая шаг в сторону Кирилла. – Становись!» На мгновение в глазах Кирилла мелькнуло недоумение, но уже в следующее мгновение он сообразил, что Марк уступает ему своё место под душевой лейкой, и Кирилл, молча кивнув головой, шагнул навстречу Марку – они поменялись местами. Вообще-то, Кирилл совершенно не планировал ополаскиваться, у него был совсем другой план, но план его сломался на первом слове «ой!», и банное полотенце, которое он, направляясь к душевой кабинке, перебросил через плечо исключительно для создания правдоподобной ситуации, взято было не напрасно, – всё шло не по плану! Вода, уже начала остывать – была немного прохладной, но эта прохладность была приятной, и Кирилл, стоя к Марку задом, то и дело поднимал лицо

вверх, под бьющие сверху струи... у Кирилла была круглая, не очень большая, но сочно оттопыренная попа – две упругие булочки прижимались друг к другу, и когда Кирилл поднимал руки вверх, эти булочки чуть сжимались, и на них по бокам появлялись маленькие впадины; ноги и спина у Кирилла были тоже загорелые, но не так, как у Марка, – у Кирилла ноги и спина от загара были не бронзовые, а всего лишь золотистые, и всё равно на их фоне попа заметно выделялась своей белизной, – Марк скользил взглядом по стройной фигуре Кирилла, и... его, Марка, никогда не тянуло к парням: он никогда не испытывал каких-либо чувств к парням как к возможным сексуальным партнёрам, ему были совершенно неведомы ни смутно-размытые, ни внятно осознаваемые желания по отношению к парням, и, соответственно, у него, у Марка, никогда ни с каким парнем не было какого-либо секса – ни в подростковом возрасте, когда бушуют гормоны и многие парни-подростки, не будучи геями, секс однополый пробуют, друг друга трахают, экспериментируют, ни потом, в армии, где Марк отслужил год и где, нужно думать, отнюдь не все парни-солдаты утешали себя исключительно мастурбацией, – Марк, прослуживший без отпуска и увольнений целый год, только дробил, не помышляя о том, чтобы как-то разнообразить свою сексуальную жизнь с кем-нибудь из парней-сослуживцев, пока он в армии... в таком отношении к однополному сексу у Марка не было ни каких-то сознательных установок по отношению к тому, что можно, а что нельзя, ни сформулированного для себя четко осознаваемого табу, ни прочей белиберды в виде «традиционных ценностей» или замшелых «скреп», предписывающих, какой секс «правильный», а какой «неправильный»... ничем таким представления Марка о любви и сексе не были отягощены – просто его не тянуло к парням, и всё: парни его никогда не привлекали, никогда не возбуждали, и это для него, для Марка, была данность – это было, как принято говорить, default, по умолчанию... и потому ни внезапное появление Кирилла, обломавшего своим появлением

ему, Марку, кайф, ни стояк у Кирилла, смешно застенчившегося своего спонтанно возникшего возбуждения, вполне объяснимого, по мнению Марка, обычной подростковой гиперсексуальностью, когда член у подростков на раз-два подскакивает в любой момент без всяких на то причин – ничто не навело Марка на мысль, что всё это может быть неспроста, не просто так, – он, Марк, был совершенно индифферентным к каким-либо однополюсным импульсам, а потому у него не возникло даже мысли, что возбуждение хозяйкиного внука может быть как-то связано с ним, с Марком, и уж тем более у Марка не возникло мысли о том, что они, он и Кирилл, в душевой кабинке были одни, что была ночь, что они оба были возбуждены и что, раз уж так получилось-сложилось, всё это, вместе взятое, можно было направить в определённое русло... не возникло у Марка таких мыслей! Марк смотрел на стоящего к нему задом Кирилла, скользил взглядом по его стройной фигуре, по золотистому от загара его телу с аппетитно белыми булочками, и в душе Марка была лишь одна досада, что этот пацан своим появлением прервал его сладкое «свидание» с Аурикой – обломал ему, Марку, кайф... вот чего ему, внуку хозяйки, среди ночи вздумалось принимать душ? Аурика... глядя на стоявшего под струями воды Кирилла, Марк подумал про Аурику... осенью они сыграют свадьбу, Аурика станет его женой, – Марк, глядя на Кирилла, представил на месте Кирилла Аурику, в лунном свете стоящую под струями серебристо льющейся воды: тонкие струйки летят сверху, разбиваются о плечи Аурики, стекают по её телу... он, Марк, обнимает её, целует, жарко-жарко прижимает её к себе... они познакомились год назад – и Марк в неё сразу влюбился... и хотя они вместе уже год, и хотя у них этой осенью будет свадьба, секса с Аурикой у Марка ещё не было... с разными другими девчонками секс у Марка был и до встречи с Аурикой, и потом... потом тоже были разные случайные девчонки, с готовностью раздвигавшие под красавчиком Марком свои жаром пышущие ноги, а с Аурикой секса ещё не было ни разу – наслаждаться сексом с Аурикой двадцатидвухлетний Марк, в

Аурику влюблённый, пока мог лишь в своих сладких, по-мальчишески пылких грёзах-фантазиях...

Чувствуя досаду оттого, что «виртуальное свидание» с Аурикой в этот раз было прервано, до конца не доведено, ощущая тяжесть в низу живота оттого, что не получилось снять напряжение, Марк подумал, что надо идти спать, – он сдёрнул с крючка своё полотенце и, вытираясь, глядя на стоящего к нему задом голого Кирилла, снова подумал про Аурику... о, если бы здесь, в этой душевой кабинке, сейчас была бы она! Марк мысленным взором вообразил, представил-увидел на месте Кирилла Аурику, и... член Марка, открытой головкой склонившийся вниз, заметно укоротившийся, но ничуть не потерявший свою толщину, похожий даже не сосиску, а на шпикачку, стал, наливаясь твёрдостью, подниматься, выпрямляться, вновь увеличиваться в длину, не теряя при этом своей внушительной толщины, – в считанные секунды член Марка снова налился, наполнился негибимой силой, обнаженной головкой задрался вверх, и Марк, чувствуя, как сладость прерванного «свидания» снова к нему возвращается не излитым, не погашенным и потому не умиротворённым возбуждением, подумал... а почему нет? Тогда тоже было лето, были школьные каникулы, и была в то лето у них игра... их было шестеро друзей-ровесников, им было в то лето по тринадцать лет, и все они были «отчаянными головорезами» – целыми днями они слонялись на улице, от безделья по мелочам хулиганили, курили, по ночам посещали чужие сады, лакомились яблоками-грушами-сливами, постоянно что-то друг другу рассказывали, врали, нередко спорили, иногда ссорились, потом снова мирились, и еще была речка, куда они через день на целый день уходили всей своей ватагой – там до посинения купались, загорали, жарили на костре сосиски, взятые с собой... кто-нибудь говорил: «а не пора ли нам устроить соревнование?», и никто никогда не отказывался – они дружно шли в кусты, где была у них для состязаний небольшая полянка,

становились в кружок, приспускали плавки... им было тогда по тринадцать лет, первые волосы на лобках только-только начинали появляться, и даже не на лобках росли волосы, а только вокруг писюнов, у самых их оснований, сами писюны еще были детскими, совсем небольшими, но в состоянии возбуждения они у всех задирались вверх, становились крепкими, негибаемо твёрдыми, с ало пламенеющими головками, и они, шестеро «головорезов», в то лето ничуть не стыдились ни своей наготы, ни той игры, в которую они, шестеро мальчишек, регулярно с удовольствием играли... да-да, это была именно игра: стоя друг против друга, всецело сосредотачиваясь на собственных ощущениях, на желании стать победителем, они с азартом, с сопением, быстро-быстро двигая полусогнутыми в локтях руками, дрочили свои писюны наперегонки – игра называлась «кто кончит первым», и в этой игре, по сути, ещё не было ничего сексуального, и уж тем более не было ничего такого, что хотя бы намёком, хотя бы косвенно говорило о какой-то гомосексуальности... было лето, был берег речки, были кусты, и в тех кустах шестеро друзей-мальчишек, стоя на пороге своего грядущего взросления, регулярно проводили состязания – выясняли, кто из них «чемпион», – именно эта картинка из детства на мгновение мелькнула перед глазами Марка, когда он, видя смущение Кирилла, не понимая этого смущения, весело Кириллу сказал – у Кирилла спросил: «или, ты думаешь, что я стояки не видел?»; конечно, то были совсем еще детские стояки, которые видел Марку и которые, ничуть не стесняясь, он пацанам показывал сам, и всё равно... потом лето закончилось, и вместе с летом закончились, прекратились состязания – детская игра в «чемпиона» осталась позади, начиналось стремительное взросление, подростковая мастурбация приобретала совсем иные смыслы, для иных она становилась проблемой, и проблему эту каждый из ватаги бывших «головорезов» решал уже самостоятельно... детство кончилось, и, взрослея, парни никогда не вспоминали, как дружно дрочили они в кустах, играя в «чемпиона»...

Конечно, теперь Марку было не тринадцать лет, и Кирилл с его вполне взрослым членом тоже нисколько не походил на беспечного тринадцатилетнего пацана – одного из тех бесшабашно веселых друзей Марка, совместно с которыми он, Марк, такой же весёлый и бесшабашный, с беспечным энтузиазмом осваивал технику мастурбации, и тем не менее... то далёкое лето вдруг вспомнилось, промелькнуло перед мысленным взором Марк совсем не случайно, – глядя на Кирилла, думая об Аурике, Марк подумал, что он таки сможет завершить своё прерванное «свидание», сделать это здесь и сейчас, и что Кирилл, так не вовремя появившийся, обломавший весь кайф, здесь и сейчас ему, Марку, не будет помехой... в самом деле... а почему нет? «Кирилл!» – негромко позвал-проговорил Марк; он слышал, как Нива Васильевна называла своего внука и Кириллом, и ласково Кирюшей. Кирилл вздрогнул, услышав своё имя, на секунду замер, словно собираясь с духом, и, откликаясь на зов Марка, подчиняясь этому зову, повернулся к Марку лицом, – прохладная вода, льющаяся сверху, нисколько не остудила Кирилла, не пригасила его возбуждение – член у Кирилла, открытой головкой задравшись вверх, всё так же торчал в боевой готовности; Кирилл, перво-наперво скользнув взглядом по члену Марка, увидел, что член у Марка снова стоит, он снова у Марка твёрдый, снова длинный и толстый, затем в руке Марка Кирилл увидел полотенце и только после этого посмотрел Марку в глаза – вопросительно посмотрел, вопрошающе. «Ты дронишь?» – Марк спросил это легко, даже буднично, как спрашивают о чем-то неважном, малосущественном. Конечно, это был риторический вопрос! Глупо было бы думать, что парень в том возрасте, в каком был Кирилл, не мастурбирует, не занимается этим. И, тем не менее, это был такой риторический вопрос, на который не все и не всегда готовы ответить утвердительно, потому как заниматься этим и признаваться в этом – это вещи совершенно разные, очень часто не совпадающие. И Кирилл тоже, услышав такой вопрос от кого-то другого или в другой, в совершенно другой ситуации, скорее всего сказал бы

«нет», и даже Марку он, Кирилл, сказал бы «нет», если бы Марк, допустим, этот вопрос задал бы ему, Кириллу, не сейчас, когда они что-то друг про друга уже узнали, и не здесь, не в этой залитой лунным светом душевой кабинке, где они стояли друг против друга с возбуждённо торчащими членами, а, скажем, спросил бы его, Кирилла, при свете дня... даже Марку в другой ситуации на его риторический вопрос Кирилл ответил бы «нет», но теперь – здесь и сейчас – было всё по-другому, и было бы глупо отрицать очевидное, – Кирилл, глядя Марку в глаза, утвердительно кивнул головой... конечно, он, Кирилл, дробит! Дробит с двенадцати лет, делая это то в ванной комнате, то в постели, то сидя за письменным столом... он, Кирилл, т о ж е дробит – онанирует, мастурбирует, «гоняет лысого» – а в последнее время так даже часто...зачем Марк об этом спросил? «Я тоже дроблю, – сказал Марк и тут же невольно сам себе улыбнулся, подумав о том, что для Кирилла, который застал его здесь за этим занятием, он никакого открытия не делает. – Хочешь, вместе подрочим? – то ли спросил у Кирилла, то ли предложил Кириллу Марк, и, не ожидая от Кирилла ответа, деловито скомандовал: – Только воду закрой! А то, видишь, напор ослаб – скоро вода закончится...»

Они стояли друг против друга в освещённой лунным светом душевой кабинке, за стенами кабинки была ночь, тоже залитая лунным светом, было тихо, все крепко спали – спала в старом деревянном домике Нина Васильевна, бабушка Кирилл, спали в сарайчике, оборудованном под временное жильё, Богдан Петрович и Драгош, а они, Марк и Кирилл, стоя друг перед другом на расстоянии метра, содрогались в сладостном ритме, быстро-быстро двигая полусогнутыми в локтях руками, – Марк и Кирилл энергично дробили свои напряженные, жаром пышущие члены... у Кирилла член был чуть меньше, чем у Марка, то есть чуть тоньше и чуть короче, но ведь и сам Кирилл по сравнению с Марком был и ниже ростом, и тоньше, уже в плечах и в бёдрах, так что всё у него, у Кирилла, если не сравнивать

его с взрослым Марком, было вполне соразмерно и достойно, – Марк был рядом, его не нужно было воображать, мысленно представлять, он стоял близко-близко, и он тоже дробил... о, какой это был кайф! Кайф, о котором Кирилл даже не мог мечтать... двигая правой рукой, Кирилл прыгал взглядом вверх-вниз, глядя то лицо Марка, сосредоточенное и отрешенное, то на его внушительный член, точнее, на его, Марка, большой кулак, неутомимо скользящий вдоль ствола, – Марк, глядя невидящим взглядом на Кирилла – неутомимо двигая кулаком, мысленно видел, представлял Аурику... но думать об Аурике, воображать Аурику, то есть всецело сосредоточиться на Аурике Марку мешал Кирилл; чтобы не видеть Кирилла, стоящего напротив, Марк закрыл глаза: Кирилл исчез, испарился, и всё равно... всё равно сосредоточить свой мысленный взор только на Аурике, на том, как он её страстно ласкает, как горячо и нежно целует её обнаженное тело, у Марка не получилось – мысль о том, что рядом с ним и... ну, то есть, рядом с ним и Аурикой, уже готовой ему, Марку, отдаться, возбуждённо дробит этот сопящий пацан, не давала Марку отключиться полностью, не позволяла всецело погрузиться в свою сладкую грёзу-мечту; Марк не видел Кирилла перед собой, но слышал рядом его прерывистое сопение, и это мешало Марку, – толку оттого, что он закрыл глаза, не было никакого, и Марк снова глаза открыл: Кирилл смотрел на него, на Марка, приоткрыв рот, шумно, прерывисто дыша от возбуждения, тело Кирилла от интенсивного движения руки ритмично содрогалось, и во взгляде Кирилла было что-то такое... что-то такое, что Марк не раз видел во взглядах пьяных девчонок, которые сильно хотели, чтобы он, Марк, их трахнул... дальше всё произошло спонтанно, всё случилось неожиданно – неожиданно – и для Кирилла, и для самого Марка: одной рукой сжимая распираемый от возбуждения член, Марк резко протянул другую руку вперед, цепко обхватил «рабочую» руку Кирилла пониже плеча и так же резко, ничего не говоря, рывком притянул Кирилла к себе... в одно мгновение они оказались буквально лицом к лицу, и Марк, не

раздумывая, горячим открытым ртом накрыл губы Кирилла – он жадно впился губами в губы Кирилла, точнее, вобрал, всосал горячие губы Аурики... всосал горячие губы Кирилла в свой жаром пышущий рот, губы Кирилла во рту у Марка сами собой приоткрылись, и Кирилл почувствовал, как во рту у него забился, упруго затрепыхался обжигаяще горячий язык страстно сосущего его в губы Марка, – выпустив член из кулака, Марк обеими руками обхватил Кирилла поперёк спины, прижал его к себе, с силой вдавился в его покорное, безвольно подавшееся тело телом своим... всё это случилось так неожиданно и так стремительно, что Кирилл не успел не только осмыслить, а даже просто подумать, что произошло... да и о чём здесь было думать? Марк сосал Кирилла в губы, прижимал Кирилла к себе, вдавливался своим большим, горячим, нестибаемо твёрдым членом Кириллу в живот, и... это был даже не кайф, знакомый Кириллу по мастурбации, а это было совсем иное, ранее неведомое, совершенно сказочное ощущение – все сладостные фантазии, порой невнятные и размытые, исключительно воображаемые, в чем-то наивные по причине отсутствия у Кирилла какого-либо реального, практического опыта, вдруг в один миг реализовались, воплотились в жизнь, стали самой настоящей р е а л ь н о с т ь ю, – продолжая одной рукой обнимать Кирилла за спину, горячо прижимать Кирилла к себе, Марк другой рукой скользнул по спине Кирилла вниз, и Кирилл ощутил, как ладонь Марка вдавилась в его круглую, упруго-мягкую булочку... какое-то время, не отрываясь от губ Кирилла, Марк тискал, гладил, поочерёдно мял, ласкал обе булочки Кирилла одной рукой, потом вторая рука Марка тоже опустилась вниз, и Марк, обхватив попу Кирилла обеими ладонями, с силой нажал, надавил на попу, еще сильнее прижимая пах Кирилла к паху своему, – вдавливаясь в живот Кирилла членом, Марк медленно, с наслаждением задвигал задом, имитируя половой акт...

Член Марка, горячий, твёрдый, зажатый между животами, от движений Марка то вскальзывал в крайнюю плоть, то залупался снова, липкая головка легко скользила туда-сюда, уздечка тёрлась о живот Кирилла, – сам Кирилл, понимая-догадываясь, что Марк, сжимая ладонями его попу, двигая бедрами, с силой вдавливаясь в него, в Кирилла, вдавливая его в себя, делает всё это не просто так, а он, Марк, т а к и м о б р а з о м е г о т р а х а е т, он его, Кирилла, е б ё т, и эта догадка, эта мысль наполняла Кирилла еще большим наслаждением, и вовсе не потому, что Кирилл мечтал или хотел, чтоб его кто-то трахал, а потому, что делал это обожаемый им Марк... откуда ему, Кириллу, было знать, что «трахает» Марк не его, а «трахает» он Аурику? Впившись губами в губы Кирилла, вдавливая ладони в сочно-упругую мягкость Кирилловой попы, лаская и тиская круглые булочки, жарко вжимая голое тело Кирилла в тело своё, Марк вовсе не думал о том, что всё это он, по жизни к парням всегда равнодушный, в ночной душевой кабинке делал именно с парнем, – Марк любил Аурику, и здесь, в душевой кабинке, щедро залитой лунным светом, он тоже любил не Кирилла, а Аурику... он любил Аурику, но что-то всё время ему мешало, что-то его отвлекало – что-то не позволяло ему быть с Аурикой наедине... конечно, член у Кирилла был чуть меньше, чем член у него, у Марка, но член у Кирилла был тоже не маленький, и он был тоже горячий и тоже был твёрдый, как камень, – зажатый между животами, член Кирилла точно так же давил на живот Марка, как его, Марка, член давил на живот Кирилла... это-то и мешало Марку быть с Аурикой! Сообразив, какая помеха с т о и т между ними – между ним, Марком, и Аурикой – Марк оторвался от Кирилла, отстранился... продолжая сжимать попу Кирилла в ладонях, секунду-другую Марк молча смотрел на Кирилла, на его пылающее лицо, на его чуть припухшие, утолщенные от сосания губы... глаза у Кирилла от кайфа, от наслаждения были словно подёрнуты поволокой – Кирилл смотрел на Марка вопросительно, не понимая, почему Марк прервался, почему он остановился, и у Марка на

мгновение мелькнула мысль, что этот почти уже взрослый пацан, внук хозяйки, в его полной власти, что он сейчас сделает всё-всё, что Марк ему скажет, но Марку не нужно было всё-всё, Марк любил Аурику, и, оставив в покое попу Кирилла, обхватив Кирилла ладонями за плечи, Марк глухо выдохнул: «Повернись!» – одновременно с этим словом-приказом без какого-либо усилия поворачивая Кирилла к себе задом... да и какое здесь могло быть усилие, если Кирилл в этот час воплощения всех его грёз-фантазий в реальность, в эти сказочные минуты реального наслаждения сам готов был выполнить любой приказ Марка, – Кирилл с послушной готовностью молча крутанулся на месте, повернулся к Марку задом, ни о чём не спрашивая, ничего не уточняя – не зная, что будет дальше... и не только не зная, но даже об этом не думая, – руки Марка снова скользнули вниз – Марк легонько, не вдавливая пальцы, положил ладони на попу Кирилла, на его белые, сочно оттопыренные булочки, и ладони Марка возбуждающе наполнились упругой мякотью... понятно, что попа Кирилла не шла ни в какое сравнение с попой Аурики, у Кирилла бёдра были по-мальчишески узкие, они были, как и положено для мужчин, уже плеч, и тем не менее, – Марк, стоя позади Кирилла, секунду-другую подержал сочно-выпуклые, упруго-мягкие булочки Кирилла в своих ладонях, не думая о том, что эти булочки можно раздвинуть, растянуть ладонями в стороны, или сказать Кириллу, чтобы это сделал Кирилл своими ладонями, потом рывком притянул Кирилла к себе, и Кирилл в то же мгновение ощутил-почувствовал твёрдый горячий член Марка между сдвинутыми, друг к другу прижатыми своими половинками... теперь Марку ничто не мешало! Вдавлившись своим стояком в ложбинку между сомкнутыми булочками Кирилла, ощущая пахом мясистую, мягкую упругость Кирилловой попы, Марк обхватил руками Кирилла спереди, прижал его горячее, податливое, послушно отзывчивое тело к себе – с силой вдавился животом в поясницу Кирилла, грудью вдавился Кириллу в спину... левой рукой удерживая Кирилла поперёк груди,

ладонью правой рукой Марк скользнул по животу Кирилла вниз, и ладонь его уперлась в твёрдый горячий член парня – Марк, не раздумывая, обхватил ладонью стояк Кирилла, как это делал он себе, сжал твёрдый член в кулаке, раз и другой двинул на нём крайнюю плоть, но ощущать чужой возбуждённый член в своей руке Марку было неинтересно, это его нисколько не возбуждало, и он, выпустив член Кирилла из кулака, потрогал мошонку, от возбуждения ставшую маленькой, грубой на ощупь, затем снова скользнул рукой вверх, – одной рукой прижимая Кирилла к своей груди, ладонью другой руки Марк снова скользнул по плоскому животу Кирилла, и ладонь его замерла у Кирилла на лобке, чуть выше члена – так, чтоб ладонью ощущался ещё не разросшийся вправо-влево куст густых шелковистых волос...

Закрыв глаза, вжавшись горячим открытым ртом в по-мальчишески тонкую шею Кирилла, Марк стискивал, сладко сжимал свои ягодицы – он, двигая задом вверх-вниз, с наслаждением тёрся, скользил членом по поте Кирилла, точнее, по жаркой ложбинке между сомкнутыми булочками, член Марка от такого скольжения сам собой залупался, тёрся уздечкой о поясницу Кирилла, о ягодицы, там где они сходились, прижимаясь друг к другу, головка члена то обнажалась, то снова скрывалась под крайней плотью, Марк сопел, опалая шею Кирилла горячит дыханием, язык его, как мотылёк, невидимо бился, скользил по нежной коже шеи Кирилла, и Кирилл, понимая, что Марк его трахает теперь т а к, повернув к себе задом, чувствовал, как не только в паху, не только в торчащем члене, не только в промежности и в попе, в туго сжатой, стиснутой дырочке между булочками, а уже по всему телу растекается, полыхает сладко покалывающий огонь, – он, Кирилл, очень хотел, пока Марк его трахает сзади, сжать в кулаке свой член, стиснуть его, но руки Кирилла были несвободны, они были под сильными обнимающими руками Марка, и всё, что Кирилл в его положении мог делать, это чуть

шевелить поясницей, чуть двигать попой назад, чтоб сильнее, еще сильнее чувствовать, ощущать скользящий по центру попы член... изнемогая от наслаждения, Марк сладострастно тёрся членом о попу Кирилла, и у него, у Марка, почему-то не возникало мысли, что в такой о д н о п о л о й ситуации, какая возникла-сложилась в кабинке летнего душа между ним и Кириллом, для члена может существовать совсем иная цель, – почему он, Марк, не развёл, не раздвинул ягодицы Кирилла в стороны – почему он не попытался вставить свой член Кириллу в попу? Может, причина была в том, что он никогда не делал э т о в своих фантазиях с Аурикой? Или причина была в том, что у него, у взрослого Марка, еще никогда ни с кем не было анального секса? Девчонки, которых он трахал, с готовностью раздвигали под ним ноги, они сосали у него член, но никакая девчонка при этом ни разу не предложила Марку вставить ей в попу, а он, Марк, сам о таком никогда не просил, сам такого никогда не требовал; а здесь, в душевой кабинке, залитой лунным светом, Марку даже не нужно было бы требовать – он бы мог просто сказать Кириллу «раздвинь свои булки», и Кирилл, не задумываясь, сам, своими руками растянул бы булочки в стороны, открывая для любимого Марка н а с т о я щ у ю цель, когда секс происходит-случается в таком, однополем, формате... но – не случилось; Марк, оторвав свои губы от шеи Кирилла, уже ни о чём не думая, никого не воображая, с силой вдавил тело Кирилла в тело своё, с силой прижался к Кириллу, и, содрогаясь всем своим телом, сильно-сильно сдавил, стиснул свои ягодицы, между которыми полыхнуло последней, самой сильной, всё завершающей сладостью, и сладость эта, в один миг накатившая, была подобна мощному, огнём опаляющему взрыву, – Кирилл почувствовал, как член Марка, зажатый с двух сторон, дёрнулся, и в то же мгновение на спине у него, у Кирилла, стало горячо... горячо и липко, – Марк, тяжело дыша, какое-то время стоял без движения, всё так же сжимая Кирилла в своих объятиях, прижимая Кирилла к себе, затем разомкнул сильные руки, отступил от Кирилла на шаг назад, и

Кирилл услышал за спиной его голос: «Блин... офигеть!» – тяжело дыша, проговорил-выдохнул Марк; в той интонации, с какой сказал это Марк, было всё: и совершенно понятное удовлетворение, и удивление, и даже растерянность... самые разные чувства одновременно прозвучали в голосе Марка, – Кирилл повернулся к Марку лицом – Марк смотрел на Кирилла вопросительно, словно он, подросток Кирилл, теперь должен был объяснить ему, взрослому и сильному, всегда уверенному в себе двадцатидвухлетнему Марку, что это было; они стояли в залитой лунным светом душевой кабинке, была уже ночь, и было так тихо, что, казалось, звенит в ушах.... член у Кирилла по-прежнему стоял, залупившейся красной головкой вздымаясь вверх; член у Марка, медленно уменьшаясь, ослабевал, клонился вниз; на животе Марка в лунном свете блестела размазанная по животу его сперма, и в том месте, где она блестела, живот, казалось, был покрыт перламутровым лаком... «Ты как?» – произнёс Марк, глядя Кириллу в глаза. «Нормально». – Кирилл, глядя в глаза Марку, в ответ улыбнулся, не зная, что в такой ситуации нужно сказать ещё. «Ладно... давай обмываться и разбегаться!» – деловито проговорил Марк и, не тратя время на разные другие слова, тоже не зная, что говорить, первым шагнул под душевую лейку; в лунной тишине зажурчала вода, – Марк, не глядя на Кирилла, быстро смыл с живота свою сперму, так же деловито помыл утративший твёрдость член, который стал гибким и эластично податливым, снова похожим на толстую сосиску... вытираясь, Марк смотрел на Кирилла уже весело – смотрел своим повседневным, обычным взглядом, каким он всегда и везде смотрел на всех, на весь окружающий мир, – веселый, нахальный, напористый взгляд у Марка был от природы; проговорив дурашливым полусшепотом: «Никому не говори, что мы здесь с тобой... расслаблялись», Марк так же дурашливо подмигнул Кириллу, так же дурашливо приложил к губам палец и, не дожидаясь какой-либо ответной реакции от Кирилла, шагнул из кабинки в лунную ночь: для него, для Марка, «свидание с Аурикой» было завершено... и хотя э т о

«свидание» получилось совершенно необычным, совершенно не похожим на все предыдущие «свидания», Марк, сбросивший напряжение, испытавший отличный оргазм, чувствовал себя совершенно удовлетворённым – во всём его теле была приятная опустошенность, была лёгкость, и, в лунном свете шагая от душевой кабинки к сарайчику, уже предвкушая, с каким наслаждением он сейчас вытянется на своей постели, Марк, не заморочиваясь, решил, что о том, что это было, он подумает завтра, – «утро вечера мудреней»; Кирилл, оставшись один, какое-то время стоял неподвижно, вслушиваясь в ночную тишину... член у Кирилла, пламенеющей головкой задравшись вверх, возбуждённо стоял, уздечка была до предела натянута, от застойного возбуждения в яйцах уже ощущалась ноющая боль, и... понятно, что нужно было делать! Чуть наклонившись, вывернув правую руку назад, Кирилл медленно чуть выше поясницы провёл ладонью по своей спине, то ли размазывая по спине сперму Марка, то ли, наоборот, со спины собирая её в ладонь, затем выпрямился, поднёс ладонь к лицу, зачем-то понюхал ладонь – сперма Марка пахла точно так же, как пахла она у него, у Кирилла, и... было тихо-тихо: Марк ушел, испарился, и если б не сперма на ладони, можно было б подумать, что всё это просто пригрезилось, всё это был мираж, *fata morgana*, – сдвинув ноги, с силой сжав, стиснув свои спермой измазанные булочки, отчего они тут же утратили-потеряли свою выпуклую округлость, Кирилл л и п к о й ладонью обхватив свой горячий член, сладострастно сжал его, стиснул и, глядя перед собой, с наслаждением, какого он раньше ещё никогда не испытывал, быстро-быстро задвигал, заколыхал рукой... это был день пятый, уже перешедший в день шестой – лунная ночь плыла над дачным посёлком на стыке суток...

- Ну, так что... напомнишь мне, что я должен хотеть? – Марк, оставив в покое свой телефон с роликами в Тик-Токе, смотрит на Кирилла по-прежнему ожидающе, и во взгляде Марка Кирилл видит всё то же любопытство...

любопытство и что-то еще – что-то такое, чего он, Кирилл, понять не может; они, Марк и Кирилл, сидят рядом, на дачном участке нет никого – Богдан Петрович, Драгош и бабушка уехали... член у Кирилла стоит, но член сдавлен узкими плавками и потому стояка у Кирилла не видно.

- Нечего напоминать! – с видимой досадой произносит Кирилл, чувствуя, в каком дурацком положении он оказался со своим дурацким предложением – с дурацкими словами про «можно ещё». – Проехали! – говорит Кирилл, не глядя на Марка.

- Нет, подожди! – живо отзывается Марк, энергично разворачиваясь к Кириллу всем корпусом, отчего их колени соприкасаются; Марк на касание не обращает никакого внимания, а у Кирилла от этого соприкосновения сладко ёкает в груди. – Ты это про что сейчас сказал? Про то, что позавчера было в бане? – Марк смотрит на Кирилла весело, со своим неизменным нахальством, но в голосе Марка нет ни малейшего намёка на какую-либо насмешку или, тем более, на пренебрежение в его, Кирилла, адрес.

- Я сказал: проехали! – говорит Кирилл, но произносит он эти три слова уже не очень категорично, не очень уверенно, произносит без того напора, что прозвучал в интонации его голоса минуту назад; колени Кирилла и Марка соприкасаются.

- Ни фигя не проехали! – с весёлым азартом живо восклицает Марк. – Ты, блин, какой-то странный... – глядя на Кирилла, Марк улыбается.

- Сам ты странный! – быстро парирует Кирилл, которому кажется, что в произнесённом Марком слове «странный» в его, Кирилла, адрес содержится явный намёк на что-то или нехорошее, или постыдное.

- Почему я странный? – Марк смотрит на Кирилла с любопытством.

- Потому! – отвечает Кирилл, которому Марк странным совершенно не кажется; их колени по-прежнему соприкасаются, и Кирилл чувствует, как это случайное и, если посмотреть со стороны, ровным счётом ничего не значащее соприкосновение отзывается в его напряженном члене дополнительной сладостью.

- Нет, в самом деле... я кажусь тебе странным? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно – смотрит так, как будто мнение Кирилл ему действительно важно... или действительно важно?

- Не знаю, – не глядя на Марка, быстро проговаривает Кирилл; какое-то время они молчат – Марк смотрит на Кирилла, Кирилл смотрит перед собой.

- Нет, ну ты сам подумай... – нарушает молчание Марк, одновременно толкая своей коленкой коленку Кирилла, чтоб таким образом дополнительно привлечь внимание Кирилла к тому, что он, Марк, сейчас скажет. – Значит, смотри... ты сам говоришь мне «можно ещё», и ты же... ты тут же мне говоришь, что проехали... разве это не странно?

Кирилл молчит – ответить ему нечего. Потому что действительно получается странно... ну, то есть, с его стороны, со стороны Кирилла, всё это выглядит странно: то «можно ещё», то «проехали»... как при таком раскладе Марк должен его, Кирилла, понимать? Ответить Кириллу нечего, и оттого, что ответить нечего, Кирилл снова чувствует себя дураком – у него снова мелькает мысль, что Марк над ним просто смеётся... взрослый опытный Марк над ним, над Кириллом, просто смеётся – просто прикалывается... ну, и зачем тогда всё это? Их колени по-прежнему соприкасаются, и это касание отзывается в члене Кирилла тонко зудящей сладостью, – Кирилл думает о том, что если он сейчас встанет и уйдёт... гордо уйдёт, ни от кого не завися, то он перво-наперво снимет с себя в своей комнате тесные плавки, в которых член уже, наверное, дымится от невозможности вырваться на

свободу, потом ляжет на свою постель, обхватит свой член ладонью и, двигая рукой, делая передышки, будет долго... долго-долго любить несносного Марка без всяких его подколов и шуточек...

- Ну, так что? – нарушает молчание Марк; словно его, Кирилла, дразня, он снова толкает коленкой коленку Кирилла. – Как я должен тебя понимать?

- Никак! – Кирилл чуть наклоняет корпус вперёд, чтобы встать – чтобы молча уйти, но Марк неожиданно упреждает этот юный порыв досады, обиды, злости, любви: положив свою сильную руку Кириллу на плечо, Марк удерживает Кирилла, не даёт ему встать.

- Чего ты злишься? – Марк тихо смеётся, но в этом смехе нет ничего обидного, нет ничего такого, что подстегнуло бы Кирилла в его желании гордо уйти.

- Я не злюсь, – отзывается Кирилл; подчиняясь руке Марка, Кирилл остаётся сидеть на месте, не делая новую попытку, чтоб встать и уйти.

- Злишься... – чуть слышно говорит Марк, легко притягивая Кирилла к себе; теперь они, Марк и Кирилл, соприкасаются не только коленями, но и плечами. – Я же вижу, что злишься...

Кирилл не отзывается. Конечно, он злится! Злится на себя и даже немного злится на Марка, требующего «напомнить»... что Марк хочет, чтобы он, Кирилл, ему напомнил? Как он, взрослый Марк, в душевой кабинке дробил, когда Кирилл внезапно открыл дверь? Или как в душевой кабинке Марк его, Кирилла, трахал спереди и сзади – тёрся об него своим возбуждённым членом? Или напомнить, как он кончил ему, Кириллу, на спину? Или, может, надо напомнить, как он, Марк, взасос целовал его, Кирилла, неотрывно сосал его в губы? Это нужно напомнить? Или что? Конечно, Марк прав: он, Кирилл, злится... злится на него, на долбанного Марка, наглого, всё время

смеющегося, делающего из него, из Кирилла, дурака... и еще он, Кирилл, молчит потому, что прекрасный Марк обнимает его за плечи, сильной горячей рукой прижимает его плечо к плечу своему, и от этого у него, у Кирилла, бегут по спине сладкие мурашки, – Кирилл просто боится каким-то своим дурацким ответом или нелепым словом разрушить эту внешне обычную, совсем ничего не значащую связь с Марком, обнявшим его за плечи... рыжая кошка Муся, сходявшая по своим делам, так же вальяжно идёт назад – она проходит мимо сидящих на траве Кирилла и Марка, не обращая на них никакого внимания, словно их, Кирилла и Марка, не существует в природе. Марк, обнимая Кирилла за плечи, смотрит на Кирилла вопросительно, но Кирилл не видит, как на него смотрит Марк, – он, Кирилл, чувствуя кайф от близости Марка, боясь разорвать, как-то испортить этот внезапный порыв Марка, обнявшего – здесь и сейчас! – его, Кирилла, за плечи, смотрит на кошку Мусю; Марк, оторвав свой взгляд от лица Кирилла, тоже смотрит на кошку Мусю, – солнечно-рыжая Муся, грациозно проплывающая мимо, всем своим видом словно демонстрирует тысячелетнюю мудрость про то, что нет ничего нового под солнцем: «и что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться» – ни под солнцем нет ничего нового, ни под луной, – они, Марк и Кирилл, смотрят на солнечно-рыжую Мусю, но оба они – и Кирилл, и Марк – думают вовсе не о Мусе, они думают о том, что было позавчера в лунным светом залитой кабинке летнего душа...

Весь следующий день после того, что случилось ночью, то есть весь шестой день своего пребывания на даче он, Кирилл, только об этом и думал. Бабушка, как всегда, с утра уехала в город, оставив Кириллу записку, что он должен разогреть себе на завтрак, когда проснётся, и Кирилл, поздно проснувшись и позавтракав, всё остальное время – весь шестой день – просидел в беседке, наблюдая за Марком, – Кирилл, всматриваясь в Марка из

своей «засады», снова и снова, шаг за шагом, мысленно восстанавливал то, что было ночью в душевой кабинке, член у Кирилла то напрягался, то на какое-то время ослабевал, и Кирилл, сидя в кресле, засунув правую руку в шорты, автоматически мямлил свой член, тискал его, неспешно, неторопливо дрочил, или, точнее сказать, поддрачивал, не стремясь достигнуть оргазма, – он смотрел на Марка, пристально всматривался в Марка, стараясь увидеть в Марке какие-то изменения после случившегося ночью... в послеобеденный зной бригада, как обычно, оставив работу, ушла отдыхать в сарайчик, и Кирилл тоже ушел – покинул свой пост; в своей затемнённой комнате, благо бабушки не было, Кирилл снял с себя шорты, снял трусы, лёг на кровать... член его, словно зная, что сейчас будет делать хозяин, тут же с готовностью вытянулся, окреп, мгновенно налился твёрдостью, и Кирилл, думая о Марке и о том, что делал с ним Марк в душевой кабинке, быстро-быстро двигая кулаком, с наслаждением сбросил груз накопившегося за полдня напряжения; потом, когда зной полуденный спал и бригада снова вышла работать, Кирилл снова сидел в беседке, снова, тиская в шортах полустоячий член, смотрел на Марка... ничего в Марке нового не было! Всё в тех же коротких, плотно обтягивающих бёдра и попу синих шортах, Марк вёл себя так, как вёл он себя обычно, во все предыдущие дни: он энергично работал, весело говорил о чём-то на непонятном Кириллу языке то с молчаливым Драгошем, который в ответ лишь кивал головой, то с Богданом Петровичем, быстро и ловко укладывающим кирпичи... о чём-то рассказывая, Марк, как обычно, смеялся... подавая Богдану Петровичу вёдра с раствором, он легко поднимался вверх по лестнице... и как он, Кирилл, ни всматривался в Марка, как ни старался увидеть что-то такое, что изменилось бы в Марке после случившегося, всё было то же самое... всё было так, словно не было накануне ночью ничего! Кирилл сам не знал, какие изменения в Марке должны были случиться-произойти, что такого особенного он, Кирилл, должен был в Марке увидеть – в его внешности или, может, в его

поведении... никаких изменений не было! И Кирилл, сквозь прореху в листве винограда глядя на Марка, наблюдая за Марком из своей «засады», пришел к выводу, что он, Марк, вообще об этом не думает и о том, что было ночью, совершенно не вспоминает... А между тем, он, Кирилл, был не прав! Марк и думал, и вспоминал...

Собственно, в том, что Кирилл застукал его, Марка, за дрочкой, ничего страшного не было: ну, дрочил он, Марк, кайфовал... и что? Да ничего! Дрочат все, и если кто-то изображает из себя в этом деле целку, то он либо врёт, либо у него, у бедняжки, банально не стоит. Тот же Кирилл, когда Марк предложил ему подрочить, предложил к нему, к Марку, присоединиться, не стал отказываться, хотя поначалу, когда он увидел Марка со стояком в кулаке, он округлил глаза так, как будто Марк делал что-то нечеловеческое, – вспоминая первые секунды появления Кирилла в душевой кабинке, Марк невольно улыбался. Отношение к мастурбации у Марка было здоровое, вполне прагматичное: есть с кем трахаться – трахайся, а если трахаться не с кем, то... что – надо ходить со свинцовыми яйцами, чтоб они, яйца, звенели от перегрева? Как бы не так! Помимо кайфа и удовольствия мастурбация была профилактикой против всяких застойных явлений, служила нужной для организма разрядкой, не позволяла угасать сексуальным позывам... и если Кирилл застукал его, Марка, в тот момент, когда Марк, уединившись, проводил г и г и е н и ч е с к у ю процедуру, во всех смыслах и нужную, и полезную, и даже необходимую для организма, то... округлившиеся глаза Кирилла – это проблемы его, Кирилла, а вовсе не Марка, – Марк вспоминал, какими глазами смотрел на него Кирилл, когда открыл, распахнул в душевую кабинку дверь, и... он, Марк, невольно улыбался – сцена эта действительно была забавной. А вот потом... собственно, то, что было потом, Марку отчасти тоже было понятно: он не Кирилла, а Аурику сосал в губы, он Аурику ласкал руками, прижимал к себе... такое у Марка уже было: уже познакомившись с

Аурикой, уже в Аурику влюбившись, Марк, у которого с Аурикой секса не было, потому что до свадьбы, как решила Аурика, «этого не будет», время от времени не отказывал себе в том, чтоб потрахать других девчонок, и это тоже было понятно, тоже было вполне объяснимо: молодому здоровому Марку нужна была сексуальная разрядка... но, трахая других девчонок, Марк каждый раз закрывал глаза, мысленно видя, воображая Аурику – он, Марк, с другими девчонками Аурике не изменял! С таким же успехом он мог трахать подложенную под живот подушку, чего, правда, он никогда не делал, точнее, делал несколько раз, но это было ещё в подростковом возрасте, когда он по-разному экспериментировал в своей постели... с такими же мыслями – об Аурике – Марк дрочил, занимался мастурбацией... всё это не было ни изменой, ни предательством любви – он, Марк, любил Аурику, и ему просто нужно было дождаться, когда состоится у них свадьба, и потом уже будет всё-всё! Словом, в таких «изменах» Аурике, обусловленных, с одной стороны, обстоятельствами, с другой стороны, совершенно нормальной потребностью в сексе, он, Марк, ничего зазорного не видел, «изменяя» Аурике то с кулаком, то с другими девчонками... и с Кириллом получилось точно так же – он, Марк, не Кирилла в засос целовал, а засос он целовал Аурику... и вот здесь у него, у Марка, думавшего о том, что было ночью в душевой кабинке, получалась заминка, – напрасно Кирилл, весь шестой день своего пребывания на даче наблюдавший за Марком из своей «засады, пришел к выводу, что он, Марк, вообще об этом не думал и о том, что было ночью, совершенно не вспоминал; делая с Драгошем раствор для кладки, легко поднимаясь по лестнице – подавая Богдану Петровичу вёдра, наполненные раствором, подавая наверх кирпичи, беспечно смеясь, о чём-то рассказывая, Марк при этом и вспоминал, и думал... «изменять» Аурике с девчонками – это было понятно, но «изменить» Аурике с парнем, с пацаном, и это при том, что он, Марк, никогда – ни в своём подростковом возрасте, когда многие любопытствуют, пробуют, экспериментируют с самыми

разными сексуальными форматами, проявляя свою любознательность на самых разных сексуальных направлениях, ни потом, когда пора подросткового любопытства проходит, ни до знакомства с Аурикой, ни, тем более, после – никогда ни о чём таком он, Марк, не помышлял и не думал... никогда он не думал о парнях как о возможных партнёрах, с которыми – вместо отсутствующих девчонок – можно перепахнуться, можно покайфовать... а оказалось, что можно, и это для него, для Марка, при его неизменной ориентации исключительно на девчонок, стало неожиданным открытием... всё это было что-то для него, для Марка, совершенное новое! Ведь можно же было просто... просто, как обычно, подрочить, погонять-покайфовать, стоя друг перед другом на расстоянии, как когда-то он, Марк, это делал с друзьями на берегу речки... конечно, всё то, что было тогда, было в детстве, но какая была, блин, разница, если так получилось, так вышло теперь, что он, Марк, оказался вдвоём с пацаном, внуком хозяйки, и пацан, когда Марк предложил ему передёрнуть, отказываться не стал... что когда-то на берегу в кустах, что теперь в душевой кабинке – разницы не было никакой! Разве что теперь, в душевой кабинке, у него, у Марка, был уже не писюн, как когда-то, а был неплохих размеров ствол – вот и вся была разница! Словом, можно было бы просто подрочить с пацаном этим, с Кириллом, вместе, подрочить вдвоём, раз уж так получилось, и все дела... а он, Марк, подчиняясь внезапно возникшему порыву, притянул Кирилла к себе, прижал его к себе, засосал его, пацана, в губы... понятно, что думал он, Марк, об Аурике, и засосал он в губы Кирилла, воображая на его месте Аурику, но... и это «но» было самым важным, для него, для Марка, удивительным, ломавшим все его предыдущие представления о кайфе: Аурику он мысленно видел, в о о б р а ж а л её, а в губы р е а л ь н о он сосал Кирилла, то есть, парня... и задницу, пусть не большую, как у девчонок, но тоже сочную, упруго-мягкую р е а л ь н о он мял, страстно тискал-ласкал у парня, у Кирилла, и это всё... это всё ему, Марку, было в

кайф – это всё доставляло ему удовольствие! Кто б мог подумать... думая о Кирилле, о неожиданном удовольствии, что испытал он с парнем в душевой кабинке, Марк вспомнил... никогда он это не вспоминал, напрочь забыл об этом, всё это стёрлось в памяти, навсегда ушло, кануло в Лету, и вдруг – так отчетливо всплыло перед мысленным взором, словно всё это было только вчера: вечерет, в комнате сумрачно, Марк лежит на полу, точнее, лежит на ковровой дорожке на животе, Адриан лежит сверху на нём, на Марке, штаны у обоих приспущены, и Марк, ощущая, как Адриан старательно трётся о его попу твёрдым столбиком, терпеливо ждёт, когда Адриан закончит, выдохнется, чтоб поменяться с ним, с Адрианом, местами... офигеть! Картинка из детства возникла, всплыла перед мысленным взором Марка осязаемо зримо, и Марк... подавая ведро с раствором Богдану Петровичу, Марк на мгновение замер; «Марку! Чего ты застрял? Аурику вспомнил?» – Богдан Петрович, глядя на Марка, рассмеялся – Марк постоянно рассказывал про Аурику, про то, какая она у него, у Марка, классная, и потому не было ничего удивительного в том, что Богдан Петрович его, Марка, Аурикой подколол; «Да, Аурику... вспомнил одну историю!» – рассмеялся Марк, забирая у Богдана Петровича пустое ведро... это что ж получается? Где-то в каких-то глубинах мозга всё сохраняется, как на жестком диске компьютера, и даже когда мы о чём-то забыли, всё равно то, что было когда-то, не исчезает бесследно, не стирается совсем, а где-то в глубине памяти остаётся, зачем-то хранится? Офигеть! Адриан... как привет из детства, – в детстве он, Марку, был хулиганистым, уже тогда был нахальным и дерзким, а Адриан был мальчиком домашним, Адриан хорошо учился в школе, его в классе учителя часто ставили в пример таким разгильдяям, как Марк, ещё Адриан учился в музыкальной школе, ни в каких мальчишеских приключениях он никогда не участвовал, сторонился всяких безрассудных забав, и потому большой дружбы у Марка с Адрианом не было, но они жили по соседству, они были одноклассниками... им было тогда лет по одиннадцать или даже чуть меньше,

лобки еще были голые, но писюны уже напрягались, твёрдо стояли, и они... они никогда не раздевались догола, а лишь приспускали штаны и трусы, но этого было вполне достаточно для той тайной игры, в которую они регулярно играли: поочередно оказываясь то сверху, то снизу, они тёрлись друг о друга твердо торчащими столбиками, имитируя половые акты, причём Марку, когда был «мужем», предпочитал, чтоб «жена» лежала к нему лицом, и Адриан послушно ложился на спину, широко раздвигал «по-женски» ноги... или, наоборот, выполняя желание Марку, он ноги сдвигал, соединял, и тогда Марку «вставлял» свой столбик между ногами, требуя от Адриана сжимать ноги крепко-крепко... а когда «женой» был Марку, то он, Марку, чаще всего ложился на живот, потому что Адриан хотел именно так, и Адриан тёрся своим напряженным члеником о его попу, о мягкие круглые булочки... это была игра в «мужа и жену» – приятная игра, о которой они, Адриан и Марку, никогда никому не рассказывали... трения заканчивались оргазмами, но оргазмы были ещё детскими, ещё не яркими – оргазмы были похожи на короткие сладкие укольчики, после которых из алых головок выступали маленькие прозрачные капельки... ничего больше у мальчишек не было – были только эти приятные трения... а потом Адриан навсегда уехал с родителями в Румынию, там у них были какие-то родственники, и игры эти для Марку закончились... были – и кончились, – Адриан исчез из жизни Марку, испарился в один из летних дней, и Марку – после отъезда Адриана – не стал искать среди пацанов ни новую «жену», ни нового «мужа», то есть не стал искать тех, кто бы мог ему, Марку, Адриана заменить... может быть, потому он не стал искать замену Адриану, что он, Марку, никогда не был инициатором этих мальчишеских «тайных встреч» – инициатором всегда был Адриан: он зазывал Марку к себе домой, он предлагал Марку «трахаться», а Марку всего лишь никогда не отказывался... и если б кто-то потом, после исчезновения Адриана, точно так же поманил бы Марку, предложил бы «поиграть в папу-маму», то, может быть, Марку и не стал бы отказываться,

но никто больше таких игр не предлагал... ну, а потом, как и все его сверстники, как вообще все стремительно взрослеющие пацаны, Марк только дробил, дробил и фантазировал, и фантазии его были исключительно о девчонках – Марк «трахал» своих одноклассниц, «трахал» соседку Марину, которая была лет на десять старше его, «трахал» еще кого-то, «трахал» одну популярную артистку, и никогда...никогда при этом он, Марк, почему-то не вспоминал Адриана, – детский «секс» с Адрианом забылся, напрочь вытеснился из памяти, словно ничего такого никогда не было... «Марку! Давай раствор!» – и Марк, отвлекаясь от своих мыслей, вновь подавал раствор, подавал кирпичи... напрасно Кирилл, наблюдая за Марком из своей «засады», делал скоропалительные выводы, что Марк о том, что случилось между ними ночью, совсем не думал, не вспоминал, – Марк и думал, и вспоминал...то, что они, Адриан и Марк, делали в детстве, ещё не было сексом, им было тогда по одиннадцать или даже по десять лет, у них ещё не было никаких понятий про всякие-разные ориентации, не возникало желание взять друг у друга членики в рот или попробовать вставить друг другу в попу, и то, что они, приспуская штаны с трусами, поочередно изображали друг на друге то «жену», то «мужа», было просто игрой – наивной, детской, из раза в раз повторяемой и г р о й в с е к с, – никакой связи между тем, что было тогда, когда Марку было одиннадцать или десять лет, и тем, как взрослый двадцатидвухлетний Марк сладко кончил, прижимая к себе Кирилла, не было даже близко; ночью он, Марк, наслаждался с парнем, он кончил с парнем, и это... это всё было р е а л ь н о – это была не игра! Он, Марк, никогда не думавший ни о чём таком, легко притянул парня к себе, засосал его в губы... и Кирилл не стал его, Марка, отталкивать, не стал дёргаться, вырываться-сопротивляться, словно ему, Кириллу, всё это было тоже приятно... а если действительно было приятно? Если р е а л ь н о было в кайф? И... тогда что получается? Что этот Кирилл, внук хозяйки, гей? Голубой? До армии Марк учился в колледже, и там говорили про одного

парня, что он голубой, – Марк, равнодушный к этой теме, в подробности не вникал, но история вроде была такая: в общежитии парни отмечали какой-то праздник, все были пьяные, и этот парень, тоже пьяный, в туалете общежития сосал у такого же пьяного старшекурсника, а кто-то это увидел... или потом сам старшекурсник обо всем растрезвонил, – он, Марк, подробностями этой истории не интересовался, у него в то время была на примете одна девчонка, которую он хотел раскрутить на трах... и потом: тот парень учился в другой группе, и ему, Марку, не было никакого дела ни до самого парня, ни до того, что он, этот пьяный парень, сосал у другого пьяного парня... может быть, и Кирилл... он, может, тоже сосал у кого-то? А он, Марк, целовал его в губы... а с другой стороны: почему Кирилл должен был у кого-то сосать? Потому что он гей? А гей он почему? Потому что там, в душевой кабинке, он не стал вырываться? То есть, ему всё это было приятно, было в кайф, и потому он не вырывался... и потому он гей? А разве ему, Марку, всё то, что он делал с Кириллом, было не в кайф? В кайф! И потому он, Марк, теперь тоже гей? Эта последняя мысль рассмешила Марка: глупость для Марка была очевидная... и потом, про сосание в губы: он, Марк, когда трахал девчонок, тоже сосал их в губы, но он никогда не думал о том, что они, те девчонки, которых он трахал и в губы сосал, у кого-то сосали члены... и когда у него, у Марка, девчонки сосали член, их ведь тоже потом кто-то трахал и тоже потом сосал их в губы... и что теперь? Получалась фигня... он, Марк, никогда в о т т а к не думал – он, кувыркаясь с девчонками, трахая их, целуя в засос, кайфовал и наслаждался... и если Кирилл у кого-то сосал, то какая, блин, разница была между ним, Кириллом, которого Марк целовал в засос, и теми девчонками, которых, трахая, любвеобильный Марк сосал в губы тоже? Ни в ком нельзя быть уверенным... кроме Аурики! И не Кирилла он, Марк, сосал в губы, прижимая к себе, а на месте Кирилла он мысленно видел Аурику... всё это было для Марка и понятно, и непонятно – одновременно. Кирилл целовался плохо – он

целоваться не умел... и Аурика целоваться не умела, когда они познакомились – когда стали целоваться... и потом: если Кирилл действительно гей, то почему он никак это не проявил – почему его, Марка, он, Кирилл, не обнимал в ответ? Может, он думал, что гей – это Марк, а ему, пацану Кириллу, всё это было просто приятно, и потому он не вырывался? Но если всё это было ему приятно, то почему в таком случае он не гей? Кириллу было приятно, как он, Марк, его тискал, в губы сосал, как энергично и страстно тёрся о его попу своим стояком... так ведь и ему, Марку всё это тоже было приятно – было приятно тискать Кирилла, сосать его в губы, вжимать свой стояк в его сочную попу... ему, то есть Марку, всё это было в кайф, а он, Марк, ни разу не гей... и что теперь – что теперь дальше? Чем больше Марк думал о том, что случилось ночью в душевой кабинке, тем больше он, Марк, запутывался, – понятно было только одно: он, Марк, кайфовал, он наслаждался, он классно кончил, и всё это было не с девчонкой, а с парнем, с пацаном... и там, в душевой кабинке, было неважно, гей Кирилл или не гей, – это был кайф! Для него, для Марка, кайф... и, кажется, для Кирилла тоже... не вырывался Кирилл – послушно стоял! И когда он, Марк, жадно мял, гладил-ласкал попу Кирилла ладонями, и когда, развернув Кирилла спиной к себе, с наслаждением вдавливал в попу член, сладко скользил стояком между сочными булочками... всё это было кайфом! Марк никогда никакую девчонку не трахал в зад, и хотя другие парни, время от времени поествуя о своих сексуальных успехах, смачно рассказывали о том, как они какую-нибудь девчонку «трахнули в жопу», «натянули в очко», Марк, слушая, никогда не испытывал желания тоже попробовать т а к... зачем, если есть у девчонок к и с к и? А теперь не девчонка была, а был пацан, и у него, у этого пацана, к и с к и не было...

Так прошел день шестой: Кирилл, наблюдая за Марком, думал о Марке, а Марк, работая, думал обо всём – думал о Кирилле, об Адриане, о себе, об

Аурике... к окончательному выводу, гей Кирилл или не гей, Марк не пришел, но это, может быть, и не имело никакого значения, – случай, произошедший ночью в лунным светом залитой кабинке летнего душа, приоткрыл для Марка новые, ранее ему не ведомые горизонты сексуальности, и Марк решил, что надо... надо еще с Кириллом пообщаться, познакомиться ближе, и, может быть...

И вот – день седьмой: они, Марк и Кирилл, одни на даче, все уехали в город, они сидят на траве, и Марк, полуобняв Кирилла, прижимает его плечо к плечу своему... седьмой день пребывания Кирилла «на лоне природы». Рыжая Муся скрывается, исчезает из поля зрения, и Марк, повернув голову, снова смотрит на Кирилла; у Кирилла вполне симпатичное лицо, чуть припухшие губы, светлый пушок над верхней губой... щеки у Кирилла чистые, как у девчонки, – Кирилл ни разу ещё не брился, на щеках у него пока ничего не растёт... как подъезжать, подкатывать к девчонкам – как разводить на секс девчонок, Марк знает, у его в этом деле наработки есть, и наработки немалые... а как это делать с парнем? Марк обнимает Кирилла за плечи, и Кирилл уже не думает о том, чтобы встать и уйти... совсем об этом не думает!

- Я не злюсь, – говорит Кирилл; он смотрит на Марка, и в глазах его пляшут весёлые чёртики... то ли потому, что он, Кирилл, про э т о проговорил, сказал Марку с а м о е г л а в н о е, то ли потому, что у них случилась – по вине Марка! – небольшая перепалка, или, может быть, потому, что Марк его примирительно обнимает, шутливо толкает коленкой в коленку, а только Кирилл вдруг чувствует, что и досада его на себя, и злость на себя и немного на Марка, и обида его на Марка – всё стремительно исчезает, испаряется, а вместе с обидой-досадой-злостью уходит, пропадает скованность, исчезает страх сказать что-то не то или не так. – С чего ты взял, что я злюсь?

- Вот сейчас ты не злишься, – соглашается Марк; он смотрит на Кирилла, и в глазах его странная внимательность, как будто он, Марк, не просто смотрит на Кирилла, а в него, в Кирилла, пристально всматривается – его, Кирилла, изучает.

- Чего ты так смотришь? – спрашивает Кирилл, пытаясь понять, что может значить такая внимательность во взгляде Марка.

- Как я смотрю? – уточняет Марк.

- Так! – Кирилл сам не знает, как именно смотрит на него Марк.

- Смотрю, как обычно... нормально смотрю! – говорит Марк, но внимательность в его взгляде не пропадает. – Просто я думаю... – Марк делает паузу, – ты сказал, что можно ещё... так ты сказал?

- Я сказал: если ты хочешь, – секунду подумав, уточняет Кирилл; это очень важное уточнение, потому что без этой части сказанного им, Кириллом, слова Марка приобретаю совсем другой смысл.

- Да, правильно, – соглашается Марк. – Если я хочу, то можно ещё... ты так сказал! – Во взгляде Марка вспыхивает любопытство. – Ну, а ты сам... ты сам хочешь?

Кирилл на какой-то миг теряется... что за глупый вопрос! Если б он, Кирилл, не хотел, он бы Марку не предлагал – не говорил бы «можно ещё»... ему понятно, что он, Кирилл хочет! Хочет, но... что-то мешает ему сказать однозначное «да» или честно сказать «хочу», и Кирилл, увильнув от прямого ответа, переводит стрелки на Марка:

- Я как ты, – говорит Кирилл; он смотрит на Марка вопрошающе.

- Какой ты хитрый! – смеётся Марк.

- Почему я хитрый? Я просто сказал, – Кирилл, глядя на Марка, улыбается; разговор на такую в а ж н у ю тему превращается в игру словами, и это, с одной стороны, хорошо, потому что можно не говорить напрямую, а намекать или даже шутить, чтоб потом, если что-то пойдёт не так, можно будет всё превратить в шутку, а с другой стороны, шутки-намёки могут увести от сути так далеко, что потом вернуться к сути будет непросто.

- Ну, хорошо! Ты просто сказал, – Марк какое-то время молчит; думает. – Значит, всё зависит только от меня? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- Да, – говорит Кирилл и тут же поясняет, почему он так думает: – Ты старше меня, и тебе решать, хочешь ты или нет... ну, то есть, хочешь ли ты е щ ё... – Кирилл хочет добавить «или не хочешь», но обрывает себя на слове «ещё», таким образом как бы лишая Марка выбора; и, уже проговорив, уже пояснив Марку, почему всё зависит от него, от Марка, Кирилл тут же, вслед сказанному, думает, что, наверное, он, Кирилл, сказал сейчас явную глупость, потому как... при чём здесь возраст? Разве х о т е н и е может зависеть от того, кто старше, а кто младше... он, Кирилл, младше – и что?

- А ты сам, конечно, не хочешь? – улыбается Марк; в голосе Марка звучит лёгкая, едва уловимая ирония.

- Почему я должен хотеть? – Кирилл всем своим видом – и голосом, и взглядом – невольно старается изобразить недоумение; и тут же, едва договорив свой вопрос, он думает, что говорит он как-то не так... он снова говорит неправильно, потому что Марк при таком разговоре может решить, что он, Кирилл, не хочет...

- Потому что ты хочешь, – утвердительно говорит Марк; он произносит это спокойно, говорит как о данности, не подразумевающей ни сомнений, ни

опровержений, и тут же, не давая Кириллу что-либо сказать в ответ или, тем более, что-то возразить, произносит самое главное: – Ты хочешь, и я тоже... я тоже хочу – мы оба хотим! И ты, и я...

Марк говорит о своём желании, но при этом он дважды говорит «тоже», говорит «и ты, и я», тем самым как бы подчеркивая, что он, Марк, в этом деле ведомый, он идёт вслед за Кириллом в своём желании повторить то, что было в душевой кабинке, и Кирилл всё это тут же невольно отмечает, – в школе по математике Кирилл еле-еле дотягивает до “четвёрки”, а по русскому языку у него твёрдая “пятерка”, и учительница говорит, что у него, у Кирилла, «языковой слух», потому что правила Кирилл никогда не учит, правила он не зазубривает, а диктанты всегда пишет на “пятерка” и редко на “четвёртки”; Марк говорит «тоже», но ведь это «тоже», обозначающее вторичность, присоединение, пристёгивание к чему-либо или к кому-либо, можно расценить как «также», то есть как равным образом, как вместе, и тогда получится совсем другой смысл, – он, Кирилл, отмечает всё это машинально, не напрягаясь... да и какая, блин, разница, «тоже» или «также», если Марк сказал самое главное – сказал, что он хочет! Он, Марк, хочет! Хочет он тоже или хочет также – всё это не имеет уже никакого значения! Кирилл невольно смотрит вниз – туда, где между ног у Марка обтянутый шортами бугорок, и... он, Кирилл, видит, что бугорок этот – как подтверждение сказанному! – стал заметно больше: теперь он не выглядит ровной полусферой, а перекошился на одну сторону явно выпирающей, вздымающей шорты шишкой... у него, у Марка, стоит! И оттого, что у Марка стоит, Кирилл чувствует, как у него самого напряженный член начинает зудеть еще сильнее, – Марк видит, куда устремлен взгляд Кирилла, и, ещё больше раздвинув ноги, обнимает Кирилла за плечи, прижимает его к себе; у Марка сильные руки, и это... это так сладко!

- Мы оба хотим – и ты, и я... – наклонившись к уху Кирилла, шепчет Марк, обдавая ухо Кирилла горячим дыханием. – Я правильно нас понимаю?

- Да, – выдыхает Кирилл; сердце у Кирилла бьётся, как пойманная птица.

- Вот только... – Марк делает паузу и, чуть отстранив своё лицо от лица Кирилла, смотрит на Кирилла серьёзно, даже как бы изучающе, словно он, Марк, не знает, нужно ли продолжать, говорить дальше. – Вот только, – повторяет он, – я хочу, чтобы было по-настоящему – не так, в душе. Ты понимаешь, о чём я?

- Да, понимаю... – Кирилл неуверенно кивает головой. – Не так, как в душе... а как? – Кирилл вопросительно смотрит на Марка.

- Я хочу в жопу... – говорит Марк; ему кажется, что его «в жопу» прозвучало как-то слишком грубо, и он тут же исправляется: – В попу хочу... по-настоящему! Ты как смотришь на это?

Кирилл растерянно молчит... нет, он Кирилл отлично знает, что парни друг друга трахают в зад, и он, Кирилл, в своих грёзах-фантазиях время от времени «трахал в зад» одноклассника Владика, а Влад, соответственно, «трахал» его, Кирилла, но... то были фантазии – смутные, размытые, сопровождавшие мастурбацию, а теперь рядом сидящий Марк, горячей рукой обнимающий его, Кирилла, за плечо, говорит об этом как о вполне возможной реальности, и... он, Кирилл, растерянно молчит – молчит, вдруг растерявшись, не зная, что ответить.

- В попу мне дашь? – Марк, вопросительно глядя на Кирилла, конкретизирует свой вопрос – переводит вопрос из абстрактной области смутных фантазий в область реальную, прикладную.

- А ты... ты мне дашь? – не глядя на Марка, спрашивает Кирилл; этот вопрос срывается с губ Кирилла неожиданно для него самого, и в вопросе этом, прозвучавшем более чем конкретно, содержится для него, для Кирилла, не столько практическое значение, сколько непроизвольное желание увильнуть от прямого ответа, прикрыть свою неуверенность вопросом встречным, своим.

- Ну, ты нахал! – Марк, глядя на Кирилла, весело смеётся.

- Почему я нахал? – Кирилл смотрит на Марка с лёгким недоумением в глазах.

- Потому что я старший, а старшим такие вопросы не задают, – отвечает Марк, прижимая Кирилла к своему плечу; ему, Марку, определённо нравится этот пацан – не в смысле возможного сексуального партнёра, а нравится вообще... прикольный пацан! И симпатичный... этого тоже не отнимешь! Симпатичный прикольный пацан, на которого он, Марк, возбудился... какое-то время они молчат: Кирилл не знает, что может он Марку возразить на его слова про субординацию, а Марк думает о своём возбуждении – член у него, у Марка, стоит.

- Ты давал уже кому-то? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- А ты? – отзывается Кирилл, так же вопросительно глядя на Марка.

- Ну, не без этого. – Марк, вспомнив про Адриана, смеётся; он «признаётся» Кириллу в том, что «давал», совершенно спокойно, легко и весело, и потому звучит это «признание» более чем естественно... ну, а что он, Марк, теряет, «признавшись» в том, что он «давал в жопу»? В какой-то другой ситуации он, Марк, т а к говорить никогда бы не стал, а с Кириллом это прикольно... и потом, после того, что случилось, что у ж е б ы л о ночью в душевой кабинке... и что будет, скорее всего, ещё... почему бы и не «признаться» в

том, чего не было? – А ты? – Марк с любопытством смотрит на Кирилла. – Ты уже трахался с кем-то – кому-то в попу давал?

Кириллу четырнадцать лет, и он ни с кем никогда еще не трахался – ни с девчонками, ни с пацанами, а потому он давать кому-то просто не мог, но Кирилл вспоминает про Владика, своего одноклассника, на которого время от времени он дробит, представляя с Владиком разный секс, и, чтоб Марк не подумал, что он, Кирилл, какой-то отсталый лох, Кирилл утвердительно кивает головой:

- Да, – в ответ на «признание» Марка он, Кирилл, «признаётся» тоже. – Давал... не без этого.

- И кто это был? – спрашивает Марк.

- Одноклассник, – односложно отзывается Кирилл, на мгновение снова подумав про Владика; Кириллу совсем не хочется врать Марку, и он – на тот случай, если Марк захочет узнать подробности, о которых он, Кирилл, не имеет ни малейших представлений – переводит разговор на другую, не менее волнующую тему:

- А ты... – Кирилл смотрит на Марка; после таких взаимных «откровений» Марк уже не кажется Кириллу таким уж взрослым – Марк кажется Кириллу таким же пацаном, который просто чуть старше, взрослее, сильнее, и с которым хочется говорить на т а к и е темы, на которые он, Кирилл, ни с кем никогда ещё не говорил. – Ты у кого-то сосал?

- Ну, ни фига себе... какие вопросы ты мне задаёшь! – Марк, глядя на Кирилла весело и нахально, так же нахально и весело смеётся. – Совсем стыд потерял...

- Я просто спросил... если не хочешь отвечать, не отвечай, – тут же даёт задний ход Кирилл, испугавшись, что он, Кирилл, перегнул палку.

- А ты сам сосал? – Марк с любопытством смотрит на Кирилла.

- Ну, ни фиги себе, какие вопросы ты мне задаешь! Совсем стыд потерял... – Кирилл тихо смеётся, копируя интонацию Марка. – Я тебя первый спросил – ты ответь мне сначала!

- Ну, один раз было... по пьяни было, – врёт Марк, вспомнив про того парня, про которого в колледже говорили, что он по пьяни сосал в туалете у старшекурсника; и, словно оправдываясь, Марк тут же добавляет: – Многие парни сосут... ты тоже сосал?

- Да... один раз, – врёт Кирилл, снова подумав про одноклассника Владика. – Мы друг у друга сосали... – «уточняет» Кирилл, чтоб Марк не подумал, что только он, Кирилл, сосал, а у него, у Кирилла, никто не сосал.

- Значит, в рот у меня возьмёшь? – Марк, улыбаясь, смотрит на Кирилла с любопытством; у Кирилла красивые, чуть припухшие губы... а у него, у Марка, стоит, и... почему бы сразу не уточнить, не внести ясность в этот вопрос, если у них пошел такой разговор?

- Ну... друг у друга возьмём. Согласен? – говорит Кирилл, невольно скользнув быстрым взглядом по губам Марка. – Я у тебя, а ты у меня... согласен? – говорит Кирилл, в тот же миг понимая, что если даже Марк не захочет сосать член Кирилла, то он, Кирилл, всё равно у него, у Марка, пососёт... ну, или отсосёт, потому что... потому что он этого х о ч е т с а м! А говорит он так Марку лишь для того, чтобы Марк не подумал, что он, Кирилл, лох...

- Ну, посмотрим... видно будет, – на какой-то миг Марку кажется, что всё это происходит не с ним... ну, то есть, с ним происходит, но всё это странно и необычно. Марк, сказав «посмотрим», ловит себя на мысли, что он... он может реально взять член этого пацана в рот?!

- Кирилл... можно тебя спросить? – серьёзно, уже без улыбки, произносит Марк, и взгляд у Марка тоже серьёзный, не улыбающийся, и от серьёзности этой даже нахальство в его взгляде приглушается, делается почти незаметным.

- Спрашивай... – чуть помедлив, неуверенно говорит Кирилл, не представляя, о чём ещё можно спрашивать после того, что они друг у друга уже спросили... ну, то есть, спрашивать можно о чём угодно, но ведь самые важные, самые главные вопросы они друг другу уже задали! – Что ты хочешь спросить? – произносит Кирилл, так же серьёзно глядя на Марка.

- Ты гей? – спрашивает Марк: собственно, Марку всё равно, гей Кирилл или нет, потому что ему, Марку, это без разницы: и когда в душевой кабинке он сосал Кирилла в губы, и когда сладострастно тёрся о жопу Кирилла, прижимая Кирилла к себе, он, Марк, совершенно не думал, гей Кирилл или не гей... гей, не гей – какая, блин, разница? Ему, Марку, это просто любопытно... ему любопытно – и он спросил.

Вопрос застаёт Кирилла врасплох – он, Кирилл, никогда не думал, гей он или не гей... да, он нередко дрожит «на Владика» – воображает Владика голым то в школьной раздевалке, то в какой-то палатке во время похода, то у себя дома, мысленно представляет, как они друг друга везде ласкают, но ведь он, Кирилл, точно так же дрожит и «на Вику» – представлял, как раздвигает он Вике ноги, как гладит её пушистую «киску», тискает-мнёт её грудь, как она у него сосёт член... гей – это если пацан заточен на пацанов, думает только о пацанах, трахаться хочет лишь с пацанами, а у него, у Кирилла, fifty-fifty: ему

нравятся и пацаны, и девчонки... как ответить на вопрос Марка, если даже здесь, на даче, всю неделю наблюдая за Марком, любуясь Марком, мастурбируя «на Марка», он, Кирилл, ни разу не подумал про себя, что он гей... вопрос, заданный Марком, застал Кирилла врасплох – он, Кирилл, совсем не думал, даже не предполагал, что разговор повернёт в такую сторону и что ему надо будет отвечать, гей он или не гей...

- Я не знаю, – Кирилл, глядя на Марка, пожимает плечами; и тут же, чтобы не объяснять, почему он не знает, задаёт вопрос свой – спрашивает у Марка: – А ты?

- Я тоже не знаю, – чуть помедлив, отзывается Марк.

- Как ты не знаешь? Ты же взрослый! И ты до сих пор не знаешь, гей ты или не гей? – с удивлением спрашивает Кирилл и тут же ловит себя на мысли, что после всего, что было в душе, он, Кирилл, ни разу не подумал о Марке как о гее... ну, то есть, он ни разу не подумал о том, гей Марк или нет; и это после того, как Марк его в душе...

- Ну... я не знаю! – говорит Марк; конечно, он знает, что никакой он не гей, а он просто хочет трахаться, и не с Кириллом он хочет трахаться... совсем не с Кириллом! Ну, то есть, он хочет с Кириллом, но хочет с Кириллом он лишь потому, что Кирилл сидит рядом и он, Кирилл, для траха доступен... конечно, если б не случай в ночной душевой кабинке и не этот вот разговор, ему, Марку, даже в голову не пришло бы такое – трахать парня... а теперь любопытно... да, именно любопытно, как это – трахаться с парнем, с пацаном... конечно же, он, Марк, не гей, не голубой – у него есть Аурика, и кучу девчонок он перетрахал, и вообще никогда о парнях он не думал... но Кирилла этого, если всё сложилось, он трахнет... обязательно трахнет – попробует... в жопу трахнет – по-настоящему... а почему нет? Почему нет, если парень этот готов – если хочет он сам? У него, у Марка, стоит...

- У меня стоит... – весело говорит Марк. – Хочешь проверить? – Марк шире разводит, раздвигает в стороны ноги, и обтянутый шортами бугорок между ног выпирает еще сильнее; Марк выразительно показывает Кириллу глазами на этот туго обтянутый шортами бугорок.

Кириллу хочется прикоснуться к этому бугорку, но Кирилл себя сдерживает.

- Я вижу, – говорит Кирилл. – У меня тоже стоит...

- Я не вижу, – смеётся Марк.

- У меня шорты свободные, и потому ничего не видно, – объясняет Кирилл; он почему-то не предлагает Марку проверить, стоит ли у него, у Кирилла, а Марк, со своей стороны, не проявляет желания убедиться в том, что да, у него, у Кирилла, стоит.

Марк сдвигает, соединяет свои колени, потом раздвигает-разводит их в разные стороны снова, – член Марка затвердел, и от этого движения ногами Марку делается еще приятнее: член с трудом умещается в тесных трусах, и если б не узкие шорты, половина члена уже была бы вылезла из трусов, уже была бы наружи, но узкие шорты вдавливаются краями в ляжки Марка, и потому у члена такой возможности нет... он, Марк, возбуждён, и, глядя на Кирилла, он думает, что можно было бы прямо сейчас... а почему нет? На кровати Марка в сарайчике можно... или в старом дачном домике, на кровати Кирилла... чего откладывать? Если всё клеится, всё так удачно идёт... куй железо, пока горячо! А у Марка в плавках уже горячо...

- Интересно, когда они приедут... – говорит Марк, он не спрашивает, а думает вслух.

- Кто? – спрашивает Кирилл и тут же сам понимает, о ком Марк говорит.

- Дядя Богдан... и все остальные. Сейчас позвоню Драгошу – спрошу... – в телефоне Марка слышатся гудки, и почти сразу отзывается Драгош – говорит по-русски: «Слушаю»; телефон Марка настроен на громкую связь, так что Кирилл отлично слышит голос Драгоша.

- Вы когда возвращаетесь? – спрашивает Марк, глядя на Кирилла. «Соскучился по работе?» – слышно, как Драгош смеётся. – Я просто спрашиваю, – говорит Марк. «Мы на трассе уже... минут через двадцать будем дома». «Через полчаса» – Кирилл слышит голос бабушки; «Через полчаса» – повторяет Драгош. – Понял... ну, тогда всё! Я только это хотел спросить, – Марк прерывает связь. – Они будут дома через полчаса... – говорит Марк Кириллу.

Член у Марка стоит, и будь это всё с девчонкой, он, Марк, может быть, за полчаса и успел бы управиться – снять напряжение... с девчонками всё понятно! А с Кириллом... фиг его знает, как это делается! Вариант «здесь и сейчас» отпадает сам собой: полчаса – слишком мало времени.

- А после обеда работать сегодня вы будете? – спрашивает Кирилл, словно он догадывается, о чём думает Марк.

- Фиг его знает! Полдня уже прошло... может, дядя Богдан сегодня сделает выходной... а что? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- Здесь за посёлком, недалеко, есть озеро... ну, то есть, пруд. Если работать сегодня вы больше не будете, можно сходить искупаться... ты уже был на пруду – купался там? – спрашивает Кирилл.

- Когда? – восклицает Марк. – Мы же целыми днями вкалываем!

- Вот! А если сегодня работать вы не будете, то можно сходить... – говорит Кирилл.

- Пляж там есть? – Марк спрашивает про пляж, но думает он совсем о другом: если там пляж, то, значит, там могут быть люди, а это им, Марку и Кириллу, совсем ни к чему.

- Ну, я не знаю. В прошлом году там пляжа не было... я пошлым летом тоже сюда приезжал, и с бабушкой мы ходили на озеро... там берег кустами зарос, и вокруг тоже кусты... может, в этом году пляж уже сделали, и там уже можно купаться... а в прошлом году там были кругом кусты, – Кирилл, объясняя Марку про озеро, трижды упоминает про кусты, но он, Кирилл, это делает не умышленно – про кусты выходит само собой.

- Ну, давай сходим – посмотрим... после обеда можно сходить! Да? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- Да, – не раздумывая, соглашается Кирилл.

Какое-то время они сидят молча. У обоих члены напряжены. Оба думают об одном и том же...

- Вазелин с собойхвати, – говорит Марк.

- Зачем? – спрашивает Кирилл и тут же догадывается сам, з а ч е м нужен будет вазелин. – У меня нет вазелина, – растерянно говорит Кирилл.

- Какой же ты гей после этого? – Марк смеётся. – Ехал на дачу, а вазелин не взял...

- Откуда я знал, что здесь будешь ты... – говорит Кирилл; он произносит это, не задумываясь, и получается, что он этими словами как бы косвенно подтверждает, что он гей, но Кирилла это совсем не волнует – он, глядя на Марка, лихорадочно думает, где можно взять вазелин.

- Ну, не я, так другой... – говорит Марк.

- Какой другой? – Кирилл смотрит на Марка, не понимая, о чем Марк говорит.

- Другой парень... другой кто-нибудь, а ты без вазелина... какой ты легкомысленный! – Марк тихо смеётся.

- Я не хочу с другим! – Кирилл смотрит на Марка, и в его взгляде отчетливо сквозит недоумение: при чём здесь другой?

- Понятно! Ты хочешь со мной, – Марк внимательно смотрит на Кирилла. – А ты, случайно, в меня не влюбился?

- С какой, блин, стати? – отзывается Кирилл: он старается, чтоб голос его звучал насмешливо, но у него, у Кирилла, это плохо получается, и Кирилл невольно отводит взгляд в сторону.

- Ну... – Марк смеётся, – я весёлый, симпатичный... в меня что – нельзя влюбиться? Многие девчонки в меня влюбляются, и... – Марк делает паузу, словно раздумывая, говорить или не говорить дальше.

- И что? – Кирилл смотрит на Марка с любопытством.

- И я их трахаю, – смеётся Марк.

- Ты в них тоже влюбляешься? – чуть помедлив, спрашивает Кирилл.

- Зачем? – Марк пожимает плечами. – Кто-то мне больше нравится, кто-то меньше... я их, девчонок, трахаю! И тебя трахну – покажу тебе, как я влюбляюсь, – Марк смеётся.

- Я не девчонка! – с досадой перебивает Кирилл.

- А я разве сказал, что ты девчонка? Понятно, что не девчонка, – соглашается с Кириллом Марк. – Вот поэтому нам нужен вазелин...

- И где его взять? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно. – У меня вазелина нет...

- Ну... у бабушки есть же какой-то крем? Для лица там или для рук... есть?

- Кажется, есть, – неуверенно говорит Кирилл. – Вроде я видел в шкафчике... да, есть!

- Вот! Возьми! Пригодится, – Марк, глядя на Кирилла, весело подмигивает, и Кирилл, улыбаясь, подмигивает ему в ответ.

Кириллу хочется расспросить о п ы т н о г о Марка, больно это или не больно и можно ли обойтись без крема, но он, Кирилл, тут же соображает, что если он так спросит, то Марк сразу поймёт, что у него, у Кирилла, никакого опыта в этом деле нет, что про одноклассника, с которым он якобы трахался, он всё наврал, и Кирилл свой вопрос не задаёт – всё скоро выяснится и так... член у Кирилла стоит – член нисколько не ослабевает, и от этого у Кирилла уже немного ломит в яйцах; опустив глаза вниз, Кирилл смотрит на сильно взбугрившийся, туго обтянутый тесными шортами продолговатый холм между разведёнными в стороны ногами Марка, – сразу видно, что у Марка стояк... Кириллу хочется потрогать этот скульптурно выпирающий холм, прикоснуться к члену Марка, погладить член типа в шутку, тем более что Марк сам предлагал это сделать, но он, Кирилл, удерживает себя – он предвкушает... он сам не знает, что именно он предвкушает, но настроение у него, у Кирилла, отличное... просто отличное настроение!

...Возвращаются они с озера, когда солнце уже начинает клониться к горизонту.

- Закрой глаза! – неожиданно произносит Марк, интригуяюще глядя на Кирилла.

- Зачем? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно.

- Закрой! – настойчиво повторяет Марк.

Кирилл подчиняется: остановившись, он с улыбкой закрывает глаза, мысленно гадая, что этот Марк придумал еще; Марк берёт руку Кирилла в руку свою – прижимает ладонь Кирилла к своему стояку.

- Чувствуешь? – Марк смеётся.

- Да... – отзывается Кирилл, через ткань шорт ощущая ладонью выпирающую твёрдость с характерными очертаниями... он легонько давит на эту твёрдость – через ткань шорт проводит ладонью сверху вниз по напряженному члену Марка.

- И что ты чувствуешь? – Марк с улыбкой смотрит на Кирилла.

- Что ты хочешь ещё, – смеётся Кирилл; он открывает глаза – вопросительно смотрит на Марка: прав он, Кирилл, или нет?

Попа у Кирилла совсем не болит... ну, то есть, совсем не болит – словно не было ничего! И вообще... вообще всё получилось прекрасно! За обедом Кирилл сказал Нине Васильевне, что если строители после обеда работать не будут, если они сделают для себя выходной, то он и Марк сходят на озеро – Кирилл покажет Марку, где озеро, и заодно там поплавают. «А ты помнишь туда дорогу?» – поинтересовалась Нина Васильевна, подкладывая в тарелку Кирилла ещё пюре. «Помню. По нашей улице нужно дойти до трансформаторной будки, потом повернуть направо, пройти два квартала, потом налево свернуть, дойти до тропинки, потом по тропинке пройти до столба, снова свернуть направо и потом уже по тропинке прямо, до самого

озера», – Кирилл подробно описал маршрут. «Это ты с прошлого года запомнил?» – с удивлением посмотрела на внука Нина Васильевна. «Ну! Мы же ходили с тобой в прошлом году, и я запомнил», – Кирилл снисходительно улыбнулся. «Какая, однако, память! – приятно удивилась Нина Васильевна. – А ты с Марком уже говорил?» «Да. Утром сегодня, когда вас не было. Я проснулся, вышел, а Марк в ТикТоке ролики смотрит. Ну, я к нему подошел, и мы немного поговорили. Он спросил, есть ли здесь речка, чтоб поплавать, я сказал, что есть озеро, он спросил, могу ли я показать туда дорогу, я сказал, что могу», – приврал немного Кирилл, чтобы было всё убедительно. «Ну, хорошо, ходите, если ты обещал», – разрешила Нина Васильевна; после обеда она ушла в свою комнату подремать, а Кирилл занялся подготовкой: освободил от спичек спичечный коробок и, выдавливая из каждого тюбика понемногу крема, наполнил коробок с м а з к о й... тюбиков в шкафчике, висевшем на стене рядом с зеркалом, было шесть: «бархатные ручки», «крем от загара» «крем вечерний», «крем для рук», «крем для лица» и «смягчающий крем» – брать какой-нибудь тюбик целиком было неразумно, бабушка пропажу какого-то нужного ей крема наверняка бы заметила, а так получилось всё шито-крыто... Богдан Петрович сказал, что они сегодня сделают выходной, и после обеда он и Драгош легли отдыхать, а Марк, сказав, что он ходит на озеро – что «внук хозяйки пообещал показать на озеро дорогу», с полотенцем через плечо уселся на входе в строящийся коттедж, чтоб Кирилл видел, что он, Марк, его, Кирилла, уже ждёт... Кирилл, увидев, что Марк в футболке, тоже надел футболку, сунул в карман спичечный коробок, тоже, как Марк, перебрросил через плечо банное полотенце, потом, подумав, написал и оставил на столе записку: «Бабуля! Я с Марком пошел на озеро»... всё шло по плану! Едва они вышли за ворота, как Марк тут же деловито спросил: «Крем взял?», и Кирилл вместо ответа достал из кармана спичечный коробок; «Что это?» – на лице Марка промелькнуло недоумение; «Волшебная мазь», – рассмеялся Кирилл и, довольный своей

шуткой, приоткрыл коробку, объясняя Марку, почему он не смог взять какой-нибудь тюбик целиком, а, проявляя смекалку, сам сделал «мазь из разных ингредиентов»; «Нормально», – одобрил Марк... По дороге, пока шли к озеру, Марк расспрашивал Кирилла, есть ли в его классе симпатичные девчонки; Кирилл сказал, что одна симпатичная девчонка есть, её зовут Вика, и она нравится многим пацанам – он, Кирилл, на уроках сидит с ней за одним столом; «Ты её трахал?» – спросил Марк, и Кирилл, не желая вдаваться в подробности, честно ответил, что п о к а е щ ё н е т; в свою очередь, Кирилл тоже Марка расспрашивал: где и кем Марк служил, что делает Марк, когда он не строит коттеджи; еще Кирилл хотел спросить Марка о его невесте, про которую говорила Нина Васильевна, но о невесте он спрашивать почему-то не стал... Озеро, к которому они подошли, оказалось не очень большим и явно не предназначенным для купания – вдоль берега, у самой кромки воды, росли кустарники, так что к воде ещё нужно было через эти кустарники продираться... но ведь они, Марк и Кирилл, не купаться сюда шли и пришли! Не купаться...

Глядя Марку в глаза, Кирилл с лёгким нажимом проводит ладонью по шортам Марка – по возбуждённо твёрдому члену, чувствуя, как у него самого член, шевельнувшись, начинает тоже наливаться приятной тяжестью, выпрямляться, стремительно затвердевать.

- Ну, всё, убирай руку! А то я смотрю, ты уже прибалдел, – смеётся Марк. – Идём! А то стали посреди тропинки...

- За тобой должок, – улыбаясь, говорит Кирилл; он убирает ладонь с паха Марка и, сунув ладонь в боковой карман своих шорт, с силой стискивает свой стояк.

- В смысле? – восклицает Марк; он то ли делает вид, что не понимает, то ли действительно не понимает – он смотрит на Кирилла вопросительно.

- Ну, я же не сделал то, что сделал ты... – говорит Кирилл; он произносит это с такой интонацией, как будто он, Кирилл, перед Марком оправдывается.

- А что ты не сделал такого, что сделал я? – Марк, глядя на Кирилла, смеётся.

- Ой, а ты будто не знаешь! – запальчиво произносит Кирилл, но в этой его запальчивости, внешне ершистой, нет ни досады, ни, тем более, какого-то недоумения. – И не надо мне говорить, чтобы я тебе что-то напомнил!

- Не надо мне ничего напоминать, – Марк, глядя на Кирилла, смеётся. – Так ты что... ты хочешь сделать то же самое, что сделал я?

- Конечно, хочу! – не задумываясь, уверенно говорит Кирилл. – А ты разве не хочешь? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно.

Марк, глядя на Кирилла, молчит... он, Марк, трахнул Кирилла в попу, а Кирилл ему, Марку, в попу не всунул, и... хочет он, Марк, или он не хочет то, о чём говорит ему Кирилл?

В принципе, при желании найти подходящее место для захода в воду было, конечно же, можно, но они не купаться пришли на озеро, и Марк, посмотрев внимательно по сторонам, кивком головы показал Кириллу направо, где буквально в десяти шагах от них начинались густые заросли из кустарников и молодых деревьев; «Пойдём туда, – негромко проговорил Марк и, не глядя на Кирилла, так же тихо добавил: – Кажется, здесь всё тихо – никого не видно, никого не слышно... идём!»; они углубились в чащу, – Марк, раздвигая ветки, шел впереди, Кирилл с гулко бьющимся сердцем шел следом, и хотя Марк шел молча, ничего Кириллу не объясняя, Кирилл понимал, что Марк ищет, высматривает подходящее место; наконец, Марк остановился; «Здесь... да?» – Марк вопросительно посмотрел на Кирилла, и в его вопросительном «да?», в самой интонации, с какой Марк проговорил это «да?», Кирилл уловил какую-то неуверенность, словно он, Марк, сам не мог

решить, подойдёт ли это место для того, что они сейчас будут делать, или не подойдёт, и потому он, Марк, с ним, с Кириллом, советовался, – Кирилл, глядя на Марка, молча кивнул головой; место было вполне подходящее – совсем небольшая полянка, и даже не полянка, а прогалина, окруженная густыми зарослями... хорошее было место, – искать что-то более подходящее или более лучшее было бы пустой тратой времени, и... дело было совсем не в месте: он, Марк, вдруг почувствовал неуверенность... когда в залитой лунным светом душевой кабинке он, возбуждённый, разогретый дробкой, рывком притянул Кирилла к себе, жадно и страстно засосал его в губы, это было понятно, было вполне объяснимо: в том порыве Марка, внезапном и импульсивном, находившийся рядом Кирилл, словно утративший для Марка свою мужскую суть, заменил ему, Марку, воображаемую невесту – страстно желаемую Аурику... а теперь был день, никакого порыва не было, а даже наоборот – всё было заранее обговорено, всё делалось осознанно, то есть не было никакой подмены, никакого замещения, самообмана, не было имитации, а было всё в ч и с т о м виде: суть мужская Кирилла не размывалась мыслями об Аурике, никакой абберрации не было, парень стоял перед ним, и это... это было странное чувство: никогда не помышлявший о т а к о м сексе, теперь, когда к сексу такому было всё-всё готово, включая наличие парня, его готовность, уединённое место и смазку в коробочке из-под спичек, он, Марк, вдруг почувствовал невольную заминку – словно он долго, весело и уверенно мчался по всеми накатанной дороге, навигатор, настроенный опытными мастерами, инженерами человеческих душ, показывал «только вперёд», предупреждал-грозил «никаких поворотов нет», но поворот вдруг возник, появился, и он, Марк, игнорируя писки навигатора, притормозил – он замер перед этим поворотом, не зная, что ему делать... можно, проигнорировав поворот, так же уверенно помчаться дальше по наезженному пути, а можно, проигнорировав писки навигатора, свернуть с дороги, чтобы узнать, что

скрывается там, за поворотом... – это была странная ситуация: с одной стороны, Марк отлично знал, зачем он шел с Кириллом на озеро, а с другой стороны... теперь, когда нужно было просто п р и с т у п а т ь, Марк неожиданно почувствовал ему, Марку, совершенно не свойственную, для него нехарактерную, но вполне объяснимую п е р в ы м разом неуверенность... Кирилл стоял рядом, и... если бы з д е с ь и с е й ч а с на месте Кирилла была бы девчонка, он, Марк, не раздумывая, уже снимал бы с неё, с девчонки, трусики, уже бы ласкал её пальцами между ног, и дальше было бы всё остальное, многократно знакомое, сладкое, но здесь и сейчас была не девчонка, а был парень... вполне симпатичный пацан, готовый к сексу... ну, и чем он, этот пацан, был хуже девчонки? Только тем, что с парнями он, Марк, ещё никогда не трахался по-настоящему? Ну, то есть, с парнями он, Марк, совсем никак не трахался, потому как то, что было когда-то с Адрианом, было просто детской приятной игрой, а не трахом, а то, что случилось в кабинке летнего душа, назвать н а с т о я щ и м трахом можно было лишь с кучей оговорок; «Ты уверен?» – вопросительно глядя Кириллу в глаза, проговорил Марк, вопросом этим предпринимая последний шаг к отступлению. «Я как ты», – не отводя взгляд в сторону, проговорил-ответил Кирилл; он не сказал ни «да», ни «нет», и в этом не было никакой продуманной хитрости, не было, как принято говорить, перевода стрелок, – он, Кирилл, снова почувствовал себя младшим, а Марка почувствовал старшим, и, почувствовав это, он всецело доверился в з р о с л о м у Марку; «Хитрец!» – коротко рассмеялся Марк, и, секунду помедлив, преодолевая свою неуверенность, посылая свою неуверенность нах, рывком, как он это сделал в душевой кабинке, притянул Кирилла к себе... шутки кончились!

- Тебе сколько лет? – спрашивает Марк, не отвечая на вопрос Кирилла.

- Шестнадцать... ну, в конце лета будет шестнадцать, – врёт Кирилл, чтобы не выглядеть в глазах Марка малолетком, с которым ему, взрослому Марку, станет неинтересно общаться.

- И ты хочешь меня, пожилого человека... – Марк смеётся. – Это же больно!

- Ну... немного больно, когда... немного больно только сначала, – со знанием дела уточняет теперь уже о п ы т н ы й – р е а л ь н о опытный! – Кирилл, выделяя интонацией слово «немного». – И ты, Марк, нисколько не старый... ну, то есть, нисколько не пожилой!

Они сворачивают у трансформаторной будки налево – выходят на свою улицу... для него, для Марка, всё то, что было на берегу, было п р о б о й, и... ему, Марку, это понравилось! Конечно, это было д р у г о е, но это был секс, настоящий секс, и т а к о й секс – с парнем, с Кириллом – был ничуть не хуже, чем секс с какой-нибудь девчонкой! Так почему бы ему, Марку, не попробовать всё д о к о н ц а? Что изменится, если он, Марк, тоже даст Кириллу? Да ничего... ничего не изменится! Он просто узнает, испытает это ощущение – он просто в с ё это попробует сам...

Рывком притянув Кирилла к себе, Марк, уже не раздумывая, жадно засосал парня в губы, – шутки кончились! Одной рукой обхватив Кирилла за спину чуть ниже плеч, прижимая Кирилла к себе, другой рукой Марк поднял руку Кирилла вверх, положил-забросил её на спину свою, чтобы Кирилл не стоял истуканом, как в душевой кабинке, чтобы он тоже его, Марка, обнимал, прижимал к себе, и тут же эта другая рука, скользнув по спине Кирилла вниз, опустилась на попу Кирилла, – Марк через шорты провел ладонью по круглым булочкам, секунду-другую помял их, потискал, и ладонь его, скользнув под резинку шорт, легла на упруго-мягкую сочную попу парня, – член Марка, слегка приунывший от внезапно возникшей неуверенности, стал стремительно наливаться, выпрямляться, сладко затвердевать; «Давай

снимем футболки...» – Марк, оторвавшись от Кирилла, сдёрнул с плеча банное полотенце, отбросил полотенце в сторону, затем, взмахнув руками, через голову сдёрнул футболку, и вслед за Марком то же самое сделал Кирилл; теперь на них были только шорты, – Марк снова прижал Кирилла к себе, снова горячим открытым ртом обхватил, окольцевал губы Кирилла, а Кирилл, в свою очередь, уже не нуждаясь в подсказках, обвил обеими руками шею Марка, стараясь прижаться к Марку как можно сильнее; сунув обе ладони в плавки Кирилла, Марк гладил, сжимал, тискал-мял Кирилловы булочки, чувствуя, как через шорты твердый член Кирилла упирается ему, Марку, в пах, но теперь это ощущение чужого возбужденного члена совершенно не мешало Марку, потому что он, Марк, не пытался представить на месте Кирилла Аурику, з д е с ь и с е й ч а с Аурики перед мысленным взором Марка не было, это было д р у г о е... совсем другое, – ладонью одной руки продолжая удерживать Кирилла за попу, Марк другой рукой скользнул по бедру Кирилла, переместив ладонь с зада на перед, и... ладонь его, свернувшись в трубочку, обжала, легонько стиснула в плавках Кирилла торчащий горячий ствол, – вздрогнув от наслаждения, Кирилл непроизвольно дёрнул задом, вгоняя свой напряженный член в кулак Марка; оторвав свои губы от губ Кирилла, глядя Кириллу в глаза, двигая в плавках Кирилла рукой, Марк прошептал: «Хорошо?» – как будто в том, что было не просто хорошо, а было офигенно хорошо, могли быть какие-то сомнения, – глядя на Марка чуть ошалевшими от кайфа глазами, Кирилл молча кивнул в ответ, и, одной рукой продолжая обнимать Марка за шею, вторую руку он опустил вниз – ладонь Кирилла, проскользнув под резинку шорт, оказалась у Марка в трусах... какое-то время они, глядя друг другу в глаза, шевелили руками в плавках один у другого – не то чтоб драчили друг другу, но тискали члены, сжимали их, скользили горячими кулаками вдоль напряженных стволов... наконец, Марк вытащил обе руки из шорт Кирилла и, зацепив резинку шорт своих, резко приспустил свои шорты вместе с трусами-

плавками вниз, – Кирилл, реагируя на это движение Марка, опустил взгляд: прекрасный Марк стоял перед ним, перед Кириллом, обнаженный, он, Кирилл, сжимал в кулаке большой залупившийся член Марка, и это... это был не сон! Положив ладони рук Кириллу на плечи, Марк легонько надавил руками, и Кирилл, подчиняясь этому давлению, послушно, податливо опустил вниз – сел перед Марком на корточки; член Марка – напряженный, твёрдый, залупившийся сочно багровеющей головкой – оказался перед лицом Кирилла, всего в нескольких сантиметрах от его рта, – Кирилл секунду-другую смотрел на член, словно не зная, что надо делать, затем поднял лицо, снизу вверх вопрошающе посмотрел на Марка; «Возьми», – тихо проговорил Марк; в голосе Марка не было ни приказа, ни требования, ни просьбы – Марк произнёс это так, как будто глаголом «возьми», обращенным в будущее, он зафиксировал уже произошедшее, – опустив лицо, Кирилл открыл рот и, ни секунды не сомневаясь, качнул головой вперёд – горячие губы Кирилла скользнули по сочной головке, на какой-то миг замерли, словно споткнувшись на крайней плоти, и заскользили по стволу дальше: одной рукой держа Марка за ляжку, пальцами другой руки держа член Марка, Кирилл старательно задвигал головой, насаживая свой округлившийся рот на горячий ствол... возбуждающе твёрдый, горячий, великолепный член был у него, у Кирилла, во рту – Кирилл скользил по нему губами, и сама мысль, что он с о с ё т ч л е н М а р к а, наполняла сидящего на корточках Кирилл необыкновенной сладостью, – глядя на Кирилла сверху вниз, Марк чувствовал, что Кирилл сосать не умеет, что девчонки, которые у него, у Марка, сосали, делали это лучше, и хотя девчонки сосали тоже по-разному, кто-то делал минет хорошо, кто-то не очень, но в любом случае это были девчонки, а теперь был парень, и это... это было д р у г о е – «другое» было не в том, что Кирилл сосал плохо, то есть дело было совсем не в технике сосания, а «другое» было в том, что ему, Марку, сосал п а р е н ь... и ему, Марку, это нравилось!..

Они идут по пустынной улице, и со стороны можно легко подумать, что идут два брата, старший и младший, или два друга, два товарища: один ростом чуть выше, и по нему видно, что это уже взрослый парень лет двадцати или чуть больше, а другой, идущий рядом, еще подросток, которому можно дать и четырнадцать лет, и шестнадцать; на обоих шорты, футболки, через плечи перекинута полотенца, – глядя со стороны, легко догадаться, что парни, неспешно идущие по пустынной улице, возвращаются с озера, в котором так хорошо освежиться, поплавать-подурачиться в жаркий летний день.

- Ты любишь короткие шорты? – спрашивает Кирилл, которому хочется знать про Марка всё-всё; Кирилл смотрит на Марка вопросительно.

- Да... я не знаю! – отзывается Марк, слегка удивляясь такому вопросу. – Я же работаю... в коротких шортах удобно работать. А длинные шорты носят бездельники типа тебя, – Марк, глядя на Кирилла, смеётся.

- Я не бездельник, – смеётся Кирилл. – У меня заслуженные каникулы... я сил набираюсь перед новым учебным годом, как говорит моя бабушка.

Какое-то время они идут молча. Марк думает про Аурику... он любит Аурику, осенью у них будет свадьба, и то, что было сегодня с Кириллом в зарослях кустарника на берегу озера, несколько не изменило его отношение к Аурике – любовь Марка не стала меньше... а то, что было с Кириллом, просто эксперимент, расширивший горизонты, давший новое знание... приятный эксперимент! Он, Марк, никогда не думал, что у него когда-либо может случиться секс с парнем – парни его, Марка, в этом плане никогда не интересовали, а оказалось... оказалось, что это классно!

- Если не хочешь, то не надо... – нарушая молчание, говорит Кирилл. – Можно просто... ну, то есть, так, как сегодня... только ты меня... если ты не хочешь, чтобы я тоже...

- Кто тебе сказал, что я не хочу? – Марк весело смотрит на Кирилла.
- Ну, мне так показалось... показалось, что ты не хочешь... – Кирилл произносит это с такой интонацией, словно он, Кирилл, перед Марком оправдывается.
- Перекрестись! – глядя на Кирилла, смеётся Марк.
- Зачем? – Кирилл смотрит на Марка с недоумением.
- Когда кажется – крестятся! Так всегда говорит дядя Богдан, если слышит, что где-то что-то кому-то показалось... перекрестись, и всё пройдёт, – говорит-поясняет Марк; глядя на Кирилла, он смеётся.
- Марк, я серьёзно...
- И я серьёзно! – перебивает Кирилла Марк. – Не про то, чтоб креститься, а вообще... я тоже серьёзно! – Марк смотрит на Кирилла без улыбки, смотрит многообещающе; для себя он, Марк, определился – он твёрдо решил, что в следующий раз...

В том, что следующий раз будет, и будет обязательно, Марк нисколько не сомневается: трахаться с парнем и кайфово, и вообще... с парнем, как оказалось, секс ничуть не хуже, чем с девчонкой, – так почему он, Марк, должен отказывать себе в совершенно нормальном сексуальном удовольствии? Кирилла не нужно ни уговаривать, ни уламывать... и если он, этот классный пацанчик, готов раздвигать перед ним, перед Марком, ноги, готов подставлять ему свою жаркую тесную дырочку, то глупо этим не пользоваться – глупо отказывать себе в удовольствии, тем более что у него, у Марка, нет ни малейшего предубеждения к т а к о м у сексу... ну, то есть, он абсолютно не рефлектирует по поводу однополого секса, как это нередко бывает у других: «хорошо, но плохо», или «плохо, но хорошо», или «кто я

теперь такой», «как теперь дальше жить», – может быть, потому у Марка нет никакой рефлексии в этом вопросе, что он, Марк, никогда о подобном сексе не думал, а значит, не впитывал, не усваивал все те нелепости и страшилки, которыми секс такой обставлен... то, что случилось в душевой кабинке, конечно же, не было однополым сексом: там, в душевной кабинке, голый доступный Кирилл, перед ним, перед Марком, стоявший в лунном сиянии, на какой-то миг для возбуждённого Марка утратил свою мужскую суть – он заменил возбуждённому Марку страстно желаемую Аурику, и... воображение стало сильнее реальности – было то, что было; а теперь никакой подмены не было, не было самообмана: Кирилл предстал перед Марком во всём своём мужском естестве, он был не в м е с т о девчонки, и потому у него, у Марка, был совершенно осознанный секс именно с парнем... с парнем, а не с парнем вместо девчонки, – там, на берегу озера, был полноценный однополый секс: он, Марк, кайфовал с парнем, который ему, Марку, дал! Так почему теперь он, Марк, точно так же не может дать Кириллу, если Кирилл этого хочет? И не только Кирилл этого хочет – ему, не растленному «скрепами» Марку, чьё понимание секса не испохаблено, не извращено бытующими предрассудками, это интересно самому... так почему не попробовать? Никаких оснований не давать Кириллу у него, у Марка, нет! Принято думать, что парень должен быть только «сверху» – не в смысле позы, а в смысле предназначения... фигня всё это! «В смысле предназначения» – это только для продолжения рода, для деторождения; а всё остальное... и секс оральный, и секс анальный парни имеют с девчонками, но с девчонками это всегда движение в одну сторону, то есть, опять-таки «сверху», а когда парень имеет секс с парнем, то можно легко поменяться местами – с парнем можно попробовать «снизу»... «сверху», «снизу» – это как стать «универсальным солдатом», всё вкусившим и всё познавшим, – разве это не интересно? Универсальный солдат... они идут по пустынной улице, и Кирилл то и дело искоса смотрит на Марка, словно

желает удостовериться, что Маре никуда не делся, не испарился, не исчез, – Кирилл переполняет чувство ликующей радости, что всё так удачно сложилось, так сказочно получилось... Кирилл не просто доволен – он счастлив! Идущий рядом с Кириллом Марк тоже доволен, хотя... шагая рядом с Кириллом, Марк думает о Кирилле, что он, Кирилл, отличный пацан, у него офигенная тесная дырочка, вот только сосёт он плохо – сосать Кирилл совсем не умеет...

Сидя на корточках, Кирилл ритмично качал головой – мокрыми губами скользил по напряженному члену Марка, и Марк, глядя на Кирилла сверху вниз, чувствовал, что сосать Кирилл не умеет, – Марк, у которого не раз сосали девчонки, мог без труда сравнить их сосания с тем, как это делал Кирилл; конечно, для него, для Марка, это в любом случае был кайф, – жаркие влажные губы полировали ствол, мокро скользили по члену туда-сюда, и Марк, стоя перед Кириллом на чуть раздвинутых крепких ногах, положив руки Кириллу на плечи, от наслаждения вздрагивал голыми ягодицами... впервые у Марка сосал пацан, и это... это был кайф! Вот только сосал он, Кирилл, как-то совсем однообразно, монотонно... сосал старательно, но неумело, – обхватив, как мячик, голову Кирилла растопыренными пальцами обеих ладоней, Марк остановил колыхание головы и, не вынимая член изо рта Кирилла, держа голову Кирилла неподвижной, ритмично задвигал, заколыхал ягодицами сам... в принципе, это было то же самое скольжение, но теперь не губы скользили по члену у безучастно стоявшего Марка, а он, Марк, двигая поясницей, сжимая ягодицы, скользил напряженным твёрдым членом между кольцом сомкнутыми губами парня, – какое-то время Марк, колыхая голым задом, с наслаждением долбил сидящего перед ним на корточках Кирилла в горячий рот, затем рывком выдернул мокрый член изо рта парня, и Кирилл, чуть наклонив голову, сжимаемую руками Марка, выпустил изо рта обильную слюну; ничего не

говоря, Марк потянул Кирилла вверх, поднимая его с корточек, и, когда Кирилл выпрямился, он, Марк, горячо, страстно засосал Кирилла в мокрые губы, прижимая парня к себе, но это длилось всего лишь несколько секунд, – оторвавшись от губ Кирилла, Марк, не раздумывая, опустился вниз – сел перед Кириллом на корточки; на Кирилле до сих пор были шорты, бугрящиеся колом, – Марк потянул шорты вниз, сдернул их с Кирилла, вслед за шортами сдёрнул плавки, и возбуждённый член Кирилла, вырвавшись на свободу, пламенеющей головкой подскочил вверх; Кирилл затаил дыхание – сердце у Кирилла стучало, рвалось из груди, – Марк, приблизив губы, лизнул языком натянутую уздечку на члене Кирилла, затем, держа член тремя пальцами, округлив губы, медленно насадил свой рот на сочно пламенеющую головку... как и Кирилл, Марк это делал – сосал член – впервые в жизни, но у Марка это получалось намного лучше, чем у Кирилла, и это было вполне объяснимо: Марк не просто сосал член, колыхая головой, а ласкал член языком, играл с членом губами, то есть он делал всё так, как ему, Марку, делали девчонки, – глядя, как сидящий на корточках Марк ласкает-сосёт его член, Кирилл чувствовал и в самом члене, и в задубевшей промежности, и в низу живота, и в круглых, непроизвольно сжимающихся ягодицах, и в попе, в туго стиснутых мышцах ануса, жаром полыхающий огонь... ещё бы чуть-чуть, и он, Кирилл, уже не способный контролировать себя, разрядился бы Марку прямо в рот, но Марк, неожиданно выпустив член Кирилла изо рта, сплюнул между ногами обильную слюну и, поднимаясь – вытирая тыльной стороной ладони мокрые губы, вставал на ноги, – Кирилл подумал, что Марк его снова засосёт в губы, но вместо этого Марк негромко проговорил: «Давай... полотенца расстелем!» – и тут же, переступая через свои шорты, лежащие на его ступнях, наклонился за полотенцем; Кирилл сделал то же самое, – большие махровые полотенца они расстелили рядом, точнее, внахлёт, так что получилось вполне приличное ложе для того, чтобы... «Ложись», – проговорил Марк, тиская-сжимая в кулаке свой колом

стоявший член; и Кирилл послушно сначала опустился на колени, затем лёг на живот. «Так?» – вывернув голову, Кирилл снизу вверх посмотрел на стоящего сбоку голого Марка. «Так... – не очень уверенно отозвался Марк, скользя взглядом по лежащему на животе Кириллу; круглые сочные булочки были прижаты друг к другу, и, глядя на них, Марк ощутил непреодолимое желание. – Где твоя смазка?» «В кармане шорт... достать?» – Кирилл, желая встать, с готовностью приподнялся – стал раком, отчего его булочки тут же раздвинулись, чуть распахнулись. «Я сам достану... стой так!» – Марк наклонился за шортами, сунул руку в один карма, потом в другой – извлёк из кармана спичечный коробок... не то чтобы с парнем, а даже с девчонкой у него, у Марка, анального секса никогда не было, и потому Марк на секунду замешкался... то, что в деле таком необходим вазелин, Марк слышал неоднократно, но он никогда об этом не думал – он пропускал мимо ушей всякие-разные сальные шутки про вазелин, и теперь он на миг почувствовал неуверенность... точно такая же неуверенность у него, у Марка, была, когда он впервые оказался в постели с девчонкой, но тогда ему, Марку, было шестнадцать лет, а теперь ему было двадцать два года и у него уже был немалый опыт – пусть этот опыт был не с парнями, а только с девчонками, но всё равно, – открыв спичечный коробок, Марк зачерпнул указательным пальцем крем и, зачем-то его понюхав, медленно, осторожно размазал крем по своей открытой, багрово залупившейся головке; крем пах парфюмом – так пахли девчонки, и это придало Марку уверенность; «Ноги шире раздвинь», – проговорил Марк, опускаясь позади Кирилл на колени; Кирилл послушно раздвинул ноги, и его булочки разошлись, распахнулись-раздвинулись, открывая перед Марком туго стиснутое – девственно сжатое – отверстие, – Кирилл, когда Богдан Петрович, Драгош и Марк, сидя в сарайчике, неспешно обедали, успел сходить в душ, там подмыл свою попу, чтоб она у него, у Кирилла, была идеально чистой, и теперь он смело, не беспокоясь о том, как это выглядит, обнажил перед Марком своё пацанячее в л а г а л и щ е; очко

у Кирилла было бледно-коричневое, небольшое, по размеру не больше рублёвой монеты, вокруг которой росли длинные редкие волоски, – Марк, на коленях стоя позади Кирилла, секунду-другую смотрел на очко Кирилла, на чуть вздрагивающие мышцы сфинктера, потом, обхватив Кирилла за бёдра, чуть подтянул стоявшего раком парня к себе, одновременно приподнимая его бёдра для большего удобства вверх, и... приставив блестящую от крема ярко-багровую головку к стиснутой дырочке, нетерпеливо двинул бёдрами – решительно надавил на очко, пытаясь войти в Кирилла, – Кирилл, непроизвольно ойкнув от боли, резко подался вперёд, отстраняясь от натиска негибаемо твёрдого члена; «Ты чего?» – удивился Марк. «Больно...» – выдохнул Кирилл; повернув назад голову, он растерянно посмотрел на Марка; «Давай ещё раз!» – возбужденно проговорил Марк, снова подтягивая попу Кирилла к своему залупившемуся стояку, но и вторая попытка, и третья тоже не увенчались успехом: едва Марк начинал давить членом на очко, как Кирилл в ту же секунду уворачивался от члена – стремительно ускользал от тупо давящей боли; «Может, ты плохо смазал?» – предположил Кирилл, глядя на чуть озадаченного Марка; «Хорошо я смазал... могу еще больше смазать...» – Марк, открыв рядом лежащий спичечный коробок, снова зачерпнул указательным пальцем крем – щедро размазал крем по головке. «Может, нужно его всего смазать?» – неуверенно проговорил Кирилл, глядя на толстый, длинный, окаменело затвердевший член Марка. «Зачем? – Марк вытер палец о край своего полотенца; ему, Марку, хотелось... хотелось как никогда! – Ложись на спину!» – произнёс Марк, и Кирилл, ни о чём не спрашивая, ничего не уточняя, послушно перевернулся – лёг на спину; член у Кирилла слегка обмяк, но всё равно был напряжен, – Марк, обхватив ладонями ноги Кирилла чуть выше щиколоток, резким движением поднял их вверх и, согнув в коленях, широко раздвинул, развёл в стороны – булочки Кирилла от такой простой конфигурации, приподнявшись вслед за ногами, разъехались, максимально раздвинулись, распахнулись, так что дырочка,

туго сомкнутая, со следами крема, оставленного головкой члена, оказалась перед Марком как на ладони... это была идеальная конфигурация! «Ноги держи!» – скомандовал Марк, и Кирилл, интуитивно чувствуя, что надо сделать, обхватил ладонями свои запрокинутые вверх ляжки, тем самым удерживая ноги в том положении, какое придал им Марк; опираясь на одну руку, Марк другой рукой направил член прямо в цель, жирно смазанная головка прикоснулась к стиснутому входу, Марк, затаив дыхание, опустив голову – глядя, как всё происходит, надавил головкой на вход, пытаясь войти, и... у них снова ничего не получилась, – Кирилл дёрнулся, резко вильнул попой в сторону, уворачиваясь от натиска; «Блин! Ну, ты чего... чего ты вертишься?» – и во взгляде, и в голосе Марка было недоумение: Марк смотрел на Кирилла, не понимая, в чём проблема; «Больно!» – повторил Кирилл; «Чего тебе больно? Всё смазано... ты же сказал, что ты уже трахался! – с лёгким напором в голосе проговорил Марк, полагая, что если кто-то у ж е т р а х а л с я, то это должно быть неоспоримым аргументом в пользу того, что теперь не может быть больно. – Или ты целка?» – к недоумению в голосе Марка, не понимающего, в чём дело, добавилось удивление, – ему, Марку, дважды попадались девственницы, и оба раза с ними была такая же возня; на какую-то долю секунды в глазах распластанного Кирилла, лежащего перед Марком с широко разведёнными, поднятыми вверх ногами, мелькнуло недоумение, но Кирилл тут же сообразил, что именно Марк имеет в виду, назвав его целкой: утром, когда они сидели под кирпичной стеной на траве, Кирилл, желая выглядеть в глазах взрослого Марка не каким-то малолетним лохом, а человеком в сексе искушенным, соврал Марку про свой имеющийся у него «опыт», и – подумав, что теперь нужно как-то выкручиваться из-за этого утреннего вранья, Кирилл проговорил в своё оправдание: «Это было всего один раз... – и, не зная, может ли о д и н р а з быть веским аргументом, оправдывающим боль здесь и сейчас, на всякий случай уточнил-добавил: – У Влада был не

такой большой, как у тебя...» – этот последний «аргумент» с полным правом можно было бы считать как похвалу Марку, но в данной конкретной ситуации слова Кирилла прозвучали скорее как укор в сторону Марка. «Ну, извини! – Марк, глядя на Кирилла, невольно улыбнулся; туго сжатая дырочка Кирилла влекла, манила Марка своей доступностью, она сулила Марку новые, еще неведомые, еще неиспытанные им, Марком, ощущения, дырочка парня была рядом, и Марк, возбуждённый и разогретый, жаждущий секса и наслаждения, произнес тоном, не допускающим промедления: – Давай ещё раз!»; «Давай!» – эхом откликнулся, отозвался Кирилл, ещё шире разводя руками в стороны свои запрокинутые вверх ноги; конечно, если б у Марка был бы хотя бы какой-то реальный опыт анального секса, он бы, наверняка, не только бы жирно смазал свой член, но и смазал бы кремом девственное очко Кирилла и даже, быть может, подготовил бы «целку» к проникновению, размял бы и помассировал мышцы Кириллова сфинктера, но никакого опыта у него, у Марка, не было, и потому, вновь приставив головку члена к очку Кирилла, Марк решительно, с силой надавил на очко, разжимая, растягивая эластичные мышцы мальчишеского сфинктера, – головка, жирно смазанная смесью из разных кремов, вскользнула вовнутрь, Кирилл дёрнулся, вскрикнул от боли, он попытался снова выскользнуть из-под Марка, ускользнуть от разодравшей его боли, но было уже поздно: нависая над распластанным Кириллом, чувствуя торчащим, как кол, членом мягко обволакивающий жар, Марк плавно, но решительно вошел, в к а т и л с я в Кирилла полностью, растянув его дырочку до нужного диаметра... конечно, Кириллу было больно, адски больно – ему, Кириллу, казалось, что внутри него всё горит, плавится, полыхает наждачным огнём, – содрогаясь всем телом под напором толчков нависающего над ним Марка, хватая ртом воздух, прерывисто, всхлипами дыша, Кирилл крутил головой, думая лишь о том, чтобы вся эта мука быстрее закончилась... а Марку было кайфово, офигенно кайфово, – нависая над Кириллом, опираясь на вытянутые руки,

Марк ритмично двигал задом – долбил парня в попу, его член скользил в полыхающей глубине, и ему, Марку, казалось, что никогда ещё, ни с какой девчонкой ему не было так сладко... «Марк... кончай... кончай, Марк... я не могу...» – простонал Кирилл, умоляюще глядя Марку в глаза; от боли, от напряжения у Кирилла на лбу обильно выступил пот, – Марка, ничего не отвечая, тяжело дыша приоткрытым ртом, глядя на Кирилла невидящим, внутрь себя обращенным взглядом, увеличил темп – его взмахи вспотевшим задом с каждым движением становились всё яростнее, всё неистовее, словно он, Марк, хотел достичь какого-то дна... оргазм был подобен взрыву бомбы – всё тело Марка на миг опалило огнём, нестерпимо сладостно полыхнуло у него в попе, в промежности, сладость судорогой прокатилась по ляжкам, и, содрогнувшись, в то же мгновение Марк ощутил, как по члену его пронеслась, прокатилась струя извергаемой спермы, – всё... тяжело дыша, Марк обессилено рухнул на Кирилла. «Марк, вытаскивай!» – напомнил Кирилл о себе плачущим голосом; приподнявшись, Марк рывком колыхнул, дёрнул задом, и его член, блестящий от крема, легко выскользнул из Кирилловой попы, – почувствовав облегчение, освобождение от боли, Кирилл стремительно опустил ноги, сжал, стиснул ягодицы, словно не веря, что всё закончилось... оргазм был действительно офигенный, – потный Марк, тяжело дыша, чувствуя и в яйцах, и в низу живота приятную лёгкость, опустошенность, откинулся рядом с Кириллом на спину, устало закрыв глаза, но уже в следующую секунду его нос уловил характерный туалетный запах – Марк, приподняв голову, посмотрел на свой член, медленно теряющий боевую нестигаемость: от усердной работы головка члена стала светло-коричневой, и запах этой окраски, смешанный с запахом крема и запахом спермы, безошибочно указывал на то, какой именно секс был только что, – Марк, повернувшись набок – отвернувшись от Кирилла, тщательно вытер свой член краем полотенца, подумав, что и окрас, и запах – всё это просто

фигня по сравнению с тем н о в ы м офигенным кайфом, какой он, Марк, открыл для себя...

Они идут по пустынной улице, и у Марка такое чувство, словно Кирилл ему младший брат; странное это чувство... ещё несколько дней назад этот идущий рядом пацан не вызывал него, у Марка, даже обычного любопытства, а потом этот случай в ночной душевой кабинке, и теперь вот всё то, что было в кустах на берегу... как интересно – непредсказуемо – устроен мир! Если б еще три назад кто-нибудь сказал бы Марку, что он, сидя в кустах на корточках, будет сосать возбужденный член пацана, он бы, Марк, даже не стал бы белиберду такую опровергать или на тему такую разговаривать – по причине полной абсурдности такого нелепого «предсказания», – он посмотрел бы на сказавшего это как на придурка, и не более того... а он, Марк, сосал – сосал у парня, у пацана! И что? Да ничего! Никогда не знаешь наверняка, что может случиться завтра... или даже через минуту – как это случилось в кабинке летнего душа... или всё то, что было сегодня в кустах на берегу... мог ли он, Марк, подумать еще каких-то три дня назад, что он совершенно осознанно будет всё это делать – что будет он классно кайфовать не с девчонкой, а с пацаном? Да ни фига он не мог ни о чём таком даже думать – у него даже мыслей таких никогда не мелькало, не возникало! Дачный посёлок поделён на квадраты-кварталы, и все улицы-переулки имеют плодово-ягодные или цветочные названия, – Марк и Кирилл идут по своей Ореховой улице, глядя по сторонам – рассматривая, как на экскурсии, дачные участки; до их участка остаётся пройти еще два квартала...

- Марк, не иди так быстро! – говорит Кирилл. – Куда ты спешишь?

- Я не спешу – я нормально иду! – отзывается Марк; он действительно идёт не спеша, но Кириллу хочется, чтобы путь их к дому никогда не кончался – чтобы можно было идти и идти рядом с Марком хоть целую вечность... ну,

или наоборот: быстро-быстро идти, но только назад – туда, на пустынный берег озера...

- Марк, как ты думаешь... Робинзон Крузо трахал Пятницу? – неожиданно спрашивает Кирилл; он смотрит на Марка вопросительно?

- Какой Робинзон Крузо? – Марк не сразу понимает, о ком Кирилл его спрашивает; он вопросительно смотрит на Кирилла.

- Ну, который после крушения корабля оказался на необитаемом острове! Ты что – не знаешь такого героя? – во взгляде Кирилла мелькает удивление.

- Да фиг его знает... слышал, что был такой человек – Робинзон Крузо...

- Вот! Он только один спасся после крушения корабля, остался живой, и он стал жить один на необитаемом острове. А потом с соседнего острова, где жило племя других люди, местных, к нему приплыл Пятница, и они, Робинзон и Пятница, стали вместе жить – вместе стали охотиться и всё такое... так вот интересно: они там, на этом необитаемом острове, трахались? Или не трахались? Ты думаешь как? – Кирилл смотрит на Марка с нескрываемым интересом.

- Могла бы к нему девчонка приплыть... – Марк, глядя на Кирилла, улыбается; сказав про девчонку, Марк тут же думает про Аурику.

- Ну... могла, не могла! – с лёгкой досадой в голосе говорит Кирилл. – Не девчонка к нему приплыла, а парень...

- С девчонкой на острове жить я смог бы всю жизнь! – говорит Марк, думая про Аурику: они – Аурика и Кирилл – как две параллельные прямые: Кирилл идёт рядом, у парня классная попа, и с ним, с Кириллом, он Марк, еще будет трахаться, будет кайфовать, а с Аурикой осенью будет свадьба, Аурику он,

Марк, любит, и это совершенно разные истории... эти истории у него, у Марка, никак и нигде не пересекаются.

- Марк, ты слышь меня? – в голосе Кирилла к досаде добавляется едва уловимое раздражение.

- Слышу, – коротко отзывается Марк.

- Вот я и спрашиваю, как ты думаешь... необитаемый остров, и на острове этом только они, Робинзон и Пятница... представил?

- Ну, представил, – не очень уверенно говорит Марк. – И что?

- Как ты думаешь: они трахались или нет? – Кирилл смотрит на Марка, ожидая ответ.

- Ну, я не знаю... – Марк пожимает плечами. – Если они там были не дураками, то, я думаю, они трахались... а почему нет?

- Я тоже так думаю, – с чувством удовлетворения произносит Кирилл, думая не про Робинзона и Пятницу, а про себя – про себя и про Марка...

Марк, краем полотенца тщательно обтерев свой хорошо потрудившийся член, снова откинулся на спину – во весь рост вытянулся с чувством приятной опустошенности рядом с лежащим на спине Кириллом; член у Марка, потеряв твёрдость, заметно укоротился, но при этом член его не стал тоньше, а даже наоборот – потемневший член Марка был похож на мясистую, упруго-эластичную сосиску, так что даже не верилось, что такой толстый член смог побывать в такой маленькой дырочке; «Теперь я?» – повернувшись к Марку – вопросительно глядя на Марка, неуверенно проговорил Кирилл; и во взгляде Кирилла, и в его голосе была какая-то неопределённость, неуверенность – он то ли спрашивая у Марка, то ли Марку напоминал, что теперь его очередь делать то же самое, то ли просто

высказывал предположение; «У тебя не стоит», – скользнув по Кириллу взглядом, без всяких эмоций в голосе проговорил Марк; «Встанет!» – коротко отозвался Кирилл и, посмотрев вслед за Марком на свой обмякший член, легонько стиснул его в ладони; возбуждение у Кирилла никуда не делось, без разрядки не испарилось, оно только чуть притупилось на то время, пока, содрогаясь от наслаждения, Марк натягивал Кирилла в зад, и теперь возбуждение снова возвращалось: член увеличивался, затвердевал, и в попе, липкой от крема и спермы, начинало сладко покалывать, как это всегда у него, у Кирилла, было, когда он, Кирилл, возбуждался, – не прошло и минуты, как Кирилл был снова готов, и... теперь была очередь его, Кирилла; «Марк... – позвал Кирилл Марка, лежащего рядом с закрытыми глазами, – посмотри... – и, не дожидаясь, пока Марк посмотрит, взяв руку Марка в руку свою, Кирилл приложил ладонь Марка к своему горячему, напряженно твёрдому члену, – чувствуешь?» «Да», – односложно отозвался Марк; не открывая глаза, он несильно стиснул пальцами стояк Кирилла, и Кирилл, дрогнув ногами от удовольствия, непроизвольно сжал мышцы сфинктера, отчего член в руке Марка тоже непроизвольно дёрнулся «И что ты чувствуешь?» – не замедлил уточнить Кирилл; лёжа на спине, всё так же не открывая глаза, Марк улыбнулся: «Чувствую, что ты хочешь трахнуть девчонку...» «Не девчонку, Марк, а... ты сам знаешь кого!» – интонация, с какой Кирилл проговорил это, была немного игривой и как бы несерьёзной, словно он, Кирилл, не очень хотел того, о чём говорил... а между тем, желание у Кирилла не испарилось и возбуждение у него никуда не делось – член у Кирилла стоял, налившись горячей твёрдостью, и предвкушение кайфа пылало в промежности, сладко зудело, покалывало в попе, звенело в яйцах, плавилось в низу живота, – дело было совсем не в Кирилле, а дело было в Марке, который – Кирилл это почувствовал – вдруг утратил всякий интерес и к нему, к Кириллу, и к сексу, и вообще... это был п е р в ы й сексуальный опыт Кирилла, и он, Кирилл, просто не знал, что наступающая

после оргазма апатия, кратковременная потеря интереса к сексу или к партнёру – это вполне типичная, совершенно нормальная реакция у большинства мужчин на успешное завершение полового акта, и Марк здесь не был исключением, у него, у Марка, это случалось довольно часто: трахнув какую-нибудь девчонку, Марк утрачивал на какое-то время к этой девчонке всякий интерес, член его, как утоливший голод питон, делался к сексу равнодушным, индифферентным, а потом проходило какое-то время, и желание снова возвращалось, снова вспыхивало, возрождалось, как птица Феникс из пепла, и уже через какое-то время Марк снова готов был с не меньшим энтузиазмом кувыркатся с той же самой девчонкой в постели, так что Марк здесь не был исключением; ничего необычного в наступившей апатии Марка не было, и у него, у Кирилла, нередко случалась такая же точно апатия после того, как он, мастурбируя, кончал, но Кирилл это связывал с тем, что он занимается сексом сам с собой, он мастурбирует, дробит, а когда секс н а с т о я щ и й, такого быть не должно, такое не происходит, – он, Кирилл, просто не знал, что реакция на оргазм практически не зависит ни от возраста, ни от партнёра, ни от формата сексуальной активности, и потому, увидев у в з р о с л о г о Марка полное отсутствие какого-либо желания подставлять попу ему, Кириллу, слегка растерялся, а растерявшись, интуитивно скрыл свою растерянность под шутливым тоном полунамёков: «Марк! Ну, ты чего... ты чего тормозишь? У меня стоит!» «Стоит», – согласился Марк; держа безучастными, равнодушными пальцами возбуждённый член Кирилла, Марк не стал отрицать очевидное; «И что это значит?» – в голосе Кирилла снова мелькнула игривость. «Это значит всегда одно: ты хочешь кого-то трахнуть», – поделился Марк своим личным жизненным опытом. «Не кого-то, Марк, не кого-то! – живо отреагировал Кирилл на прозвучавшую из уст Марка «философскую сентенцию». – Не кого-то, а... кого?» «Меня?» – наконец-то «догадался» Марк; открыв один глаз, он посмотрел на Кирилла. «Блин! Ну, а кого ещё?!» – воскликнул

Кирилл, радуясь тому, что этот ненужный, тупой разговор наконец-то приобретает л о к а л ь н о е, во всех смыслах п р и к л а д н о е направление, ведущее к страстно желаемой цели. «Откуда я знаю... – остудил пыл Кирилла Марк. – Может быть, ты не меня хочешь трахнуть... не меня, а кого-то еще». «Кого?! – изумился Кирилл. – Мы с тобой утром как договаривались?» «Как?» – отозвался Марк; «Что мы друг друга... – Кирилл, смутившись, осёкся. – Что ты вначале, а я потом... так?» «Так», – не стал отрицать Марк; он открыл второй глаз и теперь смотрел на Марка с любопытством; «Вот! Ты меня трахнул. Теперь я должен...» – Кирилл снова запнулся, не зная, как точно и вместе с тем деликатно, необходимо для Марка сказать о том, что он, Кирилл, должен делать теперь; «Мне ты не должен ничего», – Марк, нагло глядя Кириллу в глаза, улыбнулся. «Да! А ты мне должен!» – с отчаянием в голосе проговорил Кирилл. «Я тебе... что я тебе должен?» – Марк, казалось, дразнил Кирилла, выводил Кирилла из себя... и таки вывел: «В жопу ты должен мне дать – как дал тебе я... вот что ты должен! А ты, Марк...» – уже не скрывая досаду, не подбирая слова, с дрожащей обидой в голосе проговорил-выдохнул Кирилл...

До дома – до дачного участка, принадлежащего Нине Васильевне, где Марк, Драгош и Богдан Петрович строят коттедж – остаётся пройти ещё два квартала, когда на дороге из переулка медленно выползает блестящий черный джип, – дороги в посёлке узкие, так что приходится не выезжать, а именно выползать.

- Отойди в сторону – говорит Марк, положив ладонь на плечо Кирилла – подталкивая Кирилла к ограждению чьей-то дачи, словно он, Кирилл, не может сделать это сам; Марк это делает машинально, не задумываясь, но со стороны это выглядит как забота старшего о младшем – именно так воспринимает это Кирилл, тотчас ловя себя на мысли, что ему, Кириллу, такая забота от Марка более чем приятна.

Джип проезжает мимо, – сидящий за рулём мужчина лет пятидесяти мельком смотрит на Марка и Кирилла, не проявляя к ним никакого интереса, и это понятно: два брата, старший и младший, или, может, два друга с полотенцами, перекинутыми через плечи, возвращаются с озера... чего их рассматривать? Молодая женщина в соломенной шляпе, сидящая рядом с мужчиной, скользнув по Кириллу взглядом, задерживает свой взгляд на Марке, но джип проезжает мимо, и они, Марк и Кирилл, исчезают из поля зрения этой женщины, как исчезает из поля их зрения она... кто она этому мужчине, сидящему за рулем кроссовера? Может, жена... молодая жена, или взрослая дочь, или, может, любовница... да и какое им, Кириллу и Марку, до этого дело? У Кирилла есть Марк, а у Марка... у Марка есть Аурика... и теперь ещё есть Кирилл.

- «Компас», – говорит о проехавшем джипе Марк.

- А не «Чероки» разве? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно. – Я подумал, что это «Чероки».

- Нет, – Марк отрицательно качает головой; они, проведив взглядом джип, снова выходят на середину узкой улицы.

- У моей мамы «Киа Рио», – говорит Кирилл; он сам не знает, зачем говорит он это Марку.

- Хэтчбек или седан? – Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- Хэтчбек, – говорит Кирилл.

- Ну, тоже неплохо. Эта машина для женщин... – поясняет Кириллу Марк. – А где твоя мама работает?

- Преподаёт в институте французский... вообще-то, у ней основной иностранный язык испанский, она знает два языка, и с испанским она

работала в одном издательстве, а потом издательство это закрыли, и она в институте стала преподавать французский, – Кирилл сам не знает, зачем он всё это Марку рассказывает.

- Так ты говоришь и по-французски, и по-испански? – глядя на Кирилла, весело спрашивает Марк.

- Нет, я в школе учу английский, – Кирилл, глядя на Марка, смеётся.

- Я в школе тоже учил английский, но уже ни фиги ничего не помню, – Марк вздыхает. – Хотя нет! Помню... ай лав ю!

- Это ты мне говоришь? – Кирилл смеётся; во взгляде Кирилла пляшут весёлые чёртики.

- Что я тебе говорю? – не понимает Марк.

- Ну, ты сказал сейчас «ай лав ю»... это ты мне сказал? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно.

- С какой, блин, радости? – в глазах Марка мелькает недоумение. – Это я для примера сказал... ну, что я не совсем забыл английский.

- Жаль! – Кирилл, глядя на Марка, дурашливо вздыхает. – А я так надеялся, что это не про английский...

- Закатай губу, – смеётся Марк.

- Какой ты дерзкий! – с деланным возмущением восклицает Кирилл; на душе у Кирилла праздник: он идёт рядом с Марком, и они, как закадычные друзья, смеются и болтают, но Марк всё равно старший, и ему, Кириллу, нравится, что Марк старший и что при этом он, Кирилл, с Марком как бы на одной ноге – можно всё-всё сказать или обо всём спросить, не боясь показаться глупым... хорошо, когда есть такой старший друг! Какое-то время они идут

молча, и единственное, что Кирилла огорчает, это то, что они неумолимо приближаются к дому.

- Марк... – говорит Кирилл; он смотрит на Марка вопросительно.– Я тебе что-то хочу сказать...

- Говори, – отзывается Марк.

- Я не умею целоваться врасос, – говорит Кирилл. – Ну, не умею так, как ты...

- А чего здесь уметь? – Марк смотрит на Кирилла с лёгким недоумением.

- Ну... просто я никогда ещё никого врасос не целовал, – поясняет Кирилл.

- И потому ты думаешь, что не умеешь? – Марк, глядя на Кирилла, смеётся. – А как засосёшь кого-нибудь, так сразу научишься! Я тоже не знал, что умею, и думал, что не умею, а оказалось, что это совсем несложно... – Марк, говоря это, смотрит на идущего рядом Кирилла – Марк думает о том, как буквально пару часов назад он у Кирилла сосал, а потом натянул Кирилла в зад, и это... это был его п е р в ы й секс, когда он кайфовал не с девчонкой, а с парнем... кто б мог подумать! – Вот я, например... – говорит Марк, – я не умею делать кладку, но я смотрю, как делает кладку дядя Богдан, и я учусь...и научусь! Буду делать не хуже дяди Богдана...

- Вот! Я о том же говорю... – с энтузиазмом подхватывает Кирилл. – Надо всему учиться! Ты научишь меня?

- Делать кладку? – смеясь, уточняет Марк; он весело смотрит на Кирилла, и глаза его, нахальные, даже дерзкие, тоже смеются.

- Нет, на фиг мне кладка! Ты научишь меня целоваться врасос? Ну, чтобы я целовал... – уточняет Кирилл.

- Легко! – Марк смеётся. – Могу прямо здесь научить, сейчас! Хочешь?

- Блин, я серьёзно! – с лёгким напором в голосе говорит Кирилл; он вопросительно смотрит на Марка: – Научишь?

- Я же сказал... – смеётся Марк.

- Что ты сказал? – Кирилл хочет, чтоб Марк произнёс, проговорил вслух, что он, то есть Марк, его Кирилла, научит сосаться в губы – целовать в засос.

- Сказал: легко! Научу... – обещает Марк; он смотрит на в меру сочные, по-мальчишески чуть припухшие губы Кирилла... у него, у Кирилла, красивые губы.

- А тебя кто учил? – Кирилл смотрит на Марка с любопытством.

- Никто не учил, – Марк пожимает плечами. – Всё само получилось...

- Ну, у тебя само получилось, а мне надо, чтоб ты меня научил, – уверенно говорит Кирилл. – И потом... всё равно же надо с кем-то потренироваться...

- Так ты что... будешь на мне тренироваться? – Марк, весело глядя на Кирилла, изображает на лице изумление. – Офигеть, какой-то ты распутный!

- Я не распутный, – смеётся Кирилл. – Я просто...

- Просто ты гей! – перебивая Кирилл, смеётся Марк; он называет Кирилла геем, но произносит он это легко, шутливо, никак не подчеркивая, не выделяя слово «гей» – не придавая этому слову никакого – ни положительного, ни отрицательного – значения.

- Ты тоже гей! – парирует Кирилл, и у Кирилла это слово «гей» так же, как у Марка, звучит легко и шутливо... ну, а с чего бы их это слово напрягало? Для Кирилла главное, что он с Марком, а гей он, Кирилл, или не гей... какая, блин, разница, если главное – это великолепный, обожаемый Марк, который

рядом? Его, Кирилла, совсем не волнует, гей он или не гей – об этом он даже не думает, нисколько не рефлексировать!

- Да, мы с тобой оба геи! – смеётся Марк. – Какая забавная история...

Конечно, он Марк, Кирилла дразнил, – приятно опустошенный, расслабленный, Марк не испытывал никакого желания трахаться с Кириллом ни «сверху», ни «снизу» – ни активно, ни пассивно, и дело здесь было совсем не в Кирилле и не формате секса: если б на месте Кирилла была бы девчонка, он, Марк, точно так же не стал бы напрягаться... да и как напрягаться, если нет напряжения? Но теперь с ним была не девчонка, а был парень, и у парня этого был стояк, и никакого н а п р я ж е н и я от него, от Марка, в таком формате при таком раскладе не требовалось... всё, что требовалось от него, это просто раздвинуть ноги – раздвинуть, поднять, запрокинуть ноги вверх, и пусть ему этот парень вставит, как он, Марк, вставил ему, – никаких заморочек, свойственных тем, кто делит секс на «правильный» и «неправильный», у Марка не было... ну, то есть, совсем не было никаких заморочек! Весь тот набор страшилок, которые мусолили про однополый секс другие парни, симптоматично воспринимающие такой секс в штывки, ему, Марку, был по барабану, – Марк, умиротворённо лежавший на банном полотенце, просто н е х о т е л... временно не хотел, и это его эгоистичное нехотение никаким образом не было связано именно с Кириллом – Марк просто не хотел. А Кирилл, между тем, почувствовал себя вероломно обманутым... и не то, чтобы он, Кирилл, сильно-сильно хотел вставить свой член Марку в попу – что у него, у Кирилла, это была такая идея фикс, а просто... просто как-то всё не так получалось! Получалось, что Марк его, Кирилла, банально продинамил – трахнул его в попу, покайфовал сам и, нагло нарушая нормальные человеческие отношения, кинул, обманул... просто использовал его, Кирилла... поматросил и бросил – так говорят в таких случаях, – Кирилл, глядя на лежащего на спине Марка, чувствовал, как

в душе его растёт, как снежный ком, горькая обида... «Марк... – негромко проговорил-позвал Кирилл, предпринимая последнюю попытку сохранить свою любовь. – У меня стоит... давай!» «Я не хочу! – отозвался Марк и тут же, словно оправдываясь перед Кириллом, предложил – «внёс конструктивное предложение»: – Давай не сейчас... ну, не сегодня... согласен?» Словно он, Марк, не видел, не понимал, что лежащий рядом Кирилл был возбуждён, что у него, у Кирилла, был стояк, что хотел Кирилл здесь и сейчас, а не в каком-то отдалённом будущем... конечно, можно было бы спросить-уточнить: а если не сегодня, то когда, но Кирилла душила обида, – какое-то время, ничего не говоря в ответ на «конструктивное предложение», Кирилл молча смотрел на безмятежно лежащего Марка – словно прощался с прекрасным Марком... Марк, лежащий перед Кириллом во всей своей ничем не прикрытой наготе, был прекрасен, как прекрасны были античные парни-воины, скульптуры которых Кирилл видел на репродукциях, но Марк оказался п р е д а т е л е м, он обманул Кирилла, и сознавать это было особенно горько: получалось, что он, Кирилл, трахнутый Марком, теперь клянчит, в ы п р а ш и в а е т у Марка ответную любовь, а так не должно было быть, в таком выпрашивании было что-то унижительное, неправильное, и... сколько можно гостить на даче у бабушки? Он, Кирилл, вообще приехал на пару дней, не больше, а пробыл на даче уже целую неделю... хватит! Завтра он, Кирилл, уедет отсюда, и не будет никакого Марка, не будет глупых наблюдений из «засады», не будет глупых мечтаний-надежд! Отвернувшись от Марка, перекатившись на другой бок, Кирилл решительно встал с полотенца; «Ты куда?» – с удивлением проговорил Марк, снизу вверх глядя на Кирилла; член у Кирилла от глупых пустых разговоров, от обиды, от горьких выводов слегка поник, наклонился книзу; «Домой!» – коротко отозвался Кирилл, не глядя на Марка; он наклонился, чтоб взять лежащие на траве трусы и шорты, его круглые булочки при наклоне разошлись в стороны, распахнулись-раздвинулись, и Марк на короткий миг

увидел мальчишеское в л а г а л и щ е – бледно-коричневый кружок, обрамлявший тесно сжатый, похожий на точку вход... эластичный вход, способный так горячо, так жарко стискивать-обжимать возбуждённо алчущий наслаждения член теперь словно смотрел на Марка сверху вниз с укором, – быстро наклонившись – взяв свои шорты и трусы, Кирилл тут же выпрямился, его булочки снова сомкнулись, и о ч к о Кирилла исчезло из поля зрения Марка; «Ты чего... обиделся?» – Марк, чуть приподнявшись, протянув руку, цепко схватил Кирилла за лодыжку, удерживая его; «Так нечестно! – Кирилл дёрнул ногой. – Отпусти!» «Блин! Что нечестно?» – удерживая Кирилла, Марк смотрел на Кирилла, не понимая; «То! Ты сам знаешь что... пусти!» – в голосе Кирилла клокотала обида; завтра... завтра же он, Кирилл, уедет домой! «Какой ты упорный... давай! – Марк решительно потянул Кирилла на себя. – Мажь свой стояк! Он у тебя уже не стоит ни фига... мажь!» «Зачем?» – Кирилл сверху вниз посмотрел на Марка, еще не веря, что всё возвращается. «А ты хочешь как... хочешь мне в жопу вставлять на сухую? Шустрый какой! Размечтался...» – Марк смотрел на Кирилла нахально и весело; «Марк... – Кирилл, в один миг сменив гнев на милость, тут же почувствовал, как исчезает, испаряется его жгучая обида, и лицо Кирилла... его мальчишеское лицо расплылось в улыбке. – Так бы сразу и говорил!» Нет, Марк не был предателем! Кирилл скользнул взглядом по лежащему перед ним Марку – Марк был прекрасен! «У тебя не стоит», – зачем-то сказал Кирилл, словно отсутствие эрекции у Марка для его предстоящей п а с и в н о й роли могло как-то ему, Кириллу, помешать в его роли а к т и в н о й. «Не хочу, и не стоит, – спокойно отозвался Марк, раздвигая врозь ноги – поднимая широко раздвинутые ноги вверх. – Охуеть! Сейчас меня будут ебать в жопу... да?» – с любопытством глядя на Кирилла, весело проговорил Марк; он произнёс это с такой интонацией, словно сам он верил и не верил в то, что сказал; Кирилл, не отвечая, смотрел на очко взрослого Марка – оно было круглое, тёмно-коричневое, с обеих сторон

обрамлённое длинными черными волосами, которые, сходясь на промежности, широкой дорожкой упирались в мошонку, – в центре коричневого кружка была туго сомкнутая продолговатая дырочка, куда он, Кирилл, сейчас должен будет за с у н у т ь свой член... офигеть, какой был расклад – не грёзах-мечтаниях, а наяву! Член у Кирилла снова стоял, и Кирилл тоже стоял, глядя на очко Марка... всю неделю он, Кирилл, о Марке думал, за Марком наблюдал, «на Марка» дрочил, задыхаясь от наслаждения, но в своих грёзах-фантазиях он ни разу не представлял Марка т а к и м – с разведенными врозь ногами, с откровенно распахнутыми, в стороны разъехавшимися ягодицами, между которыми чуть подрагивало коричневое очко... на какой-то миг Кирилл растерялся от абсолютной, окончательной наготы лежащего на спине Марка – ему, Кириллу, почудилось, что Марк и эта п о с л е д н я я, ничем не прикрытая нагота несовместимы, что Марк отдельно, а его доступное взору очко отдельно, но... член у Кирилла стоял, и он, Кирилл, был готов – готовность его щекотливой сладостью предвкушения свербела в промежности, в мышцах проткнутого ануса, в низу живота; «Ну, ты чего растерялся? Долго я буду ждать?» – Марк произнёс это ворчливо и вместе с тем легко, как-то особенно беззаботно, словно всё это было самым обычным делом; «А где коробок с кремом?» – проговорил Кирилл, невольно стараясь попасть в тон Марка, чтоб у него, у Кирилла, тоже всё было легко и так же точно, как у Марка, беззаботно... легко и беззаботно! «Да фиг её знает! Где-то здесь, в траве... – отозвался Марк, опуская ноги. – Ты пока соберёшься, я подремать успею», – Марк, закрывая глаза, рассмеялся; но «подремать» Марк не успел – буквально тут же раздался растерянный голос Кирилл: «Марк!» «Что?» – Марк открыл глаза; «Здесь нет ничего! – Кирилл держал в руке спичечный коробок. – Ты израсходовал весь наш крем!» Марк, скосив глаза, посмотрел на пустой коробок – наглядную улику его легкомысленного транжирства, и тут же, не ощутив за собой никакой вины, легко перевёл стрелки на Кирилла: «Ты сам

говорил, чтоб я мазал сильнее... я мазал сильнее – вот крем и закончился!»

«И что теперь?» – растерянно проговорил Кирилл: смазки в спичечном коробке не было – Кирилл, стоя с возбуждённым членом, вопросительно смотрел сверху вниз на лежащего перед ним Марка; «Ну... давай как в душе!» – секунду подумав, предложил Марк. «Как "как в душе"?» – произнёс Кирилл и тут же вспомнил, как было в летнем душе, когда возбуждённый Марк на него, на Кирилла, кончил... не в попу ему, Кириллу, кончил, а кончил, спустил на попу; «Ты хочешь как? Чтоб я лежал так, как сейчас, или лучше мне лечь на живот?» – деловито проговорил Марк, которому, в общем-то, было абсолютно всё равно, спереди или сзади Кирилл будет об него тереться; «Ну, я не знаю... – проговорил Кирилл, отбрасывая в сторону пустой спичечный коробок. – А ты сам как хочешь?» Марк хотел сказать, что сейчас – вот именно сейчас – лично он, Марк, не хочет никак, а хочет он просто лежать, закрыв глаза, ни о чём не думая, ощущая приятную невесомость своего обнаженного, ничем не стеснённого тела, но тут же подумал, что «малолетний гей» снова обидится, обвинит его, Марка, в нечетности, и – говорить Марк Кириллу ничего не стал, – вместо ответа Марк уверенно, властно потянул Кирилла на себя; податливо подчинившись лежавшему на спине Марку, Кирилл оказался лежащим на Марке, – Марк, «по-женски» раздвинув ноги, положил руки на спину Кириллу, одна рука его машинально скользнула вниз, и он ладонью провёл по упругим мальчишеским булочкам лежащего на нём парня, но не почувствовал при этом ни возбуждения, ни желания; «Еби...» – коротко проговорил Марк, закрывая глаза – отдаваясь всецело возбуждённому Кириллу... ах, какое это было наслаждение – лежать на Марке, ощущать своим голым телом голое тело великолепного Марка, о с о з н а в а т ь, что это не сон! С силой сжав, стиснув свои ягодицы, чтобы вдавиться в Марка ещё сильнее, Кирилл всем телом подался вперёд – скользнул своим твёрдым горячим членом по паху Марка, затем подал своё тело назад, сделал откат, и снова вперёд, и снова

назад... – в душевой он, Кирилл, стоял, и Марк, вдавливаясь в него, двигал своим телом вверх-вниз, а теперь Марк лежал, для удобства Кирилла раздвинув ноги, и Кирилл, сжимая ягодицы, с наслаждением двигал телом вперед-назад, – жарко сопя, Кирилл сладострастно скользил по лежащему на спине Марку, и от скольжения этого член его, сдавленный животами, липко залупался, крайняя плоть двигалась вдоль ствола, влажная головка тёрлась уздечкой о пах Марка, о его живот... в какой-то момент Кирилл захотел засосать Марка в губы, как его, Кирилла, сосал в губы Марк, и Кирилл, не прекращая сладостного скольжения, даже приподнялся для удобства на локтях, но у Марка глаза были закрыты, никакой помощи от него, от Марка, ждать не приходилось, а Кирилл в губы ещё никого не сосал, и вообще он, Кирилл, ещё ни с кем никак не целовался, а потому от желания поцеловать Марка взасос он, Кирилл, тут же отказался, испугавшись, что о п ы т н ы й Марк сразу поймёт, что Кирилл в этом деле лох; Марк, между тем, снова скользнул рукой по спине Кирилла, и ладонь его легла на конвульсивно сжимающуюся попу Кирилла, – не прекращая работать попой, Кирилл тоже скользнул рукой по бедру Марка, чтоб поласкать попу Марка, но ягодицы Марка, лежавшего под Кириллом, были вдавлены в полотенце, так что добраться до круглых булочек Марка оказалось не так-то просто; «Марк... – прошептал Кирилл, прекращая движение, – перевернись на живот... я хочу сзади!» «Давай...» – отозвался Марк, вытягивая ноги; Кирилл скатился с Марка, и Марк, усмехнувшись: «Ты прямо монстр какой-то – хочешь и спереди, и сзади...» – перевернулся на живот; «Я как ты меня в душе... ты там тоже меня и спереди, и сзади...» – отозвался Кирилл, глядя на попу Марка: оттого, что попа была какое-то время вдавлена в полотенце, она вся была в шрамах-вмятинах, но это нисколько не портило общий вид – булочки были круглые, аппетитные, – Кирилл, одной рукой сжимая свой покрасневший, от напряжения раздувшийся член, ладонью другой руки провел по ягодицам лежащего на животе Марка, и ягодицы под его ладонью упруго колыхнулись,

мясисто качнулись из стороны в сторону... наблюдая за Марком все предыдущие дни, Кирилл из своей «засады» сладострастно всматривался в эту попу, тесно обтянутую короткими шортами, он любовался попой Марка и потом, лёжа перед сном в постели, мысленно ласкал её, представляя без шорт, и вот эта попа была перед ним, перед Кириллом, и она была голая, и Кирилл ласкал её уже не в своём воображении, а делал это наяву, – любясь лежащим перед ним обнаженным Марком, Кирилл медленно провел ладонью по загорелой спине Марка, по пояснице, поросшей редким бесцветным пушком, по сочно, скульптурно оттопыренным круглым ягодцам, по ляжкам... «Ты что там делаешь?» – проговорил Марк, невольно шевельнув ногами от щекотливого ощущения; «Я ласкаю тебя» – отозвался Кирилл, не особо задумываясь над значением своих слов, потому что главным были не слова, а то, что он видел и что он чувствовал; «Охренеть! Меня ласкает малолетний гей...» – Марк тихо засмеялся, но в этом смехе не было ни насмешки, ни иронии, ни вообще какого-либо отношения к тому, что он, Марк проговорил, – просто сказал и рассмеялся; Кирилл хотел ответить – хотел сказать, что он гей, но... какое это имело значение? Прекрасный Марк лежал перед ним, и он, Кирилл, был возбуждён, всё его тело было наполнено сладостью предвкушения, и это... только это – то, что было здесь и сейчас – для него, для Кирилла, имело значение, было важным и главным, а всё остальное вроде слова «гей» было либо пустым, не стоящим никакого внимания, либо могло иметь значение, но в совершенно другой ситуации, – Кирилл, влекомый неодолимым желанием, навалился на Марка сверху, с силой вдавил свой твёрдый горячий член в расщелину между сжатыми круглыми булочками, и... чувствуя, как сопящий в затылок Кирилл ёрзает по нему, содрогается, трётся об него своим липким горячим членом, Марк вдруг вспомнил... он вспомнил, как точно так же когда-то делал его одноклассник Адриан, когда они, Адриан и Марк, играли в «папу-маму»: Адриан, лёжа сверху с приспущенными штанами, точно так же сопел Марку в затылок,

ритмично раскачивался на Марке взад-вперёд, а он, Марк, со спущенными штанами лёжа на паласе под Адрианом, терпеливо ждал своей очереди... блин, им тогда было по десять лет, – что могли они, десятилетние, понимать?! «Марк... – Кирилл, прекратив качаться, приподнялся на локтях. – Давай, я тебе в попу всуну... хочешь, чтоб я засунул?» «Насухую? – иронично отозвался Марк; он лежал, повернув набок голову, подложив под щеку тыльные стороны ладоней. – Насухую себе засовывай!» – Марк тихо засмеялся; «Ну, как хочешь», – не стал настаивать Кирилл, – ему, Кириллу, и так было приятно... и не просто было приятно, а было отлично, классно, суперкайфово, – Кирилл снова заёрзал по Марку взад-вперёд, сладко стискивая, сжимая свои ягодицы, чувствуя, как огонь полыхает и в промежности, и между булочек, и в самом члене, жарко стиснутом, скользящем по телу Марка... играть с Адрианом было приятно, это был их, Адриана и Марка, секрет, но вот что теперь, спустя больше десятка лет, ему, взрослому Марку, лежащему под Кириллом, было интересно: с Адрианом было приятно, но потом Адриан уехал, и он, Марк, не стал искать Адриану замену для продолжения этих приятностей, а спустя какое-то время об этой секретной игре совсем забыл... потому что он, Марк, изначально не был предрасположен стать геем? А если бы... если бы Адриан не уехал, то... что было бы дальше? Они, взрослея, прекратили бы сами эту игру, или, наоборот, взрослея, через какое-то время они захотели бы всё испытать, всё попробовать по-настоящему – они дозрели бы до того, чтобы взять друг у друга в рот, чтобы трахнуть друг друга в зад? И тогда бы он, Марк... что тогда бы он, Марк – стал бы геем? А разве сейчас, пососав у Кирилла, трахнув Кирилла в попу, он, Марк, геем не стал? Не стал. Или стал? Кирилл сказал, что про себя он не знает, гей он или не гей... а что про себя знает он, Марк? Разве еще два дня назад он мог подумать-предположить, что сначала он в душевой кабинке... теперь здесь, на берегу озера... и это приятно, это кайфово – кайфово трахаться с парнем... и с девчонками Марку тоже

кайфово! И если бы... если бы здесь и сейчас были б девчонки, разве стал бы он, Марк, кувыркаться с Кириллом? Однозначно не стал бы! Потому что ни разу не пробовал? А теперь вот попробовал, и... что это значит – быть геем? Трахаться только с парнями? А если не только с парнями? Получалось забавно: с Адрианом он, Марк, был геем... потом Адриан уехал, и он, Марк, геем быть перестал... теперь вот с Кириллом он снова гей... а осенью он про Кирилла забудет, женится на Аурике и снова быть геем перестанет... получалась фигня! Марк подумал про Аурику... её, Аурику, он любит, а с Кириллом просто кайфово, как кайфово с девчонками, как кайфово дрочить, когда не с кем потрахаться, – кайф и любовь не одно и то же, и... быть геем – это парней л ю б и т ь, а не просто с парнями трахаться-наслаждаться! Конечно, всё имеет свои названия: и предметы, и чувства, и разные действия, и вообще всё-всё – всё называется словами, но «геем быть» и «как гей трахаться» вовсе не одно и то же, как не одно и то же «дрочить» и «быть онанистом», как не одно и то же «любить» и «трахаться», – при мысли об Аурике Марк почувствовал, как сладко щипнуло у него в промежности, и член его, животом придавленный к полотенцу, стал стремительно напрягаться... между тем, Кирилл уже не елозил по Марку, не раскачивался ритмично взад-вперёд, а хаотично дёргался, словно старался впечататься в Марка, слиться с Марком воедино, и от этого Марк, лежавший под Кириллом, тоже невольно дёргался, давил животом на свой колом вставший член, – содрогнувшись раз и другой, Кирилл обессилено замер, и Марк, почувствовав, как дёрнулся у Кирилла раз за разом член, как вслед за этим сделалось липко и горячо чуть ниже поясицы, понял, что Кирилл разрядился – кончил... оргазм был настолько сильным, что Кириллу на миг показалось, будто от полыхнувшей сладости у него судорогой свело, скрутило яйца, – уткнувшим мокрым от пота лицом в плечо Марка, тяжело дыша, Кирилл чуть слышно прошептал-выдохнул: «Марк, я кончил...» «Ну, естественно, – отозвался Марк с лёгкой иронией в голосе и, подождав

немного, пока лежавший на нём Кирилл отдышится, дёрнул вбок задом, проговорив при этом: – Слазь!» Кирилл, как тряпичная кукла, обессилено скатился с Марка на полотенце, – Марк, ни слова не говоря, ничего не объясняя, чувствуя жар возбуждения, рывком повернулся к Кириллу, без труда перевернул Кирилла на живот, навалился на Кирилла сверху – вдавил напряженный член Кириллу в ягодицы... на этот раз он не стал засовывать свой стояк парню в попу, а просто, как это только что делал Кирилл, заскользил по нему, по Кириллу, толчками вперёд-назад, заёрзал, энергично двигая ягодицами – сладострастно тиская, сдавливая послушное тело парня в своих крепких горячих объятиях...

Потом они лежали голые на полотенцах, причем, получилось так, что Марк оказался лежащим на полотенце Кирилла, а он, Кирилл, лежал на полотенце Марка... конечно, это была мелочь – кто на чьём полотенце лежит, Марк на это даже не обратил внимание, а Кирилл это мысленно отметил: для него, для Кирилла, это было значимо, потому что это было полотенце М а р к а, – они лежали рядом, запрокинув руки назад – подложив под головы ладони, было тихо, и над ними по небу медленно плыли редкие, но фигуристо пышные, белые, как взбитые сливки, облака. «А неплохо... да?» – Марк, повернув голову, весело посмотрел на Кирилла. «Да», – отозвался Кирилл, точно так же повернув голову в сторону Марка; было не совсем непонятно, про что он, Марк, сказал «неплохо» – то ли про секс, который у них сейчас был, то ли про состояние умиротворения, в котором они, Марк и Кирилл, пребывали, не торопясь одеваться, то ли про белые облака, проплывавшие над ними... члены у обоих тоже лежали, но при этом они – и у Марка, и у Кирилла – не съёжились и не сморщились, как измождённые от труда пролетарии, а были мясисто толстые, потемневшие, как это нередко бывает после хорошего траха; «Я тебе на попу кончил», – проговорил Кирилл, думая о том, что завтра Марк снова будет работать в своих узких, туго обтягивающих его

попу шортах, и он, Кирилл, будет смотреть на попу Марка из своей «засады», и для него, для Кирилла, это будет уже совсем д р у г а я попа... «И что?» – Марк посмотрел на Кирилла с лёгким удивлением. «Ничего... просто сказал», – отозвался Кирилл; Марк хмыкнул; «Я тебе в попу кончил, – проговорил Марк, весело глядя на Кирилла. – И что?» «Ничего», – Кирилл рассмеялся; Марк, отвернувшись от Кирилла – снова глядя на облака, подумал про Аурику... А Кирилл подумал, что было б неплохо, если бы все на какое-то время исчезли... не навсегда чтобы все исчезли, а на какое-то время – чтобы ни бабушки не было, ни Богдана Петровича, ни Драгоша, а чтоб были только они – Марк и Кирилл... ну, всё равно как Робинзон Крузо и его верный Пятница на затерянном в океане необитаемом острове...

До дома остаются считанные метры, и Кирилл вопросительно смотрит на Марка:

- Марк, что мы скажем? Купались мы или нет?

- Ну, я не знаю... скажем, что походили по берегу, но берег зарос кустарником, и подходящего места, чтоб в воду зайти, мы не нашли... так? – Марк вопросительно смотрит на Кирилла.

- Так! – соглашаясь с Марком, Кирилл кивает головой. – Скажем, что нужно еще сходить – походить-поискать подходящее место... так? – Кирилл смотрит на Марка, улыбаясь.

- Так, – кивает Марк. – Скажем, что нужно еще сходить...

- Марк, не забудь, о чём мы с тобой говорили, – произносит Кирилл таким тоном, словно из них двоих Марк младший, а он, Кирилл, старший, и он, Кирилл, Марку напоминает.

- О чём мы с тобой говорили? – то ли подыгрывая Кириллу, то ли действительно не понимая, что конкретно Кирилл имеет в виду, Марк смотрит на Кирилла вопросительно.

- Во-первых, ты должен меня научить целоваться всасос. Помнишь про это? – Кирилл не смеётся, не улыбается, он смотрит на Марка серьёзно, даже, как кажется Марку, строго.

- Помню, – Марк послушно кивает головой. – А во-вторых?

- А во-вторых, Марк, ты сам знаешь что... я про то, что сделал сегодня ты и чего не сделал я, – говорит Кирилл и тут же, подумав, что Марк может не понять, быстро поясняет: – Я про то, что мне не хватило смазки... понял, что во-вторых?

- Понял, – Марк снова послушно кивает головой. – Ты так сильно хочешь? – глядя на Кирилла, Марк улыбается.

- Ну, вот сейчас я не хочу, а завтра, может быть, захочу. А ты, Марк... разве завтра ты не захочешь? – Кирилл смотрит на Марка вопросительно, не отвечая улыбкой на улыбку.

- Я как ты, – смеётся Марк.

- Какой ты хитрый! – Кирилл, глядя на Марка, улыбается... какой же он, этот Марк, классный!

Веером, за ужином, Кирилл рассказывает бабушке, как он ходил с Марком на озеро, но поплавать им не пришлось, потому что берег зарос кустарником, и нужно будет сходить ещё...

- Где-то же есть нормальное место типа пляжа, чтоб можно было свободно зайти в воду, – говорит Кирилл, уплетая за обе щеки сырники.

- Ну, сходите еще, поищите пляж, – соглашается Нива Васильевна; она рада, что Кирилл, неделю прожив на даче, не рвётся домой – уезжать с дачи не собирается. – Только ты, Кирюша, имей в виду, что Марк здесь работает, а не отдыхает, у него может не быть времени или желания ходить с тобой искать пляж.

- Ну, я же не буду его отрывать от работы! – говорит Кирилл. – Можно в обед сходить, когда они не работают... сходим, короче, если Марк захочет.

- Да, конечно, – соглашается Нина Васильевна. – Может, тебе привезти из дома какие-то вещи – что-то нужно тебе?

Кирилл тут же думает про вазелин, который ему и Марку будет необходим, но мысль про вазелин сразу отпадает, потому что... как он, Кирилл, объяснит, что ему нужен вазелин? Кирилл называет, что ему нужно привезти: ноутбук, еще одно банное полотенце, наушники в черном фирменном коробочке, который лежит в верхнем ящике его стола, синюю футболку... еще крем какой-нибудь для загара, – Нина Васильевна каждый день ездит в город и потом каждый вечер возвращается назад, так что Кириллу проще было бы съездить с Ниной Васильевной туда-назад самому – взять необходимые ему вещи, но Нина Васильевна такой вариант Кириллу не предлагает, потому что знает, сколько усилий ей стоило вытащить Кирилла на дачу хотя бы на пару дней, и теперь, когда Кирилл готов сам ещё какое-то время пожить «на лоне природы», везти внука назад, в город, было рискованно: вдруг, приехав домой, он передумает возвращаться на дачу, – у дочери Нины Васильевны, мамы Кирилла, возникли серьёзные отношения с перспективой замужества, а у Кирилла возраст взрывной, переходный, он не знает о том, что у него в ближайшее время может появиться отчим-испанец, и еще неизвестно, как он, Кирилл, это воспримет, как на это отреагирует... вот потому-то Нина Васильевна сначала решила вытащить внука на дачу,

чтобы дать дочери «оперативный простор», а теперь обрадовалась, узнав, что Кириллу на даче понравилось и что он хочет ещё пожить «на лоне природы» какое-то время...

Счастливым Кирилл уплетает за обе щеки сырники, и ни он, ни Нина Васильевна ещё не знают, что Кирилл проживёт на даче целый месяц, даже чуть больше, вернётся домой, без каких-либо трудностей и проблем познакомится с Антонио, у них сложатся нормальные дружелюбные отношения, а в середине осени они втроем – мама, Антонио и он, Кирилл – улетят на ПМЖ в Испанию, и жизнь Кирилла кардинально изменится... – ничего этого ни Нина Васильевна, ни Кирилл ещё не знают...

После ужина Нина Васильевна, помыв посуду, расстилает на столе чистую клеёнку, достаёт из портфеля стопку бумаг и, надев очки, начинает читать какой-то текст, время от времени чёркая карандашом – что-то вычёркивая или, наоборот, что-то вписывая, – Кирилл сидит чуть поодаль, слушает, вставив в ухо наушник, музыку, – момент за моментом, закрыв глаза, Кирилл вспоминает всё то, что было сегодня на берегу озера... член у Кирилла напрягается.

- Бабуль, я спать пойду, – говорит Кирилл.

- Ты сегодня ложишься раньше меня? – оторвав взгляд от листка с машинописным текстом, Нина Васильевна поднимает голову – смотрит на Кирилла поверх очков. – У тебя, случайно, не температура?

- С чего? – говорит Кирилл, улыбаясь. – Просто устал... на озере были – ходили туда-сюда...

- Ну, тоже верно, – говорит Нина Васильевна, – иди отдыхай. А я ещё посижу немного, поработаю...

В комнате, плотно прикрыв за собой дверь, не включая свет, Кирилл открывает окно, какое-то время смотрит на звёздное небо... на душе у Кирилла – ощущение полного счастья, – он снимает шорты, ложится на постель, приспускает трусы и, перевернувшись на живот – обняв подушку, начинает бесшумно раскачиваться взад-вперёд, сладострастно сжимая, стискивая ягодички... Кирилл трётся членом о простыню, думая о Марке – о самом офигенном парне в мире... седьмой день подходит к концу, – перевернувшись на спину, Кирилл подставляет салфетку... потом, отдышавшись, вновь натягивает трусы, – опустошенное тело словно парит в невесомости... в распахнутое окно из звёздной ночи в комнату щедро струится лунный свет... и, уже засыпая, Кирилл успевает подумать о том, что сегодня был самый важный, самый лучший, самый главный день в его жизни...

POST SCRIPTUM: ПОСЛЕСЛОВИЕ ВТОРОЕ, или ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ. Последний раз Кирилл был на даче десять лет назад; была зима, Нине Васильевне в ту зиму исполнялось семьдесят лет, и из Испании на её день рождения прилетали все родственники: дочь Ольга с мужем-испанцем, и внук с женой, русской француженкой, – Кирилл уже был женат, и жена его, Анна, была на седьмом месяце; Нина Васильевна зимой жила в городе, машину она уже не водила, на даче бывала наездами – либо ездила на дачу на такси, что было накладно, либо её брали с собой приятели, у которых дачный участок был почти рядом с дачным участком Нины Васильевны; в тот раз, когда прилетал Кирилл, Нине Васильевне нужно было забрать на даче какие-то вещи, съездить было нужно буквально туда-сюда, и она на такси поехала вместе с Кириллом, – дачный участок был занесён по пояс снегом. Кирилл протоптал дорожку к коттеджу, они забрали какие-то вещи, нужные Нине

Васильевне, и, не задерживаясь, на том же такси вернулись назад, в город; всё это было десять лет назад...

И вот, спустя ещё десять лет, Кирилл снова на даче, но теперь не зима, а лето, всё утопает в зелени; дачный участок, где всё лето живет Нина Васильевна, и тот и не тот: нет на участке ни старого сарайчика, приспособленного когда-то под временное жильё, ни просторной душевой кабинки, у которой не было крыши, ни старого дачного домика, где у Кирилла была своя комната... всё давно снесено, и на месте строений, ставших ненужными после постройки коттеджа, уже выросли и постареть успели давно посаженные деревья, – всё на дачном участке теперь не так, как было когда-то, и только белые, как взбитые сливки, облака, неспешно плывущие по бездонно-синему небу, кажутся точно такими же, как в то лето, когда Кириллу было четырнадцать лет... потом он узнал, почему так упорно бабушка хотела, чтоб он «отдохнул на лоне природы»: маме в то лето было тридцать шесть, Антонио было сорок, он был писателем, чью книгу рассказов мама за год до этого перевела на русский язык, они почти год переписывались, потом Антонио прилетел специально, чтоб встретиться, вспыхнули чувства, – он, Кирилл, ничего об этом не знал, а когда узнал, ничуть не обиделся ни на бабушку, ни на мать, что от него всё это скрыли, всё порешили без него, а его, когда он вернулся с дачи в город, просто поставили перед фактом... да и как бы он, Кирилл, мог обижаться на бабушку за то, что она вытащила его на дачу? Наоборот, он был благодарен ей за это... был благодарен за то, что у него, у Кирилла, случилось на даче великолепное лето, о чем Нина Васильевна, понятное дело, знать не могла – и никогда не узнала...

Кирилл, вытянув ноги, сцепив ладони поднятых рук на затылке, полулежит в шезлонге – аккуратно на том самом месте, где когда-то он сидел с Марком на траве, ему было четырнадцать лет, он был возбуждён, и сердце у него, у

Кирилла, выпрыгивало из груди, – глядя на яблоню, растущую на месте душевой кабинки, Кирилл вспоминает... когда вся оговоренная работа по возведению коттеджа была закончена и строители получили полный расчет, Нина Васильевна «накрыла поляну» – организовала «общий прощальный обед»; у них – Богдана Петровича. Драгоша и Марка – уже были куплены билеты домой, поезд отходил вечером, Марк вышел к столу в джинсах и футболке, весело подмигнул Кириллу, садясь за стол, Кирилл в ответ подмигнул Марку тоже, – он, Кирилл, видел Марка в джинсах впервые, джинсы тесно обтягивали скульптурно красивую попу Марка, отчего Марк казался ещё стройнее... после обеда бабушка отвезла строителей на вокзал, – усаживаясь в машину, они – и Богдан Петрович, и Драгош, и Марк – все по-мужски пожали Кириллу руку; Марк, глядя Кириллу в глаза, на мгновение задержал руку Кирилла в своей руке, но ничего не сказал – лето кончалось, они расставались, и говорить было не о чем... когда все уехали, Кирилл долго бродил по опустевшему участку, потом зашел в душевую кабинку, разделся догола и, вспоминая, как месяц назад в с ё началось, долго-долго дробил, изнемогая от кайфа, от любви к Марку, от ощущения утраты... оставаться на даче уже не имело никакого смысла, и бабушка на следующее утро отвезла Кирилла в город – домой, а ещё через три месяца у Кирилла началась совершенно другая жизнь...

Вспоминал ли он. Кирилл, Марка? Вспоминал, конечно, и вспоминал часто – каждый раз, когда он, стоя в ванной, или лёжа в своей постели, или сидя за письменным столом, с подростковой неуёмностью мастурбировал, он думал о Марке, точнее, он вспоминал, как они трахались летом на даче у бабушки: какое-то время Марк неизменно лидировал среди прочих «сюжетов», сопровождавших подростковый дроб Кирилла, но совершенно новая жизнь, начавшаяся в Испании, брала своё, Кирилл вырослел, горизонт его жизненный стремительно расширялся, и Марк понемногу стал забываться,

вытесняться из памяти – пока не вытиснился совсем, – Кирилл сначала учился в русской школе, но быстро заговорил по-испански, потом перешел в испанскую среднюю школу «secundaria», потом в старшую школу «bachillerato», после которой уже можно было поступать в какой-нибудь университет; у Кирилла действительно была способность к языкам: обучаясь в испанской школе, Кирилл вдобавок к испанскому языку выучил французский, так что когда он получил аттестат о полном школьном образовании *diploma de bachiller*, оставалось лишь выбрать, где получить высшее образование – где и какое, то есть с какой профессией связать свою будущую жизнь; на семейном совете Антонио предложил Кириллу учиться на стоматолога, мотивируя это тем, что стоматологи, как и гинекологи, без работы сидеть никогда не будут, – от двух предыдущих браках детей у Антонио не было, и он относился к Кириллу как к сыну; сам Кирилл не знал, кем он хочет быть, потому на семейном совете решили: быть ему стоматологом – так Кирилл с отличным знанием французского языка оказался в одном из престижных французских университетов; там, во Франции, на одной из вечеринок Кирилл встретил Анну, будущую жену... встретил – и влюбился, как влюбился когда-то в Марка, но Марк к тому времени уже был забыт, Анна была старше Кирилла почти на четыре года, у неё был трёхлетний сын, но всё это Кирилла несколько не охладило, – они поженились, когда Кирилл учился на последнем курсе; вскоре у них родилась София, маленького Ноэля Кирилл усыновил... сейчас Ноэлю уже тринадцать, скоро будет четырнадцать, он знает, что Кирилл ему не родной отец, но он называет Кирилла папой, и он, Кирилл, его любит ничуть не меньше, чем Софию, – Ноэль говорит на испанском и французском, он спортсмен, увлекается серфингом... правда, учится он без охоты, но, в общем и целом, парень растёт отличный! И уже проявляет бурный интерес к девочкам – у тринадцатилетнего Ноэля есть подружка, и Анна в шутку говорит, что она опасается раньше времени стать бабушкой...

Солнце начинает припекать, – Кирилл, полулёжа в шезлонге, закрывает глаза... за двадцать прошедших лет практически всё забылось – и то лето на даче, и Марк, который учил его, подростка Кирилла, целоваться в засос... что это было? Любовь? Влюблённость? Кирилл вспоминает... однажды они чуть не попались: уже было сделано перекрытие между первым этажом и этажом мансардным, были поставлены стропила под двускатную крышу и с одной стороны уже была набита обрешетка, то есть строительство шло полным ходом; в тот день Нина Васильевна, Богдан Петрович и Драгош снова уехали в город, досок для обрешетки не хватало, нужно было еще купить и заказать, чтоб привезли, Драгош поехал, «чтобы проветриться», а Марк не поехал – сказал, что он лучше поспит; Кирилл с вечера знал, что на даче, кроме него и Марка, никого не будет, утром Кирилл проснулся первым, Марк ещё спал, Кирилл наполнил водой бак для душа, чтобы к вечеру вода нагрелась, походил по участку, ожидая, когда Марк проснётся; проснувшийся Марк вышел из своего сарайчика, оборудованного под временное жильё, при виде скучающего Кирилла его заспанное лицо расплылось в улыбке: «У меня стоит!» – весело сообщил Марк о своей утренней эрекции; «У меня тоже!» – без промедления отозвался Кирилл, чувствуя, как от слов Марка, сообщившего о своём стояке, у него, у Кирилла, член в шортах тоже начал стремительно затвердевать; сначала они хотели пойти в старый дачный домик, в комнату Кирилла, но Марк предложил подняться на мансарду, Кирилл взял покрывало, чтоб расстелить на полу, взял тубик с вазелином... там, на полу залитой утренним солнцем мансарды, он, Кирилл, первым трахнул Марка в попу, содрогаясь от кайфа, выплеснул в Марка своё подростковое возбуждение, потом они поменялись местами, и... аккурат в тот момент, когда «отстрелявшийся» голый Кирилл лежал на спине, положив поднятые вверх ноги на плечи Марка, и голый Марк, нависая над Кириллом, с молодым наслаждением двигал задом – гонял в попе Кирилла горячий член, они слышали, как скрипнула половица... всё решали секунды! Марк,

соскочив с Кирилла, на ходу зацепив свои трусы, рысью метнулся за выложенную из кирпича дымоходную колонну, одновременно показывая Кириллу, чтобы тот обмотался покрывалом, – растерявшийся, перепуганный Кирилл стремительно вскочил на ноги и, подчиняясь жесту Марку, в одно мгновение обмотав покрывало вокруг бёдер, с бьющимся сердцем торопливо шагнул к лестнице, ведущей вниз... если б вернулись раньше времени бабушка, Богдан Петрович и Драгош, Марк и Кирилл наверняка услышали б, как подъехала машина, но никакого звука от подъезжающей машины не было, – шагнув к лестнице, ведущей вниз, на первый этаж, Кирилл лицом к лицу столкнулся с соседкой... может быть, она видела, как Марк и Кирилл заходили в коттедж? А если видела, то о чём она подумала – зачем пошла следом? Теперь, спустя двадцать лет, этого не узнать... а тогда Кирилл, сказав «доброе утро», не столько осмысленно, сколько машинально стал спускаться по лестнице вниз, напирая на соседку, и соседке ничего не оставалось, как развернуться к выходу; соседке Кирилл сказал, что наверху он загорал, что ему нужно спуститься попить воды, что бабушка и рабочие уехали в город за строительным материалом... всё получилось на удивление естественно и потому вполне правдоподобно! А если б они не услышали скрип половицы? Если б эта соседка, поднявшись наверх, в с ё увидела, – если б она увидела, как голый Марк, нависая над голым Кириллом – ритмично двигая задом – его, Кирилла, н а с и л у е т?! Страшно представить, что могло бы случиться дальше... он, Кирилл, в то лето был несовершеннолетним, то есть был как бы неполноценным для кукловодов, регламентирующих секс, и кто бы стал разбираться, что и как было на самом деле, – вся жизнь и Кирилла, и Марка могла бы пойти наперекосяк... потом Кирилл, выпроводив соседку, напившись воды, поднялся наверх, и Марк завершил прерванное занятие – кончил Кириллу в попу... никто никого не насиловал, – они трахались на берегу озера, трахались в комнате Кирилла днём, когда Богдан Петрович и Драгош дрыхли во время с и е с т ы в

сарайчике, а бабушка была в городе, несколько раз они трахались ночью в комнате Кирилла, когда Нине Васильевне по каким-то причинам нужно было остаться на ночь в городе и он, Кирилл, каждый раз уверял её, что он уже взрослый и потому он спокойно может остаться на даче на ночь один... бабушка оставалась на ночь в городе, Богдан Петрович и Драгош, уставшие за день, засыпали, неутомимый Марк приходил к Кириллу, ожидавшему его, Марка, в беседке, они шли в комнату Кирилла, снимали трусы, ложились в постель, и... это были минуты бесконечно сладкого упоения юностью, молодостью, свободой, любовью, сексом: Кирилл, наученный Марком целоваться взад, сосал Марка в губы, Марк сосал в губы Кирилла, они ласкали друга, сосали друг у друга члены, трахали друг друга в попы... это было великолепное лето – лето первой любви Кирилла, и только те, у кого мозги неисправимо засраны, лукаво извращены замшелыми «скрепами», могли увидеть в т а к и х человеческих отношениях извращение и изнасилования...

- ¡Pará, el almuerzo pronto estará lista! – слышит Кирилл голос дочери; он открывает глаза – Софи, улыбаясь, смотрит на Кирилла сверху вниз; ей девять лет, она черноглазая, худенькая, и Кирилл называет её «mi requeña princesa».

- ¡Bien! – Кирилл, подняв руку, открывает ладонь, и София вкладывает в его ладонь свою маленькую ладошку. – ¿Quieres comer? – с улыбкой спрашивает Кирилл.

- Un poco, – не отрицает София, скорчив забавную рожицу.

- Bueno, pronto almorzaremos... – Кирилл смотрит на Софи вопросительно. – ¿Suficiente paciencia?

- ¡Sí! – весело отвечает София.

- С бабушкой говоришь по-русски? – спрашивает Кирилл по-русски; София какое-то время шевелит губами, сосредоточенно глядя на отца, потом снова улыбается:

- ¡Sí!

- Скажи по-русски! – смеётся Кирилл.

- Да! – не задумываясь, восклицает София; говорит по-русски она плохо, понимает чуть больше, дома Кирилл ей постоянно говорит разные русские слова, и теперь ей нравится учить новый язык, на котором с ней говорит старая бабушка.

Анна и Нина Васильевна готовят обед. Анна родилась во Франции, но родители её были выходцами из России, и потому Анна неплохо говорит по-русски – Нина Васильевна называет Анну «русской француженкой». Нине Васильевне зимой будет восемьдесят лет, но она ещё бодрая – всё лето живёт на даче, ничем не болеет, ухаживает за клумбами с цветами и говорит, что «на лоне природы» она, невзирая на годы, лишь молодеет, – к коттеджу примыкает беседка из винограда, в которой у Нины Васильевны летняя кухня, – София вприпрыжку убегает к матери и «русской бабушке», а Кирилл, полулёжа в коротких шортах в шезлонге, вновь закрывает глаза – он думает о далёком лете, о Марке, о себе, о том, что было потом... а что было потом? Потом не было ничего, что м о г л о б ы б ы т ь после классного траха с Марком... ну-да, был еще Пабло, но это всё было и кратковременно, и совсем не то, что было с Марком...

Теперь Кирилл понимает, что Марк, с которым он трахался, не был геем. И он, Кирилл, тоже геем не стал, потому что геем он тоже не был, – его мальчишеская влюблённость в Марка, страстная и всепоглощающая, вспыхнувшая, словно огонь, была, как это нередко случается у подростков,

поиском собственной идентичности на пути взросления, – страстно желаемый, взаимный и полноценный секс с Марком был для него, для Кирилла, всего лишь этапом его взросления – секс был о п ы т о м, который потом ему, Кириллу, не пригодился, потому что в дальнейшем, по жизни, он, Кирилл, оказался не в э т о й «команде»... как, впрочем, и Марк – они оба были не в т о й «команде», но так получилось, так сошлись звёзды, и они больше месяца с упоением трахали друг друга, потому что природа человека универсальна... просто у них, у Кирилла и Марка, были разные побудительные причины для однополого секса: Кирилл на какое-то время заменил двадцатидвухлетнему Марку Аурику, в которую Марк был влюблён, а для четырнадцатилетнего Кирилла Марк на какое-то время стал тем, кто дал ему, Кириллу, возможность реализовать одну из граней его подростковой бисексуальности, присущей если не всем, то многим мальчишкам в пору их зависаний-метаний между «янь» и «инь», – другая грань, о которой грезил Кирилл, мастурбируя «на одноклассницу Вику», на то время Кириллу была ещё неизвестна, а в т о лето эта другая грань вообще ушла в тень, перестала для него, для влюблённого в Марка Кирилла, существовать... чем хороша была для Кирилла его влюбленность в Марка? Не в смысле классного секса, которому он, Кирилл, предавался с Марком на даче больше месяца, а в смысле решения подростковых вопросов сексуальной бинарности... трахаясь с Марком, Кирилл, сам о том не задумываясь, реализовал те свои грёзы-фантазии, которые возникали у него, когда он дрочил «на одноклассника Владика», – эта страница бисексуальности в то лето была прочитана и перевёрнута: с условным Владиком на примере секса с реальным Марком было всё ясно и понятно – впереди вновь замаячила ещё не познанная условная Вика, – одноклассники Владик и Вика были для него, для Кирилла, как два берега одной реки под названием «секс», и, побывав на одном берегу, исследовав берег один, Кирилл, взрослея, уже плыл на всех парусах к берегу другому... правда, потом, позже, у Кирилла ещё был секс с парнем, но это

было всего лишь несколько раз во время учёбы в старшей школе «bachillerato», и это была не любовь и даже не влюблённость, а это был самый обычный секс: Кириллу было семнадцать лет, его однокласснику Пабло было тоже семнадцать, то есть не было ни старшего, ни младшего, как это было у Кирилла с Марком, – они, Кирилл и Пабло, были ровесниками, Пабло был лёгкий в общении, был разговорчивый и весёлый, и этим он напомнил Кириллу Марка – он, Пабло, позвал Кирилла в гости, дома никого не было, они, сидя на полу, на небольшом мягком ковре, пили херес Фино, у которого был янтарный цвет и чуть сладковатый вкус... вскоре они опьянели, Пабло стал в шутку обнимать Кирилла, они стали дурачиться, стали со смехом бороться на полу, Пабло, как бы шутя, сунув руку Кириллу в штаны, схватил Кирилла за член, и Кирилл не остался в долгу – сунул руку свою в штаны Пабло; понятно, что он, Кирилл, возбуждился, вино пролилось «на старые дрожжи», и там же, на мягком коврике, у них, у Кирилла и Пабло, был взаимный – оральным и анальным – секс, – все случилось как бы спонтанно, непреднамеренно, но всё, что было, прошло великолепно! У Пабло был выбрит лобок, отчего его крупный член казался ещё крупнее, волос не было на промежности и вокруг сжатой дырочки, ни одной волосинки не было на мошонке, всё было тщательно выбрито, и это Кириллу показалось прикольным – у него, у Кирилла, даже возникла мысль сделать себе точно такую же красоту, но потом Кирилл от этой мысли отказался – красота смотрелась как-то уж слишком по-детски... или по-гейски; потом они вместе стояли под душем, ласкали друг друга руками, сосались в губы, друг другу драчили... там, под душем, они кончили ещё по разу, – Пабло, когда они отдыхали, рассказал Кириллу *en secreto*, что он, Пабло, трахается с мальчиками с тринадцати лет, что впервые в попу его трахнул *primo mayor*, которому было пятнадцать лет, что у него, у Пабло, уже было *varios socios permanentes* и что он, Пабло, гей – ему нравятся только парни, а к девчонкам его совершенно не тянет; Кирилл в ответ рассказал, что он тоже трахался с

парнем, но ему, Кириллу, девчонки нравятся тоже, – казалось бы, они нашли общий язык для секса, и потом это было ещё несколько раз: Пабло приглашал Кирилла в гости, Кирилл приходил, и всё повторялось... это был самый обычный секс – секс для взаимного удовольствия, но... когда Пабло очередной раз позвал Кирилла к себе, Кирилл идти в гости отказался – он сказал, что Пабло *chico genial*, отличный парень, и что всё было тоже отлично, *todo estuvo genial*, но... к тому времени, когда у Кирилла возникли интимные отношения с Пабло, он, Кирилл, уже не был девственником – девственности его лишила жившая по соседству горячая тридцатилетняя марокканка, западавшая на молоденьких мальчиков, потом у Кирилла ещё был секс с двумя симпатичными девчонками, его ровесницами, и ещё... ещё было столько классных девчонок вокруг, которых Кирилл и хотел, и готов был трахать! А для Пабло, который был геем, Кирилл всего-навсего стал на какое-то время очередным «постоянным партнёром»... конечно, секс с Пабло был отличный, но это был только секс, то есть было совсем не то, что было с великолепным Марком, в которого он, Кирилл, был страстно влюблён... «¡Lo siento! estoy en un equipo diferente», – видя недоумённый взгляд Пабло, пояснил-ответил Кирилл, и Пабло, всё поняв, не стал настаивать: каждый вправе делать свой выбор...

- ¡Parà! Gatto! – Кирилл открывает глаза и, повернув голову в ту сторону, куда показывает София, видит огненно-рыжую кошку, с опаской идущую вдоль забора. – ¿Posso accarezzarla? – дочь вопросительно смотрит на отца.

Кирилл смотрит на кошку... вихляя лохматыми бёдрами, рыжая кошка важно проходит мимо сидящих Кирилла и Марка, не обращая на них никакого внимания, словно их, рядом сидящих на траве, не существует в природе... нет, это, конечно, другая кошка – та двадцать лет назад шла вальяжно, уверенно, а эта идёт осторожно, глядя с опаской то на Софию, то на Кирилла... рыжая кошка с лохматыми бёдрами...

- ¡Papà! ¿Posso accarezzarla? – напоминает о себе София, с лёгким удивлением глядя на отца, который, не отзываясь, внимательно смотрит на рыжую кошку.

- Спроси у бабушки... – говорит Кирилл и, видя, что Софи его не понимает, повторяет по-испански: – Pregúntale a tu abuela.

София вприпрыжку убегает в беседку, где Нина Васильева и Анна готовят обед, Кирилл провожает взглядом кошку, которая исчезает на соседнем участке, и когда София через минуту возвращается с радостным криком «¡La abuela dijo que podía!», кошки уже нет.

- ¿Dov'è un gatto? – девочка растерянно смотрит на отца.

- Убежала, – говорит Кирилл; он шевелит двумя пальцами, средним и указательным, наглядно показывая Софии, что сделала кошка.

- ¿È scappata? – уточняет София, глядя на пальцы Кирилла.

- Убежала, – повторяет Кирилл, кивая головой.

- Убежала, – старательно вслед за отцом повторяет София; ей девять лет, и она хочет стать балериной...

Обедают они – Нина Васильевна, Анна, Кирилл и София – в беседке, примыкающей к глухой стенке коттеджа, – летом беседка служит для Нины Васильевны и летней кухни, и столовой; говорят по-русски, – у Анны русские корни, и Нина Васильевна в шутку называет Анну «русской парижанкой»; Анна – искусствовед, работает в одном из музеев Барселоны; Кирилл работает в стоматологическом центре крупной медицинской клиники, благодаря знанию трех языков, не считая «родного» испанского, у него обширная практика, – Нина Васильевна в шутку называет Кирилла «мой испанский внук»... кроме дочери Ольги, живущей с Антонии в Испании, и

внука Кирилла, тоже ставшего настоящим испанцем, у Нины Васильевны никого нет; накануне приезда Кирилла с Анной и Софи Нина Васильевна, всю жизнь проработавшая в адвокатуре, сама составила завещание с учетом всех возможных нюансов, отписав и дачу с участком, и городскую квартиру внуку Кириллу, – накануне они съездили к нотариусу, всё оформили, а на слова Кирилла «ты, бабуля, торопишься, ты ещё будешь жить и жить», когда она сказала Кириллу, зачем им нужно посетить нотариуса, Нина Васильевна резонно ответила, что умирать она не собирается, но ей уже восемьдесят лет и лучше об этом подумать заблаговременно: «завещание карман не тянет»...

- Бабуль... – Кирилл вопросительно смотрит на Нину Васильевну, – ты помнишь то лето, когда строился этот коттедж?

- Конечно, помню! – Нина Васильевна на секунду задумывается. – Ты в то лето не хотел сюда ехать, и я тебя еле-еле уговорила, – Нина Васильевна, глядя на Кирилла, улыбается и, уже глядя на Анну, поясняет: – Кирюша никак не хотел сюда ехать, я его еле уговорила побыть на лоне природы хотя бы немного, хотя бы несколько дней, а потом ему так понравилось здесь, что прожил он даче целый месяц... так? – Нина Васильевна, улыбаясь, снова смотрит на Кирилла. – Я ничего не забыла?

- Всё было так, – смеётся Кирилл. – И не хотел, и прожил потом месяц... а ты помнишь большую рыжую кошку?

- Мусю? – Нина Васильевна на секунду-другую невольно задумывается – взглядом уходит внутрь себя, в то далёкое лето. – Конечно, помню...

- Вот! А теперь я смотрю: опять идёт та же самая Муся... словно не было всех этих лет, что прошли...

- Муси, Кирюша, давно уже нет, – Нина Васильевна вздыхает. – А эта кошка, которую ты и София сегодня видели, Мусина правнучка... или даже

праправнучка, – думает вслух Нина Васильевна. – Эти рыжие кошки, мне кажется, были здесь всегда – из поколения в поколение... и все почему-то рыжие! А ты помнишь строителей, которые делали нам коттедж? – Нина Васильевна оживает. – Богдан Петрович, Драгош, Марку... помнишь их?

- Конечно, – Кирилл улыбается. – Только тогда ты, бабуля, говорила не Марку, а Марк... помнишь?

- Конечно, помню! – Нина Васильевна смеётся. – Он мне сначала не понравился, а потом оказался парнем хорошим, работающим. Кстати... – Нина Васильевна оживает, – я тебе, кажется, говорила... или, может, не говорила? Марку на следующий год приходил сюда...

- Марк? Приходил юда? – Кирилл на мгновение напрягается. – Ты ничего мне об этом не говорила... зачем приходил? – Кирилл вопросительно смотрит на Нину Васильевну.

- Они в том же составе и ещё Василий, младший сын Богдана Петровича – ты, Кирюша, его знать не мог, он в то лето у нас не работал – на следующий год снова работали в нашем посёлке, тоже строили коттедж, только не полуторазэтажный, как у нас, с мансардой вместо второго этажа, а возводили большой двухэтажный дом, и Марк приходил сюда... сказал, что пришел посмотреть, стоит ли коттедж... балабол! – Нина Васильевна смеётся. – Я его чаем угостила, посидели немного... он про тебя спрашивал, приедешь ли ты летом на дачу, я сказала, что ты в Испании и ехать тебе на дачу к бабуле уже не с руки... он про себя рассказал: что женился, что они осенью ждут ребёнка... словом, душевно так посидели, поговорили... хороший парень! – Нина Васильевна умолкает, мысленно всматриваясь в прошлое, и Кирилл видит, как постарела бабушка за прошедшие два десятка лет; словно почувствовав, о чём подумал Кирилл, Нина Васильевна вздыхает: – Всё, Кирюша, проходит: и юность, и молодость, и жизнь...

- Бабуль! – Кирилл с улыбкой смотрит на Нину Васильевну. – Ты что... похандрить захотела?

- Я? Похандрить? – отзывается Нина Васильевна, глядя на Кирилла с шутливым возмущением. – Ты когда-нибудь видел меня хандрящей?

- Вот и я о том же, – Кирилл смеётся. – Хандра тебе не идёт...

Обед – неспешный, за разговорами ни о чём – затягивается на два часа... а куда торопиться? Лето, у Кирилла и Анны отпуска, – София, пообедав, уходит на мансарду пообщаться с подружками в соцсетях, а они втроем – Нина Васильевна, Анна и Кирилл – ещё долго сидят за столом, разговаривают, смеются... Анна и Нина Васильевна планируют, что приготовить на ужин... потом они – Анна и Нина Васильевна – тоже уходят на мансарду, где царит прохладный полумрак, чтоб подремать перед ужином, или, как говорит Нина Васильевна, «сделать сиесту», а Кирилл ставит в тени шезлонг, ложится, чтоб подремать «на лоне природы», но сна нет, – он Кирилл, думает... вспоминает и думает.

Белые облака медленно, величаво плывут по небу, и облака эти точно такие же, как в Испании... точно такие же облака плыли по небу в то жаркое лето, когда ему, Кириллу, было четырнадцать лет... зачем он, Марк, приходил – зачем узнавал, приедет ли он, Кирилл, на дачу снова? Марк не был геем... и что? Он, Кирилл, геем тоже не стал... а мог бы? Или не мог? Кирилл вспоминает соседку-марокканку, лишившую его девственности... потом были другие девчонки... был Пабло, который был геем, – с Пабло был классный секс, но... были ещё девчонки и взрослые женщины... потом он, Кирилл, встретил Анну... – Ноэлю уже тринадцать лет, Софии девять... не успеешь оглянуться, как они станут взрослыми, – жизнь Кирилла пошла-покатилась по предназначенному ей свыше руслу, – Кирилл, полужёжа в шезлонге, вспоминает Марка... вспоминает, как Марк учил его целоваться

взасос, как они трахали друг друга, как друг у друга сосали, и... у него, у Кирилла такое ощущение, что всё, что было когда-то, было не с ним, а с кем-то другим: жаркое лето на даче... влюблённость подростка в парня... не утоляемое желание секса... ежевечерние мастурбации перед сном... страстный взаимный трах... – всё прошло, всё кануло в Лету... всё растворилось в прошлой жизни – как растворятся где-то за горизонтом проплывающие по небу белые облака...

